

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*
Н.М.Карамзин

ISSN 0869-6322

2003

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯ
В.З.ИВАНОВА-ПАЙМЕНА
Н.С.ХРУЩЕВУ

СОВЕТСКИЙ РЕЗИДЕНТ
КЕНТ ГЛАЗАМИ МЮЛЛЕРА
И ПАННВИЦА

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
АКАДЕМИКА Б.Е.ЧЕРТОКА
АРМИЯ СПАСЕНИЯ
В РОССИИ

ПЕРЕПИСКА НИКОЛАЯ II
И Д.Ф.ТРЕПОВА

О ВХОЖДЕНИИ
ДАГЕСТАНСКИХ
ВЛАДЕЛЬЦЕВ
В СОСТАВ РОССИИ

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivo Historico

№ 4

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2003

№ 4

Выходит 6 номеров в год

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Реорганизация
идеологического
аппарата ВКП(б).
1946 г.

Автобиография
генерала
З.И.Кондратьева

Мастера русской
историографии:
М.В.Нечкина

Переселение
казаков-некрасовцев
из Турции в СССР

Архивы ВЧК–ФСБ
о рабочем протесте
в 1918 г.

Внешняя торговля
на юге России
глазами канцлера
А.П.Бестужева-Рюмина

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А. ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В. АНАНЬИЧ, Н.Н. БОЛХОВИТИНОВ, О.В. ВОЛОБУЕВ,
В.П. КОЗЛОВ (председатель), С.В. МИРОНЕНКО, В.С. МЯСНИКОВ,
Р.Г. ПИХОЯ, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, А.Н. САХАРОВ, А.К. СОРОКИН,
А.Д. СТЕПАНСКИЙ, А.О. ЧУБАРЬЯН, В.В. ШЕЛОХАЕВ, С.О. ШМИДТ

Редакция:

В.Ю. АФИАНИ (зам. главного редактора), О.И. ГОРЕЛОВ
(зам. главного редактора), Г.И. НАУМЕНКО (отв. секретарь),
М.И. ОДИНЦОВ, А.Н. СВАЛОВ, Ю.В. СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 117393, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-82-37

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».
Адрес издательства: 117393, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел./Факс: 334-81-62. E-mail: rosspen@gosspen.com

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.infomag.ru:8080/dbase/J089R/>

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@irp.net

Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

© «Исторический архив», 2003

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

«...ТРИУМФ XXII СЪЕЗДА — ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВАШ ЛИЧНЫЙ ТРИУМФ»

Письмо чувашского писателя В.З.Иванова-Паймена
Н.С.Хрущеву. 1961 г.

Прошедший в октябре 1961 г. XXII съезд КПСС стал крупным событием в общественной жизни страны: не только под воздействием агитационно-пропагандистской кампании, связанной с принятием третьей партийной программы¹, но и в немалой степени благодаря тому, что на нем с новой силой была затронута тема сталинских преступлений, близкая миллионам советских граждан. Съезд стал новым рубежом в кампании по разоблачению «культа личности», начало которой положил «закрытый» доклад Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС².

Знаковыми событиями, продемонстрировавшими народу и мировой обществу решительный разрыв со сталинской политической традицией, стали вынос гроба с останками И.В.Сталина из мавзолея В.И.Ленина, а позже — переименование Сталинграда в Волгоград. Принятое лично Н.С.Хрущевым решение о публикации повести А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (напечатана в ноябрьском номере «Нового мира» за 1962 г.) пробило брешь в цензурных заслонах на пути к читателю «лагерной» прозы, сделало возможным в открытой печати говорить о теме репрессий³.

¹ Одобренные июньским (1961 г.) пленумом ЦК КПСС проекты новой программы и устава были вынесены на всенародное обсуждение (опубликованы в печати соответственно 30 июля и 5 августа 1961 г.). 14 октября 1961 г. очередной пленум подвел итоги этого обсуждения. В ЦК КПСС, местные партийные органы, в редакции журналов и газет, на радио и телевидение поступило свыше 300 тыс. писем, статей и заметок с предложениями. Для их анализа и обобщения в ЦК КПСС были образованы 22 рабочих группы (См.: Из истории создания программ Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 129).

² После ряда публикаций, посвященных этому докладу, вышел, наконец, и объемный документальный сборник. См.: Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002.

³ Весьма примечательна легенда, согласно которой после выхода повести, когда редакцию журнала завалили подобной литературой, А.Т.Твардовский в отчаянии однажды заявил: «Что же, у меня журнал “Каторга и ссылка” что ли?» (О Колыме, товарищах, судьбе. Из воспоминаний И.С.Исаева о 1936–1955 гг. // ИА. 2001. № 2. С. 88). С другой стороны, процесс публикации произведений на лагерную тему испытывал известные сложности. Свидетельства того, как А.И.Солженицын был вынужден «консультироваться» с властью по этому поводу, содержатся, в частности, в письме помощника Н.С.Хрущева В.С.Лебедева своему шефу от 22 марта 1963 г. (См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 12).

О том, как непросто развивался после XX съезда КПСС процесс десталинизации в условиях, когда партаппарат пытался жестко контролировать процесс антисталинской критики снизу, сегодня известно немало⁴.

Непоследовательность самого Н.С.Хрущева в борьбе против искоренения наследия сталинизма, его приверженность к администрированию (в частности, практика «воспитательных бесед» с представителями творческой интеллигенции) воспринимались в обществе, как свидетельство возвращения к нормам политической жизни сталинского времени. Но не менее значимо и то, что некоторые корреспонденты, проявившие несогласие с Н.С.Хрущевым, решались открыто вступать с ним в спор⁵.

Оценивая современную историческую литературу, посвященную «хрущевской эпохе», и прежде всего сюжетам, связанным с «разоблачением культа личности Сталина», можно согласиться с недавно высказанным мнением о том, что несмотря на все усилия отечественной историографии, «целостной картины, позволяющей со всей полнотой выявить и проследить зигзаги демонтажа сталинского культа, составлено не было». Справедливо замечено, что «историки только приступили к серьезному изучению такой важной темы, как восприятие широкими слоями советского общества курса на разоблачение культа личности Сталина», и эта работа требует привлечения нового архивного материала⁶.

Среди источников, способных пролить свет на эти пока еще малоизученные сюжеты, важное место занимают документы личного происхождения — мемуары, дневники, переписка⁷.

Как специфический эпистолярный жанр, письма советских граждан в высшие органы власти и руководителям государства хорошо известны историкам советского общества. В последнее время внимание отечественных ученых к ним не просто возросло, а вступило в новую фазу: начался процесс их комплексной публикации и изучения, с попыткой классификации, исследования механизма прохождения через властные инстанции, способов работы с ними вождей и т.д. Достаточно упомянуть лишь два издания с весьма характерными названиями: «Голос народа...» и «Письма во власть...»⁸.

4 См.: Барсуков Н.А. Обратная сторона «оттепели» (общественный резонанс на доклад Н.С.Хрущева «О культе личности и его последствиях») // Кентавр. 1993. № 4; Наумов В.П. Н.С.Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4). Показательны в этой связи как неудавшаяся попытка О.В.Куусинена отразить в новой партийной программе тему «культа личности», так и пассаж в отчетном докладе Н.С.Хрущева XXII съезду КПСС, где он вновь вынужден был доказывать правильность решения о разоблачении практики культа личности Сталина (См.: Два письма О.В.Куусинена Н.С.Хрущеву // Вопросы истории КПСС. 1991. № 5. С. 5, 7; Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 90).

5 См. подборку писем-откликов на выступление Н.С.Хрущева 8 марта 1963 г. (получены в ЦК КПСС в период с 15 по 29 марта 1963 г.) (Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 214–216).

6 Пыжиков А. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 7–8.

7 Новейшая библиография приводится в кн.: Письма во власть. 1928–1939. М., 2002. С. 500–505.

8 См.: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997; Письма во власть. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. 1917–1927 гг. М., 1998; Письма во власть. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные

В потоке обращений к вождям (особенно в годы ужесточения политических репрессий) — огромная масса жалоб и апелляций. Жанр письма писателя В.З.Иванова-Паймена (1907–1973)⁹ несколько иной — это письмо-отклик на одно из крупных общественно-политических событий, письмо-воспоминание.

С его текстом сотрудники отдела истории XX века Государственного Исторического музея познакомились еще в начальный период горбачевской перестройки, но по-настоящему поработать с ним довелось только через несколько лет, после того как в одном из справочников удалось обнаружить сведения об авторе. Они встретились в аннотации к мемуарам куйбышевского писателя и драматурга Л.А.Финка¹⁰. Показавший сотрудникам ГИМ этот любопытный документ внук Хрущева Н.С.Хрущев-младший полагает, что письмо, очевидно, принес в дом сам Никита Сергеевич. Последнее время оно хранилось вместе с другими вещами в шкатулке у вдовы Хрущева — Нины Петровны Кухарчук, которая по каким-то соображениям просила внука после ее смерти письмо сжечь. Но он, сознавая ценность этого свидетельства, не решился его уничтожить. В настоящее время документ поступил на хранение в ГИМ.

Автор письма достаточно подробно описывает свою биографию, поэтому мы полагаем уместным ограничиться здесь лишь единственной из известных его портретных зарисовок, сделанной Львом Финком. Вот каким запомнился ему В.З.Иванов-Паймен, с которым автору впервые пришлось познакомиться в 1932 г. — в период, когда Влас Захарович состоял редактором журнала «Волжская новь»: «Худощавый, подтянутый, в гимнастерке или кожаной тужурке, всегда гладко выбритый, он внешне напоминал политработника периода гражданской войны. И держался он соответственно: разговаривал веско, спокойно, деловито, движения его были медлительны, но основательны, целеустремленны. Во всем чувствовалась сила и какая-то подспудная, глубоко укоренившаяся жажда правды». И далее: «Он был по-настоящему демократичен... никогда не унижал недоверием, не упрекал неопытностью»¹¹.

Письмо, поступившее на хранение в ГИМ, представляет собой машинописный текст, в конце которого указаны фамилия, имя, отчество, домашний адрес, телефон и партийный стаж отправителя, однако авторская подпись и следы регистрации отсутствуют. О существовании других экземпляров и месте их хранения

структуры и советским вождям. 1928–1939 гг. М, 2002. Выпущены в свет и тематические подборки писем: «Просим освободить из тюремного заключения». Письма в защиту репрессированных. М.1998; «Дорогой наш товарищ Сталин!»... и другие товарищи: Обращения родственников репрессированных командиров Красной армии к руководителям страны. М., 2001. Из писем непосредственно в адрес Н.С.Хрущева любопытно, например, письмо учительницы М.Николаевой от 14 ноября 1956 г. (Письмо М.Николаевой Н.С.Хрущеву. Ноябрь 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 148–150).

⁹ См.: Иванов-Паймен В.З. Три встречи. Рассказы о героях гражданской войны. Куйбышев, 1961; он же. Рассказы. Чебоксары, 1963; День поэзии. 1972. Сборник [один из составителей]. Куйбышев, 1972; он же. Мост. Роман. М., 1976; он же. Невыдуманные рассказы. Куйбышев, 1989.

¹⁰ См.: Литературные мемуары XX века: Аннотированный указатель книг, публикаций в сборниках и журналах на русском языке. 1985–1989. Кн. 1, 2. М., 1995; В книге «Живая память» (Куйбышев, 1985) Л.А.Финк вынужден был писать о репрессиях эзоповым языком; в новой книге воспоминаний необходимость в этом отпала (См.: Финк Л. И одна — моя — судьба. Воспоминания, раздумья, полемика. Самара, 1993).

¹¹ Финк Л. Живая память. Куйбышев, 1985. С. 92.

нам ничего неизвестно. Возможно, подлинник сохранился в фонде Н.С.Хрущева, который в настоящее время находится в Архиве Президента РФ. Письмо В.З.Иванова-Паймена не датировано, однако по тексту легко устанавливается, что оно написано вскоре после XXII съезда КПСС, т.е. не ранее 31 октября 1961 г. Объем письма составляет 37 листов.

Оно состоит из небольшого вступления (2,5 листа), автобиографического повествования (32,5 листа) и собственно деловых предложений – «советов» (неполных 2 листа). Таким образом, мемуарная часть, обладает вполне самостоятельной источниковой ценностью.

В тексте письма содержатся любопытные детали, позволяющие дополнить картину обстановки, сложившейся во властных структурах Куйбышевской области 1937–1938 гг., добавить любопытные штрихи к портрету П.П.Постышева (В.З.Иванов-Паймен отступает от традиции сугубо положительной трактовки его образа, заложенной оценками, прозвучавшими в выступлениях Хрущева в ходе XX съезда КПСС¹²), узнать некоторые подробности о других лицах, с которыми судьба столкнула автора, в т.ч. и в тюремной камере.

Заслуживают внимания содержащиеся в письме тюремно-лагерные впечатления В.З.Иванова-Паймена, его оценка расклада политических сил в верхах после смерти Сталина. Излагая свою предарестную, тюремную и лагерную биографию, автор не только сообщает любопытные факты, делает интересные, весьма красочные зарисовки, но и пытается осмыслить некоторые явления. В частности, представляется важным его объяснение той относительной легкости, с которой

¹² См.: Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 34, 64. Показательно, что, будучи членом комиссии Пленума ЦК ВКП(б) по делу Бухарина и Рыкова (февраль–март 1937 г.), П.П.Постышев был в числе тех, кто голосовал за предание обвиняемых суду «без применения расстрела» (Там же. С. 255). Случай Постышева – весьма примечательный. Снимая его с должности 2-го секретаря КП(б) Украины в марте 1937 г., ему предъявили упрек в «покровительстве» врагам народа. Аналогичные обвинения против Постышева – главы куйбышевской областной парторганизации – были сформулированы и в письме И.В.Сталину, направленному секретарем ЦК ВКП(б) А.А.Андреевым во время его погромной поездки в Куйбышев в середине августа 1937 г. Когда же Постышев, понимая, что его ожидает, попытался «исправиться» и начал разгонять целые райкомы, то его обвинили в «перегибах» и в январе 1938 г. сняли с должности, на ближайшем Пленуме ЦК ВКП(б) вывели из состава кандидатов в члены Политбюро, в феврале арестовали, а через год расстреляли. Причем, в обвинении фигурировали отнюдь не так называемые «куйбышевские перегибы», а «преступления» периода работы на Украине (Кстати, на том самом январском пленуме ЦК (1938 г.) Н.С.Хрущев наряду с другими принял участие в травле П.П.Постышева и по предложению И.В.Сталина был введен вместо него в состав кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б)). С другой стороны, можно указать на активную роль П.П.Постышева в допросах по делу так называемой «антипартийной контрреволюционной группировки Эйсмонта, Толмачева и других» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 67–70). О некоторых фактах его участия в кампании репрессий в Куйбышевской области смотри: Алексей Козлов. Око за око // Белая книга о жертвах политических репрессий: Т. 1 / Самар. обл. Самара, 1997; Бырдин О. Обвал. Самара, 1993 [Автобиографическая повесть о репрессиях, 4 первые главы с сокращением опубликованы в кн.: Белая книга о жертвах политических репрессий: Т. 3. Самара, 1997]. Из последних книг о Постышеве см.: Волковский В.Н. Павел Петрович Постышев. Киев, 1987; Валерий Исаев. Соратник Сталина. М., 1999.

арестованные соглашались сотрудничать со следствием (несмотря на то, в лагерной мемуаристике можно обнаружить схожие объяснения, однако мнение автора — явно плод самостоятельных размышлений, а не результат литературного заимствования¹³).

Показательны проявления авторской «партийности» в оценках поведения арестантов из числа идейных противников, некоторых лиц из родственной коммунистической среды, заслуживают внимания передаваемые в его изложении темы «задушевных» разговоров с сокамерниками. (Именно эти информационные пласты особо значимы, ибо позволяют лучше понять подлинные устроения людей того времени, которые часто не могли проявиться открыто).

Весьма примечательно высказываемое автором отношение к лагерю и лагерному труду, объясняемое, видимо, относительным благополучием, которое сопутствовало ему на протяжении пребывания за колючей проволокой. Подтверждает автор и мнение некоторых других мемуаристов о том, что положение оказавшегося на свободе иногда было хуже положения заключенного.

Являясь одним из свидетельств репрессированных номенклатурных работников среднего звена о событиях 1937–1938 гг., конца 1940-х — середины 1950-х гг., письмо В.З.Иванова-Паймена содержит некоторые весьма характерные суждения, присущие многим пострадавшим функционерам. В настоящее время поток публикаций произведений лагерной мемуаристики по разным, в том числе и по объективным причинам, ослабевает. На протяжении ряда лет в нем четко прослеживается тенденция, которая заключается в том, что произведения авторов, сохранивших веру в идеалы социализма, постепенно уступали место мемуарам более критической направленности. Ожидать нового всплеска публикаций тех, кто не утратил веру в социалистические идеалы, не приходится, хотя источниковая ценность подобных свидетельств остается весьма высокой.

Высказанные В.З.Ивановым-Пайменом в заключительной части письма «советы» Н.С.Хрущеву, безусловно, проникнуты заботой о том, чтобы обеспечить преемственность курса на десталинизацию, связанную с решениями XX и XXII съездов КПСС. Гарантии этой преемственности автор — коммунист с 1930 г. — видит, однако, не в развитии демократических общественных и внутрипартийных институтов, а в создании надежного механизма «престолонаследия». Высказанные рекомендации выглядят несколько декларативными, имеют общий характер, юридически не оформлены.

В подобной форме автор, очевидно, прежде всего стремится выразить свою солидарность с партийным курсом на разоблачение культа Сталина, продемонстрировать свою сопричастность к событиям, ставшим предметом осуждения, поделиться своими личными переживаниями, не исключено, что не без тайной надежды оказаться замеченным и, быть может, обласканным властью. Вряд ли речь идет об откровенной корысти и прямом расчете на возвращение утраченного за годы репрессий социального статуса, скорее — о моральном удовлетворении, компенсации за годы, прожитые с клеймом «врага народа»¹⁴.

Письмо дает материал для оценки характера отношений, принятых в тот период в общении рядового члена партии со своим лидером, меру открытости в разговоре с первым лицом в государстве на болезненные внутрисполитические темы,

¹³ Было бы весьма интересно проследить историю объяснения этого феномена, как мемуаристами различных политических ориентаций, так и позднейшими исследователями.

¹⁴ Откровенность, с которой В.З.Иванов-Паймен признается в своем злоупотреблении спиртным, все же не позволяет отбросить сомнения в абсолютной бескорыстности мотивов обращения автора к руководителю государства.

позволяет полнее представить источники информации, на основе которых формировались представления Н.С.Хрущева о репрессивной политике Сталина, укреплялась его вера в правильность предпринятых разоблачений.

Факт хранения письма в домашнем архиве Н.С.Хрущева косвенно характеризует и адресата, что прибавляет ценность этому источнику. Чем было дорого оно первому лицу государства? Очевидно, многие воззрения автора, в том числе и в отношении сталинских репрессий, были близки и понятны самому Н.С.Хрущеву. Однако помимо этого текст содержал еще и такие комплиментарные оценки, которые могли быть особенно приятны адресату. И в этом немалая заслуга автора, продемонстрировавшего искусство владения тонкостями номенклатурного этикета, в котором откровенная комплиментарность переплелась с нормами показного партийного демократизма, восходящего к традициям 20–30-х годов. Кроме «мелкой» дипломатической лести («Вы лучше меня знаете, ЧТО и КАК тогда творилось», «Вы много умнее и опытнее меня», признания огромных достоинств кукурузы, как зерновой культуры, важного значения дела освоения целинных земель и пр.), В.З.Иванов-Паймен поднялся и до масштабных славословий. Да и «главный совет» Н.С.Хрущеву – назначить себе наследника – разве не является высшим комплиментом мудрости и исключительности «вождя»?

Разоблачение сталинских преступлений Н.С.Хрущев продолжал считать и после отставки одной из главных своих заслуг. В мемуарах он писал об удовлетворении, которое испытывал при чтении благодарственных писем, поступающих в его адрес от репрессированных лиц и их родственников¹⁵. Письмо В.З.Иванова-Паймена содержит одно из таких «приятных признаний» его заслуг в деле реабилитации.

Документ публикуется с сохранением стилистики оригинала. Слова, подчеркнутые автором, выделены курсивом. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Публикацию подготовил М.Г.НИКОЛАЕВ.

[Осень 1961 г.]

Дорогой Никита Сергеевич!

Давно я задумал это письмо, но долго не решался писать Вам. В дни съезда партии¹ это желание стало таким неодолимым, что я лишился сна, покоя и работоспособности. Читая материалы съезда, я плакал (за 17 лет репрессий не плакал ни разу)...

Можно бы, конечно, разрядиться, написав такое письмо кому-нибудь из членов Президиума ЦК (учитывая Вашу занятость). Но кому? Ведь Президиум только еще стабилизировался². Не мог же я писать Н.Г.Игнатову³, поскольку он, как первый секретарь Куйбышевского обкома партии, лично давал партийную санкцию на мой арест.

Мы, бывшие рабфаковцы, рабкруновцы⁴-совпартшкольцы, комсомольцы и коммунисты того периода, представляли себе и культ личности, и роль личности в истории еще до возникновения в нашей партии культа Сталина. Кому, как не нам знать, что не будь Хрущева (могу гордиться: нашего рабфаковца⁵), история так и не свернула бы с того уродливого курса, куда загнал ее Сталин со своими приспешниками. Трагедия нашей партии в том, что после преждевременной смерти Ле-

¹⁵ См.: Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания в 4-х кн.). Т. 1. М., 1999. С. 102.

нина в руководстве партии не оказалось ни одной такой сильной личности из настоящих ленинцев, чтобы помешать возникновению культа. А ведь и помимо завещания Ильича было более или менее известно, что представлял из себя Джугашвили. Недаром даже в берлинской белогвардейской газете еще задолго до смерти Ленина писалось, что «на пост диктатора красных готовится какой-то кавказец, человек большой силы воли» (цитирую на память)... Да, некому было понять это и повести партию за собой. К сожалению, пытались это сделать те, кому партия не могла симпатизировать⁶...

Одним словом, я достаточно хорошо знаю, что такое культ личности и что такое роль личности и поэтому письмо свое могу адресовать только Вам, Никита Сергеевич. Можете сказать, что после XXII съезда в этом нетрудно разобраться. Но дело в том, что желание написать Вам письмо у меня возникло еще осенью 1953 года. Да и заявление мое о реабилитации, написанное в начале 1954 года, было адресовано именно Вам лично (когда прокурор на улице Пушкина⁷ листал при мне мое дело о реабилитации, я успел рассмотреть и это свое заявление с резолюцией. Может быть, даже с Вашей).

Собственно, это письмо я *обязан* Вам написать, выполняя волю тех, кого давно уже нет. Нельзя сказать, что лично я имею прямое поручение. Дело было так. Мы знали, что обречены. Но мы допускали, что при самом тотальном заброде^а кто-нибудь да выскочит, выживет и, возможно, доживет до тех дней, когда партия (вернее, руководство партии) снова станет ЛЕНИНСКОЙ^б. Мы свято верили, что такое время придет (без этой веры нам было бы еще тяжелее). И тогда мы дали друг другу слово: пусть тот, кто выживет и доживет до этого дня, ОТ ИМЕНИ ВСЕХ ПОЖМЕТ РУКУ ЧЕЛОВЕКУ, ВОЗГЛАВИВШЕМУ ЛЕНИНСКОЕ РУКОВОДСТВО.

Мы не знали, что этим человеком будет ХРУЩЕВ. Но мы твердо знали, что им не могут быть ни Молотов⁸, ни Каганович⁹ (о других вообще не было речи). Их фактически создал Сталин из недоброкачественного материала, можно сказать из ничего ...

И вот, я самый молодой по возрасту, партийному стажу и «руководящему рангу» коммунист остался в живых и дожил до светлых дней ЛЕНИНСКОГО съезда партии.

МЫСЛЕННО КРЕПКО ЖМУ ВАШУ РУКУ, ОБНИМАЮ ВАС, НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ, ПРИНОШУ ВАМ ВЕЛИКУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ВСЕ ТО, ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ ДЛЯ ПАРТИИ, ДЛЯ СТРАНЫ, ДЛЯ ВСЕГО МИРА, ДЛЯ ТОРЖЕСТВА ЛЕНИНСКОГО ДЕЛА! И от себя лично, и от имени погибших моих товарищей.

Мы обещали друг другу, что выживший расскажет новому Ленинскому руководству о том, что творилось в 1937/1938 гг. Но Вам рассказывать об этом нечего. Вы лучше меня знаете, ЧТО и КАК тогда творилось. На этом письмо можно бы и закончить, но мне (это уж по своей

^а Так в тексте.

^б Здесь и далее выделено автором.

личной инициативе) хочется рассказать о некоторых переживаниях до репрессий, в период репрессий и после них вплоть до XXII съезда партии, а под конец высказать один совет.

* * *

Прежде всего, видимо, надо отрекомендоваться по «установочным данным». Родился я в семье чувашского крестьянина-бедняка в Оренбургской области (по теперешнему районированию), в 1907 году. Мужчин в семье было трое: отец, брат и я. Брат добровольцем ушел в Красную армию в 17-летнем возрасте и погиб в Лбищенске¹⁰ в трагическую для Красной армии ночь. Отец, большевик с 1917 г., организатор Советской власти в деревне, ушел добровольцем на Польский фронт (сначала мобилизовали всех коммунистов, но ограничились добровольцами из их числа. Возможно, решили до конца не оголять деревню). Вернувшись с фронта с ранениями, отец так по-настоящему и не встал на ноги, и недолго прожил после этого. Женская половина семьи, за исключением замужней сестры, вымерла в голодную зиму 1921/1922 гг. Я в 1920 году последовал примеру старших, поступил в военно-политическую школу, как доброволец Красной армии (принимая в комсомол, мне секретарь райкома прибавил два года и сказал: «Запомни, тебе 14 лет». Это было в 1919 г. Я не только запомнил, но еще от себя добавил год, чтоб попасть в в[оенно]-п[олитическую] школу). «Демобилизовался» я к осени 1922 г. в пятнадцатилетнем возрасте.

Поступил учиться на рабфак. Зиму проучился благополучно. Ко мне снова пристали, как в армии... Удивлялись, почему я, комсомолец с 1919 г., участник гражданской войны, не подаю заявления в партию (Я в армии раз уже был принят в партию на общем собрании коммунистов части. Потом пришлось сознаться комиссару, что мне нет еще 15 лет). Пришлось и теперь сознаваться, что я родился не в 1904 г., как значится в моих воинских документах, а в 1907 г. Из рабфака меня отчислили в распоряжение губкома комсомола. До 1925 года работал в деревне: пионервожатым (это я-то, бывший политрук отдельного взвода!), избачом и райорганизатором комсомола (к тому времени сельские райкомы были ликвидированы). Кем бы ни работал, но каждый год с октября по май проводил в разъездах по «выкачке» хлеба и сбору ед[иног]о сельхозналога.

В 1925 году поступил в губсовпартшколу II ступени (тогда и там были ступени). А почему не в рабфак? Это я переживал трагически. Меня уже тянуло к точным знаниям, но увы..., не имея семьи, я не мог рассчитывать на материальную помощь. А в совпартшколе кормили, одевали, обували, да еще выдавали на руки 7 [руб.] 50 к[опеек] «золотом», как мы их называли в отличие от «лимонов».

Пока я достигал возрастного ценза, условия приема в партию усложнились. В ряды партии я был принят только в 1927 году, переведен в члены в январе 1930 года.

С 1927 по 1930 год работал преподавателем обществоведения в средних и средне-технических учебных заведениях. Зимой 1929/1930 г. провел в командировках по районам, как уполномоченный по коллективизации. С 1930 по 1933 г. окончил пединститут и прошел 2 курса аспирантуры по психологии. От научной работы меня оторвали, мобилизовав для работы в политотделе МТС. Я сопротивлялся. Пришли к компромиссному согласию. В связи с прорывом в краевой чувашской газете меня послали туда редактором. Одновременно обязали пединститут дать мне возможность закончить аспирантуру. Там прикрепили меня к профессору. Вскоре мой профессор был арестован и аспирантура моя лопнула.

Начал писать стихи и печататься на русском языке в 1924 году. В 1927 году моя повесть на чувашском языке удостоилась премии на конкурсе в честь десятилетия Октября («Октябрь и классовая борьба в деревне в годы гражданской войны»). С 1934 года член Союза писателей. Был делегатом I съезда писателей от Средней Волги.

С ноября 1935 года по день ареста я работал председателем краевого правления Союза писателей Средней Волги. Затем биография упрощается: два года с чем-то тюрьмы, 6 лет лагерей, 3 года жизни с «волчьим» паспортом и более 5 лет ссылки. Вот так, примерно, я писал о себе и в заявлении о реабилитации, написанном на Ваше имя.

* * *

Я окончательно понял, что мы летим в какую-то пропасть в конце августа 1936 года. Дальше, ни арест Ксенофонтова¹¹ (бывший помощник Сталина. У нас он работал редактором газеты, зав. агитпропом, зав. сельхозотделом крайкома партии) в марте 1937 г., ни арест Кутякова¹² (с ним мы работали над книгой о Чапаеве) 25 мая 1937 г. меня не удивили¹³. Я ждал и худшего, и вот оно наступило. Сначала — сообщение о группе Тухачевского¹⁴, затем глухие, зловещие слухи об аресте Эйхе¹⁵, Шубрикова¹⁶, Хатаевича¹⁷, Яковлева¹⁸... И наконец, в ночь с 18 на 19 августа был арестован весь руководящий состав Куйбышевского обкома партии и облисполкома при личном участии секретаря ЦК А.А.Андреева¹⁹ (а в сентябре он свирепствовал в Ташкенте, вероятно, по пути побывав и в Оренбурге)²⁰...

Утром 19 августа в обкоме сидели П.П.Постышев²¹ и несколько инструкторов в отделах. Левина (второго секретаря²²) заменил Игнатов, который здесь, у нас, начинал большую партийную работу. В отделах появились новые завы, пока еще из числа старых партийных работников. Беседовали и со мной о работе в обкоме. Но через несколько дней мне сказали, что на меня поступил материал и придется, мол, воздержаться до разбора этого дела. Я был только рад... Через некоторое время исчезли и новые завы отделов. К концу года Постышев (прибывший в феврале²³) и Игнатов (в августе²⁴) могли уже считаться старейшими куйбышевскими руководителями.

Павел Петрович Постышев до июня вел себя спокойно. Когда он, по прибытии в Куйбышев, рекомендовался городскому партактиву, с места кричали: «Расскажи нам, что натворил в Киеве!» На это П.П., немного «окая» по-верхневолжски, спокойно возразил: «За киевские дела мне от ЦК попало. А здесь давайте думать о том, как вместе будем работать».

Я часто бывал в кабинете у Постышева. Однажды при мне (это было в конце мая) он говорил с Москвой, с А.Андреевым. Разговор был спокойный и нормальный, П.П. испросил себе третьего помощника по горкому партии, затем он сообщил Андрееву, что «в Пензе ребята наколбасили». Туда был направлен Старостин, б[ывший] парторг Метростроя (директором велозавода)²⁵. Так вот, этого Старостина провалили при выборах в состав горкома. Постышев, сообщив об этом, попросил разрешения выехать в Пензу. Тогда-то я понял, до какой централизации дошло. Первый секретарь обкома (тогда еще крайкома), кандидат в члены Политбюро не может выехать из Куйбышева в Пензу без разрешения зонального секретаря ЦК (А ведь фигура Постышева была куда колоритней фигуры Андреева).

Я в то время был председателем краевого правления Союза писателей. Пользуясь расположением Постышева (он ведь и сам кое-что написал для детей²⁶), я как-то пригласил его на чашку чая к писателям. Он посмотрел на меня невидящими глазами и ответил скороговоркой: «К писателям?! Нет, нет. За писателей мне и в Киеве попало. Потом, потом, когда все образуется». Я понял, что он имеет в виду и подумал: «Едва ли образуется» (Я как раз в тот день узнал об аресте Кутякова. Его-то я знал, можно сказать, с детства и не мог поверить, что он враг народа. Задолго до этого мы с ним вместе переживали арест Гая²⁷)^а.

Такое, более или менее спокойное состояние духа П.П. Постышева, я наблюдал только до начала июня 1937 года. Не помню, какого именно, кажется, 7-го июня, во время работы краевой партийной конференции, Постышеву принесли какую-то бумажку. Он побледнел и, тут же вскочив, направился к трибуне, которая только что освободилась от очередного оратора. П.П. зачитал сообщение о группе Тухачевского и произнес речь²⁸. Но какую речь!.. Кликушескую. Перед нами выступал уже не партийный руководитель, а какой-то психопат. Многие это заме-

^а Любопытно: когда имя Гая, а затем маршала Егорова облит уже вычеркивал по указанию Москвы, ни секретари обкома, ни командующий округом и нач. политотдела еще не знали об их аресте (*Примеч. автора*).

Егоров А.И. (1883–1939) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1935). Участник 1-й мировой войны, подполковник. С 1918 г. – в РККА. В годы гражданской войны командовал армиями, фронтами. В дальнейшем – на руководящих постах в РККА, командовал рядом военных округов. С 1931 г. – начальник Генштаба РККА. В 1934–1938 гг. – кандидат в члены ЦК ВКП(б). 10 мая 1937 г., после ареста М.Н.Тухачевского, – 1-й зам. наркома обороны СССР. 25 февраля 1938 г. уволен из РККА, 27 марта 1938 г. арестован, 22 февраля 1939 г. приговорен к ВМН. Расстрелян. В 1956 г. реабилитирован (*Примеч. М.Н.*).

тили и объяснили состояние оратора чувством глубокого возмущения «предательством подлых врагов народа». Я думал о другом. Мне казалось, что и Постышев, как и я, не верит в реальность обвинения. Я подумал, что начинается сшибание военных авторитетов. О самом Тухачевском я ничего не могу сказать, хоть и увезли его от нас²⁹. А Якир³⁰ был командиром моей 45-й Волынской краснознаменной дивизии. Правда, когда я попал в эту дивизию, ею командовал уже не Якир, а Гарькавый³¹. Но я столько хорошего наслушался там о Якире, что и спустя 15 лет продолжал его любить и не мог допустить мысли, что он стал изменником родины, да еще в пользу Гитлера.

И с этого дня Постышев уже не мог прийти к душевному равновесию. Перед первыми прямыми и тайными выборами мне пришлось участвовать и выступать на многих митингах и общегородских собраниях партактива, интеллигенции и т.п. Все речи Постышева были в духе июньской (ах, этот июнь! Меня самого-то посадили тоже в июне, но 1938 г.). Когда выступал я, мне казалось, что он в упор смотрит на меня. Я смущался, оглядывался и видел, что взгляд П.П. устремлен поверх моей головы, куда-то в правый угол театральной сцены. С митингов и собраний я возвращался с уверенностью, что ночью придут за мной (более полновин писателей уже было арестовано). Я, конечно, не спрашивал Постышева, полагая, что его-то могут посадить еще раньше меня.

Так мы дожили до 12 декабря. Я накануне, по заданию «Правды», выехал в район для описания первых прямых выборов³². Моя корреспонденция была помещена за странной подписью: И.Петин. Нет, не напутали. При разметке гонорара четко и ясно написали: Иванов-Паймен — 150 р. Выходит, спецкор «Правды» (тогда они назывались полпредами) рекомендовал меня с оговорками.

20 декабря я выехал в Тбилиси на празднование 750-летия Шота Руставели³³. Там, в театре имени Руставели, слушал, как истошно вопили грузины: «Да здравствует Лаврентий Павлович...». Имя Берия³⁴ в те дни затмило даже имя Сталина. А он, как кавказский наместник, стоял на сцене в окружении свиты и находил это в порядке вещей. В то же время на неофициальных встречах с тбилисской интеллигенцией я видел, как во время тостов за Сталина или Берия некоторые грузины и грузинки непроизвольно морщились.

По возвращении в Куйбышев я узнал, что Постышев уехал в Москву на январский Пленум ЦК³⁵. Оттуда он к нам уже не вернулся. Судя по стенограмме Пленума, можно было догадаться, что он уже никуда и никогда не вернется³⁶. Первым секретарем у нас стал Игнатов³⁷. С этим у него в кабинете не встречался ни разу. Он или недолюбливал писателей или остерегался. Между прочим, произошел обычный для того времени курьез. Игнатов дал согласие на мой арест (или был осведомлен о моем предстоящем аресте. Как это делалось, я точно и не знаю) 5-го июня. 7-го меня вызвали в обком и поручили литературно оформить соответствующий раздел отчетного доклада Игнатова. Там я должен был упомянуть и свою фамилию, как руководителя, проявившего политическую слепоту, допустившего засорение организации врагами народа.

Через несколько дней утром я сдал работу, а ночью меня арестовали. Накануне знакомый сотрудник НКВД (тогда был один комиссариат) позвонил мне и в порядке беседы установил, что очередной номер журнала я подписал, что коллективный сборник стихов «За Сталина» (к выборам в Верховный Совет РСФСР) уже почти вышел, что по сигнальному экземпляру моей книги «Чапай»³⁸ я уже дал телеграмму в Москву и что работу для Игнатова я сдаю завтра утром. Вот как это делалось: практически, хладнокровно и цинично (за мной пришел тот самый сотрудник).

Не знаю, как другие, но я всю вторую половину 1937 года и 1938 год, до ареста, считаю самым тяжелым периодом моей личной и партийной жизни. Исключали из партии друг друга по любому самому пустяковому поводу.

25 сентября я переписал протокол партийного собрания об исключении из партии одного из наших товарищей (был секретарем на собрании) и с тяжелым чувством выехал в Москву по поводу своих книг «Горький в Самаре»³⁹ и «Чапаев». Но и там творилось то же самое. В дверях кабинета Ставского⁴⁰ я столкнулся с Шолоховым⁴¹. Вышел он от Ставского что-то очень уж сияющим не по времени. Ставский мне объяснил причину. Он сказал, что Михаил Александрович, приняв чрезвычайные меры по поводу своей судьбы, избежал ареста⁴². В.П.Ставский пригласил меня, как гостя из провинции, на заседание партийной фракции руководства Союза писателей. Это было 27 сентября. В тот день решилась судьба Микитенко⁴³. Было совсем немногочленно. Кроме Ставского, помню, там были: Юдин⁴⁴, Демьян Бедный⁴⁵, Березовский⁴⁶, Бахметьев⁴⁷, Накоряков⁴⁸, Корнейчук⁴⁹...

Обвиняли Микитенко в том, что его рекомендовали в партию враги народа: Хвьяля⁵⁰, Хвьялевый⁵¹, Скрыпник⁵²... Одним словом, все пять рекомендаций, мол, написаны врагами народа. Вспомнили деятельность Микитенко в УАППе⁵³. Ни слова о его личных антипартийных деяниях, ибо их не было. И вот УАПП и рекомендаторы — достаточное основание для исключения из партии. Свирепствовали Юдин и Березовский. Демьян Бедный выразил свое отношение только саркастической репликой: «Расхвылили парня». Корнейчук сидел у боковой двери позади Микитенко (вначале они сидели даже рядом) и не проронил ни единого слова ни за, ни против. Ставский сам не столько обвинял, сколько оправдывался, объяснял, почему он включил Микитенко в состав делегации, которая незадолго перед тем побывала в Испании⁵⁴. «Мне, — сказал Ставский, — рекомендовал включить Микитенко в состав делегации один из уважаемых нами партийных руководителей». Кого он имел в виду, я так и не узнал. Может быть, Косиора⁵⁵, Чубаря⁵⁶ (они еще не были арестованы), а может быть и Вас, Никита Сергеевич.

Очень немногословно оправдывался Микитенко перед товарищами, да и оправдываться было не в чем. Только вотникогда я не забуду глаза Ивана, когда он пытался сказать несколько слов. Это были глаза трехлетнего мальчика, который хочет доказать матери, что он не совершал поступка, за который мать хочет его наказать. Он изумлен, впервые

столкнувшись с вопиющей несправедливостью любимой матери. Не верить этим глазам может только очень безрассудная мать... Но товарищи и обвинители не смотрели ему в глаза. Помню, было принято решение: «Поставить вопрос перед Киевской парторганизацией о возможности дальнейшего...» и т.д. Я сам точно не знаю судьбы Микитенко, но говорили, что он после этого вернулся в Киев и застрелился⁵⁷.

На этом же заседании Ставский зачитал записку Сталина о Соболеве⁵⁸. Этаким демократический жест «отца родного» (на такие номера он тоже был мастер)!

* * *

С января 1938 года начали трепать и меня. Объявили строгий выговор за засорение писательской организации врагами народа (Из членов СП оставались на воле только я, да хронический алкоголик Савватеев⁵⁹). В один прекрасный день собрали литературный актив (молодняк. Писательская организация Куйбышева, не считая Мордовии, потеряла тогда 16 человек. До сих пор чувствуется этот урон). Присутствовали представители обкома, горкома, райкома и правления Союза писателей СССР. Стоял вопрос о снятии меня с работы. До сих пор не понимаю, почему тогда не сняли меня с работы и не исключили из партии. Я сказал на этом совещании-собрании: «Я не знаком ни с материалами следствия, ни с приговором, поэтому арестованных товарищей не могу так легко называть врагами народа. За исключением двоих, высланных к нам из Ленинграда, я знаю всех с 1920 г. У нас не было секретов друг от друга. Я убежден, что там разберутся и всех наших товарищей освободят...»

Это мое заявление в тот же вечер было доведено куда следует. Судьба моя решилась, но арестовали меня еще не так скоро даже после этого. Потом я в деле прочитал резолюцию начальника управления на письме-доносе инструктора горкома (он был назван стипендиатом НКВД): «Вторично запросить санкцию на арест Иванова-Паймена». Но почему-то им пришлось запрашивать санкцию в третий раз еще через несколько месяцев⁶⁰.

Когда пришли за мной, я даже вздохнул облегченно и сказал жене с горькой шуткой: «Наконец-то и меня признали порядочным человеком».

В тюрьме я просидел более 2-х лет. У них уже было сфабриковано 17 показаний на меня. Дело было заведено еще в октябре 1937 г. по «показаниям» второго секретаря крайкома партии А.А.Левина, которого я действительно знал с 1920 года, когда он был семнадцатилетним секретарем губкома комсомола, а я — тринадцатилетним делегатом губернского съезда.

С тюрьмой, как таковой, я познакомился лишь через 22 суток непрерывной «стойки»⁶¹ в комнате следователя с тремя перерывами на сон и роздых (18, 26 и 30 июня). Нет нужды описывать методы следствия. Могу только сказать, что в тюремной кубической «камере» разме-

ром 150х170х210 сантиметров даже при самом каторжном режиме я все-таки чувствовал себя под сенью какого-то закона. Но сама эта камера, оказывается, тоже была орудием следствия. Она не имела ни окна и никакой отдушины. Задняя стена состояла из не очень плотно пригнанных досок. Между ними и капитальной стеной подвала был установлен змеевик или батарея для циркуляции горячей воды. В камере поддерживалась температура 30–35 градусов выше нуля. В этой коробке нас было трое. Рассказывали, что население этой камеры доходило до чертовой дюжины^а.

В чем же обвиняли нас? Поклонники субординации, они и здесь сохранили за нами «положение». Секретарь обкома, разумеется, был руководителем областной повстанческой или еще какой-то там организации. Я, скромный руководитель небольшой писательской организации, и здесь имел скромное звание руководителя террористической группы...

Я много думал о том, почему многие коммунисты легко сдавались, через 2–3 суток «стойки» начинали «писать романы»^{б2}. Убежден, что по крайней мере 90 % из них выдержали бы фашистские застенки до конца. Чтобы понять это, надо понять еще одно странное обстоятельство. Никогда в жизни мы не смеялись столько, сколько смеялись в тюрьме в ожидании смертельного исхода. Нет, этот смех не был ни истерическим, ни веселым, ни саркастическим. Это был смех нелепый, такой же нелепый, как вся история с «врагами народа». Люди смеялись над своими показаниями, смеялись над «ленинским» руководством, смеялись над тем, как мы из кожи лезли, подымая авторитет Сталина, смеялись над сохранением субординации среди «в[рагов] н[арода]», над наличием в тюрьме полного кворума обкома партии, обкома комсомола, облисполкома и всех других областных организаций и руководства основных предприятий...^б

Мы — все НАШИ — репрессировались НАШИМИ же. Смеялись над тем, что люди, истребляемые Сталиным, кричали: «Да здравствует Сталин!»... Да откуда же и во имя чего тут взяться твердости духа! Старый большевик с 1904 года, б[ывший] председатель крайпрофсовета Панов^{б3} все повторял слова: «Значит, так надо для партии». А зачем для партии нужна ложь и смерть Панова, об этом он уже был не в состоянии думать. У многих в буквальном смысле ум заходил за разум. Всех абсолютно сбивало с толку, что все НАШИ: и ЦК, и ЧК, и враги. Некоторые начинали думать, что они, возможно, на самом деле незаметно для себя стали врагами народа. А некоторые надежно походили с ума. Ксенофонтов свихнулся на идее телефонного разговора со Сталиным. Ему в камеру поставили телефон без проводов, и он дни и ночи разговаривал со своим бывшим шефом^{б4}. Игумнов^{б5}, комиссар военной шко-

^а Комкора И.С.Кутякова, после возвращения из Лефортова, спросили ребята: «Как там?» Он сказал: «С вами тут обращаются, как с детьми» и ничего к этому не добавил (*Примеч. автора*).

^б В то время, как власть оставалась советской (*Примеч. автора*).

лы им. Ленина в Ульяновске, даже в смиренной рубашке пытался петь “Интернационал” и выкрикивать: «Да здравствует Сталин!»...

Это об атмосфере. Немаловажное значение в этом деле имело и то, что многие коммунисты в тридцатых годах привыкли каяться в несодержанных грехах. Не покайся — исключат из партии, покаешься даже не совершив — оставят в партии. И люди «каются». [А] тут их уже прямо шантажировали: подпишешь — получишь три года, не подпишешь — расстреляем без суда. Еще вернее действовал такой подлый номер: показывали подписанный ордер на арест жены или, скажем, сына и рвали его на глазах, когда подследственный начинал давать «показания» — клеветать на себя и других. Нельзя не отметить и такого обстоятельства. Человек в одиночке выдерживал дольше, а иногда и до конца. Подследственные, побывшие в общей камере среди «расколовшихся», сдавались быстрее. На них, видимо, действовал пример «старших». А «старшие» (у нас Рубинштейны⁶⁶, Бархашевы⁶⁷) сознательно взяли курс на нагромождение всяких несуразностей. На суде, мол, разберутся, а пока это дает избавление от физических страданий. Борис Бархашев, бывший редактор бакинской газеты (у нас он был нач[альником] политотдела МТС, затем секретарем сельского райкома), показал, что он подготовил в районе 45 тысяч повстанцев^а (в районе даже с младенцами не было столько жителей), в колхозах у него были спрятаны «четырёхмоторные самолеты в разобранном виде»..., сызранцы хотели взорвать мост через Волгу. И все это следователи оформляли, прокуроры санкционировали, а судьи по таким материалам судили. Логика таких нелепостей однажды дала неожиданный материал для смеха. Группа молодых литераторов-журналистов из газеты «Водник» «призналась» в том, что она готовила покушение на Постышева. Когда стало известно, что Постышев сам «враг народа», пришлось им эту группу из трех человек освободить, ибо они продолжали настаивать на своем, не зная об аресте Павла Петровича.

При тотальном заброде в тюрьму в то время попали и наши политические противники. Эти давали показания охотно, без принуждения. Все куйбышевские писатели по существу явились жертвой клеветнических показаний б[ывшего] члена ЦК правых эсеров Я.Брауна⁶⁸ и б[ывшего] учредителя Гизетти⁶⁹. Они вписывали в свои показания любого, чье имя подскажет следователь. Когда в многолюдной камере спросили Гизетти, как он может вписывать совершенно незнакомые имена, он ответил: «Пусть за советскую власть отвечает ваш лейтенант, который заставляет меня писать небылицу»⁷⁰. С его точки зрения вполне логично.

Расстреляв всех более или менее значительных руководителей области, нас надолго оставили в покое. В зиму 1938/39 г. началась волна отказов от своих показаний. Но трибуналы продолжали работать. Приговоры по I кат[егории]⁷¹ стали реже. Из пяти руководителей

^а Идея эта была подсказана следователями на том основании, что район при Бархашеве (у автора ошибочно — Бархатове. — М.Н.) отличился по коневодству. Помню приветствие Буденного по этому поводу (*Примеч. автора*).

край(обл.)потребсоюза только двоих приговорили к расстрелу. Сызранскую группу судили без первого секретаря горкома Соловейко, который выпрыгнул в окно с третьего этажа и лежал разбитый. К расстрелу приговорили одного председателя горисполкома Просвирнина. Остальным дали по 15–25 лет (кстати: всю группу реабилитировали в 1940 г., но зам. председателя успел повеситься, завгорфо сошел с ума, прокурор свихнулся лишь слегка: он, начав работать после освобождения адвокатом, во время одной защитительной речи понес околесицу и за это был вторично исключен из партии. Восемнадцатилетнему мордвину Сереже Тураеву — пионервожатому дали 10 лет «за попытку организовать голодный поход пионеров»... Это все люди, с которыми я сидел в камерах, знал всю их подноготную. Честные советские люди, хорошие коммунисты. А мы, кочуя по тюрьмам, ждали решения своей судьбы.

В тюрьме мы стали политическими провидцам и ясновидцами. Предсказали восхождение Маленкова⁷², падение Ежова, изменения в составе Совнаркома и Политбюро. Слух о перемещении Берия распространился в тюрьме за полгода до его фактического назначения «нашим» наркомом⁷³ (за распространение этого слуха нас допрашивали, сажали в карцер). Предсказали временный сговор с Гитлером⁷⁴, затем — его поход сначала на запад, потом на восток (я с этим не соглашался, допуская у него здравый смысл)... Все мы предсказывали довольно точно, за исключением своей судьбы. Я лично предсказал только «генералиссимуса»⁷⁵. Правда, впервые эта мысль у меня появилась еще на воле, после его речи о партийном генералитете⁷⁶. Большим утешением для нас было то что мы в тюрьме чувствовали себя свободней, чем на воле, обо всем говорили между собой откровенно, не опасаясь ни друг друга, ни камерных стукачей. Разумный разговор мог повлечь за собой только пункт 10, тогда, как мы кроме 10 пункта имели уже пункты 8,11, а некоторые, как говорится, — всю катушку⁷⁷. Собственно, нашими камерными разговорами там «наверху» мало интересовались. Реагировали они только в двух случаях: когда мы сами себя называли ленинцами и когда мы непочтительно отзывались о них самих. Излюбленной темой наших бесед были рассказы о Ленине. Этому они уж не могли помешать, если даже и чувствовали, что мы стараемся подчеркнуть известный контраст...

Должен сказать, что в условиях тюремных испытаний, тесноты и жизни «впритык», без «верхнего платья» люди раскрывались до конца, обнажали свои достоинства и изъяны. Оказалось, что в нашей среде немало и дряни. «В мундирах» на воле они были похожи на людей, а голенькие оказались неприглядными, подчас уродливыми. Степанов из Ельца у нас подвизался на первых ролях районного масштаба. Мне пришлось в начале 1935 года рекомендовать его от имени крайкома партии Подбельской партийной организации, а в тюрьме мне стыдно было в этом признаться⁷⁸. Некий Левиант раньше работал в ЦК. По его словам, он был в секретариате X съезда партии⁷⁹. Встретились мы с ним в очень большой камере Ульяновской тюрьмы екатерининских времен. Держался он с достоинством, как коммунист. Организовали мы с ним

«университет». Он читал ленинизм и... высшую математику, которую сам изучил в Суздальском изоляторе⁸⁰ (он сидел с 1935 г.). Я, как «ректор», отобрал у него ленинизм, когда он начал проповедывать какие-то анархистские идеи. Но не в этом дело. Он мог заблуждаться, не роняя достоинства, раз уж сознание травмировано. Но однажды он показал себя с неожиданной стороны. Один торговец из Бердичева поднял в камере хай из-за места. И наш Левиант, «ленинец» масштаба ЦК, нашел для себя вполне приличным и возможным активно вмешаться в этот хай и безоговорочно встал на сторону «земляка», не дав себе труда разобраться в «событиях дня». Защищал он его «с теоретических и политических позиций» и, да, даже произнес слово: «антисемитизм». Между тем в камере царил дух интернационализма. У нас, кроме представителей наших народов, были болгары, чехи, китайцы и даже один итальянец. С тех пор я потерял уважение и интерес к этому участнику X съезда.

Не забуду я Литке, командующего конвойными войсками ПРИВО⁸¹. Светлая личность. Мы с ним встречались дважды: во время этапирования нас из Куйбышева в Сызрань и из Сызрани в Ульяновск. Интерес к нему повысился, когда я узнал, что он в гражданскую войну командовал бригадой, как и Уборевич⁸² (они были в одной дивизии). Первый раз мы с ним встретились в тревожную ночь. 25 мая 1939 г. меня вызвали из камеры с вещами. Провели через внутренний дворик в подвал, с которым я был хорошо знаком. В подвале меня завернули не направо, в сторону глухих одиночных камер, а налево — в сторону большой железной двери. Я знал, что за этой дверью расстреляли наших старших товарищей. Я, кажется, не успел это осознать и испугаться, как заметил, что рядом с железной дверью — перпендикулярно к ней — имеется другая дверь, решетчатая. За густой решеткой из прутьев диаметром в 4–5 сант[иметров] виднелись люди. Меня втокнули туда. Это помещение напоминало не камеру, а какой-то сарайчик. На земляном полу лежал неубранный мусор. Люди все (человек 25) стояли на ногах и возбужденно галдели. Ко мне подошел человек в генеральской шинели (чины выше полковника не назывались еще генералами, но шинели уже были генеральские). Мы на воле не были знакомы, но в тюрьме знали друг про друга, как «рекордсмены» (он простоял 15 суток). Мы обрадовались друг другу. Остальные, видимо, были наши «попутчики» (царские офицеры, духовенство и т.п., — никто из них мне не запомнился). Они были настроены оптимистически, некоторые прямо говорили, что нас вызвали на освобождение. Мы с Литке знали тайну железной двери лучше, чем другие. Кроме того, мы оба, как «опытные телеграфисты», утром поймали сообщение, что в нашем «городке» опять работает трибунал. Логичнее было думать, что ночью нас будут таскать на трибунал, а там, может быть, потащат и за железную дверь. Решили об этом молчать. Сами не сомкнули глаз до утра, легли рядом, постелив его генеральскую шинель и накрывшись моим штатским пальто.

Мы не скучали и не тосковали о смерти. Мы беседовали о плюсах и минусах нашей общественной жизни. Говорили о том, что пассивное поощрение теории и практики «крылатого эроса»⁸³ расшатывает семей-

ные устои, критиковали школьную программу обучения, нашли, что крутая, почти уголовная расправа с религией объективно вредна, а под конец затеяли спор на тему: может ли женщина достигнуть творческого равенства с мужчиной? Литке выступал с «ортодоксальных» позиций, сводя различие между мужчиной и женщиной только к последствиям векового социального неравенства. Я начал провокационно возражать ему, а к концу диспута убедил, если не оппонента, то себя, в том, что полного творческого равенства между мужчиной и женщиной не может быть даже на высшей стадии коммунизма. Нельзя игнорировать фактор материнства, который отнимает и отвлекает много физических, духовных и душевных сил человека. Сейчас я не очень уверен в своей правоте. Возможно, женщине отпускается на материнство дополнительный запас сил. Но тогда моя такая точка зрения отвлекла наше внимание от железной двери... Не оправдались ни наши мрачные предчувствия, ни светлые ожидания оптимистов. На рассвете нас погрузили в «воронок» и повезли на вокзал для этапирования в Сызранскую тюрьму.

В лагере я наблюдал, как и во что играют дети наших конвоиров и вольнонаемного персонала: арестовывают друг друга, допрашивают и бесконечно конвоируют колонны «з/к, з/к». И в тюрьме, и в лагере я никак не мог смотреть серьезно на свое положение, на всю эту грандиозно-нелопуху историю. Мне все казалось, что мы, как дети, играем во врагов народа, что и у нас, как у детей, враги и чекисты только понарошку. Фактически и те, и другие были детьми не только одной улицы, но и одной матери. Может быть, поэтому мы так много и смеялись там, где полагалось плакать...

Лагерь принес нам большое облегчение (говорю «нам», имея в виду настоящих коммунистов). Работой нас не испугаешь. К лишениям мы привыкли с детства. Труд для нас, особенно для выходцев из деревни — естественное состояние. В лагерный труд мы вкладывали столько же души, что и на воле, с партийным билетом в кармане. Ведь мы же СТРОИЛИ. Даже здесь мы создавали материально-техническую базу социализма и поэтому к работе относились не как к чужому, а как к своему делу^а. Восстановление нам партийного стажа справедливо прежде всего с этой точки зрения.

Мы строили дорогу Котлас—Воркута⁸⁴. И когда в ноябре 1941 года, в тяжелые для нашей родины дни, нам удалось сомкнуть трассу и пустить поезда (правда, мосты через реки Вычегда, Вымь, Печора еще не были готовы), мы ИСКРЕННО ПРАЗДНОВАЛИ ПОБЕДУ.

Начальник Севжелдорлага полковник Шемена⁸⁵ был умный человек. Он, по его словам, да и на деле, доверял нам больше, чем своему вольнонаемному персоналу. На общих работах нам почти не пришлось быть. Я лично всего 5 дней был «рядовым», после чего сразу был поставлен бригадиром на строительстве ПГС⁸⁶. Побывал (против моего желания) и пом[ощником] начальника колонны по быту. Последние

^а Мы — первые комсомольцы — шли с энтузиазмом на любую работу, повсюду чувствовали себя «хозяевами страны» и никогда не спрашивали, сколько нам будут платить (*Примеч. автора*).

3 года в лагере (1943–1946 гг.) я работал начфином отделения, «командовал» миллиардами рублей капвложения⁸⁷. Работник ХОЗО Ленинградского упр[авления] НКВД Курдин начал с бригадира и через год уже был начальником крупного строительства. О тех, кто имел хоть какую-нибудь техническую специальность, и говорить нечего.

Когда началась война, мы дважды подавали заявление об отправке нас на фронт. Взяли бытовиков и сотрудников органов даже без их заявлений, а нас «забраковали». В годы войны доверие к нам возросло (я говорю за свой лагерь). Мы чувствовали себя так, будто в годы тяжких испытаний на этот ответственный участок послала нас партия. Обида, конечно, не прошла, но она не распространялась ни на партию, ни тем более на народ⁸⁸...

Мы не забыли о бессмысленных жертвах Угрюм-Бурчеева⁸⁹. И тем не менее, лично я боялся, как бы чего не случилось с ним до конца войны. Разброд в такое время был страшнее всего. Ведь и все хорошее делалось его именем — от имени партии и народа.

Независимо от срока нас не освобождали. Сначала оставляли в заключении «до конца военных действий», а с мая 1945 г. — «до особого распоряжения». Это особое распоряжение дошло до нас в июле 1946 года. Я до конца полугодичного отчета, пользуясь положением «начальника», не брал обходного листа и дождался того, что меня под конвоем вывели из зоны. За время самовольной сидки со мной рассчитались по ставке вольнонаемного,

Такое освобождение меня не обрадовало. Жить коммунисту на воле с «волчьим» паспортом было тяжело и морально, и материально. В общественной жизни ты не участвуешь, положительной специальности не имеешь, семья, которая как-то приспособилась жить без тебя, приносишь новые лишения, таская ее за собой по глухим закоулкам. Жена, живя теперь с неполноценным гражданином, сама превращается в неполноценную гражданку: трудно устроиться на работу не только тебе, но и ей. Этот «вольный» период оказался тяжелее лагерного. С великим трудом мне удалось устроиться главбухом на ватную фабрику в Ферганской долине, а для жены там «не нашлось работы».

Новый арест в 1949 году меня не удивил, да и огорчил мало. Во-первых, я это предвидел, во-вторых, я уже знал, что эта кампания началась месяца за два до моего ареста.

В тюрьме и на допросах опять было смешно. Через 11–12 лет меня привозят в ту же тюрьму, водворяют в ту же камеру и предъявляют те же обвинения. Смешно, что следователь следит по часам за временем, старательно выводит в протоколе часы и минуты начала и окончания допроса. Смешно, что следователь подчеркивает законность методов следствия..., но срывается. Когда я спросил его: «Чем закончилась встреча “Крылышек” со “Спартакком”», он озадаченно посмотрел на меня, выматерился, пробурчал что-то и добавил членораздельно: «Врагам не положено знать». Матерился этот высокий капитан из молодых неуклюже. Я заметил, что ему не идет материться. Он покраснел и ответил, как бы оправдываясь: «Дома я не матерюсь».

Смешно было читать новое решение Особого совещания все по тому же делу: «... на поселение в Красноярский край». Смешно, что со-

трудники, объявившие мне об этом, не знают, что такое поселение, и на какой срок я осужден.

До Челябинской тюрьмы было смешно, а тут стало грустно. Там я встретился с профессором мировой экономики. Этому щедедушному старику, арестованному впервые, дали по «особке»... 25 лет тюрьмы (А мы считали пределом полномочий ОСО 8 лет⁹⁰). От этого профессора я узнал и о ленинградском деле 1949 г.⁹¹

Я увидел, что сумасшедший старик не только не излечивается, а деградирует дальше. С этого момента у меня началось мрачное состояние духа. До конца 1952 г. (до XIX партсъезда) я еще дотянул. А после съезда, убедившись, что сему или подобному (скажем, маленковскому царствию не будет конца) я... начал пить⁹². До этого я (даже в условиях Севера, когда нам выдавали спирт) никогда не пил. В личном плане у меня все было хорошо. Работал я главбухом одного предприятия в райцентре, ко мне переехала семья. Жену мою товарищи называли декабристкой. Купили мы домик с большим огородом (ей хоть и не давали работу, как жене ссыльного, но ее звание педагога пригодилось для закрепления сверхлимитного приусадебного участка), развели скотину... Я еще до Ваших выступлений в 1951 году решил испробовать кукурузу в северных условиях⁹³. Сначала коровы не обращали внимания на мой огород. А когда моя собственная корова узнала вкус этого южного лакомства, она, проклятая, повела за собой все стадо. Ограду снесло, как ураганом, огород был весь вытоптан. Одним словом, жили мы неплохо, и если бы мы умели довольствоваться только «личной» мещански-биологической жизнью, можно было жить, как говорится, припеваючи. Но я был «испорчен» большевиками с 12-летнего возраста. И трагедия последних 15 лет (не только моя личная, но и партии, страны) нашла такое уродливое преломление в моей психике. Пил я, правда, умеренно, но систематически.

Но я забежал немного вперед. Ссылка для многих оказалась хуже всего, что до сих пор было пережито, даже хуже тюрьмы. Там хоть кормили, а здесь и не кормят, и работой не обеспечивают. О работе по специальности (даже техникам и инженерам) нечего было и думать. В один таежный район завезли тысячи, а возможно, и десятки тысяч ссыльных-«поселенцев».

Помню, нас вывезли из Канской тюрьмы по 40 человек в грузовых машинах, как раз под новый год. Мороз 40 гр[адусов]. Кузов открытый. Одежка у нас разная, в основном плохая. Ночью нас, полуобмороженных, довели до поселка Зимними и бросили там... Два дня – ни конвоя, ни хлеба, ни сотрудников МГБ. Денег ни у кого (отбирали в тюрьмах). У меня еще кое-что оставалось от тюремных передач (в этапе пробыл 17 дней). Жители сами едят картошку и запивают чаем. Собрали мы несколько простыней, рубашек и выменяли на 2 ведра картошки. Моими крошками и этой картошкой 40 человек питались 3 дня. Только вечером 3 января 1950 г. прибыли 2 сотрудника МГБ, представитель леспромхоза, привезли бланки удостоверений и хлеб. Хлеб не выдавали, а продавали за наличный расчет. Представитель леспромхоза выдавал

аванс тем, кто соглашался ехать в глубь тайги на лесозаготовки. Соглашались все из-за этих 25 р. и килограмма хлеба.

Соглашались... А что они могли там сработать и выработать, эти изможденные, больные срочные и досрочные старики (когда я сказал представителю леспромхоза, что мне 60 лет, он легко поверил). Полковник Оберюхтин⁹⁴, преподаватель тактики в Военной академии, учитель наших маршалов, был тоже с нами, в этой партии. Он уже доживал восьмой десяток. Жена его умерла в лагере. Родных никого, помощи ждать не от кого. Кто его будет кормить? И он тоже завербовался на лесозаготовки, а сам все мечтал о разборе операций на Курской дуге... Приходилось опять мрачно шутить: «Это вам не царская ссылка!»

Почти три года в ссылке я еще держался. Было чем жить. В роли главбуха я восстановил два предприятия, вывел их на первое место в крае. Даже секретарь райкома партии говорил обо мне: «Хоть и ссыльный, но хороший человек». Работал я с риском (в случае чего: «Наделал враг народа!»), содержал правдами и неправдами лишнюю единицу счетного работника (таким сверхштатным работником у меня была сестра С.И.Сырцова⁹⁵ — Лидия Ивановна), а сам руководил предприятием и за директора и за технорука. Благо, что у меня директором был старый коммунист, полуграмотный сибирский красный партизан, который доверял мне и видел во мне товарища и помощника. А потом... потом работа пошла по утоптанной колее, перспектив никаких до самой смерти, и я затосковал впервые не на шутку

* * *

Вернулся я в Куйбышев в конце 1954 года опять с «волчьим» паспортом (ст. 39 положения о паспортах), прописался под Куйбышевым и поехал в Москву искать правду... Почти год в ожидании реабилитации и восстановления в партии жил на средства, вырученные от продажи сибирского домика, и в кредит у родственников жены. Был дважды у М.Т.Ефремова⁹⁶. Он меня «обрадовал». По поводу квартиры сказал: «В общем порядке через Союз писателей», по поводу работы ничего не сказал. Единственное, что он для меня сделал, — это выдал из партийной кассы тысячу рублей. В Москве А.А.Сурков⁹⁷ в этом отношении больше для меня сделал: организовал единовременное пособие (кроме положенного по закону) и возвратную ссуду.

Наконец, я реабилитирован⁹⁸, восстановлен в партии, а чувствую себя не в своей тарелке. Все сочувствуют, улыбаются и..., мне кажется, не доверяют. Обком не рискнул рекомендовать меня на прежнюю работу, хотя в то время отделение СП и переживало кризис. Рекомендовали было в газету на должность зав. отделом, но редактор дипломатически напугал меня «большой» работой и «сокращением штатов». Зачем же мне лезть на рожон! Пришлось остаться на профессиональном положении и жить мелкими литературными заработками (для работы над большим полотном требуется «первоначальное накопление»)⁹⁹. Написал брошюру-очерк о тридцатитысячнике, перевел поэму чувашского клас-

сика, написал воспоминания о встречах с Чапаевым, Котовским и Кутяковым¹⁰⁰. Потом заболел, 2–3 года пролежал в больницах: то с туберкулезом, то с переломом бедра¹⁰¹... Но я уклонился немного в сторону.

В парторганизации я долго чувствовал себя белой вороной. Правда, после XX съезда, а особенно после июньского пленума¹⁰², обстановка значительно улучшилась, но тут как раз начались мои болезни.

Несмотря на то, что XX съезд наметил новый курс, сказав свое слово о культе личности, я еще как-то не верил в свою реабилитацию и допускал, что меня могут посадить и в третий раз. Это случилось бы обязательно, если бы победила группа Молотова. Говорят, Молотов сказал про нас: «Если они и не были врагами, то за 17 лет репрессий стали ими». Он не ошибся, мы стали врагами, но не народа и партии, а прямых виновников массовых репрессий, в частности, Молотова, Берия, Маленкова, Кагановича

Вполне понятно, пока Президиум ЦК наполовину состоял из людей, чьи руки обогреты кровью своих товарищей по партии, такие, как я, не могли чувствовать себя спокойно ни в отношении себя, ни в отношении устойчивости курса XX съезда партии.

Очень хорошо я стал себя чувствовать, пожалуй, после опубликования проекта новой программы партии¹⁰³. Это, кажется, явилось надежным средством даже против увлечения спиртными напитками. Появился такой естественный тонус, что я за 2–3 месяца сделал больше, чем за предыдущие 2–3 года. Одних только откликов и раздумий по поводу программы написано около 3 листов (плюс сотни строк стихами на русском и чувашском языках) для куйбышевских, чебоксарских и московских газет и журналов.

А в дни съезда я ничего не делал. Слушал радио, читал и перечитывал газеты и плакал от радости. Только теперь я снова и надежно почувствовал себя членом **ВЕЛИКОЙ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ**, той ПАРТИИ, в которую я вступил 34 года назад.

В заключение хочется рассказать, как преломлялось в моем сознании и сознании окружающих появление ХРУЩЕВА «на высшем уровне». Послужной список тов. Хрущева я более или менее знал, начиная с Промакадемии¹⁰⁴. Перемещения всех крупных партийных руководителей я отлично помнил, начиная с 1920 г. Как известно, детские и юношеские впечатления — самые устойчивые в памяти человека. Помню разговоры о завещании Ленина, возникшие в нашей среде после XIV партсъезда.

Помню, как мы, совпартшкольцы, после смерти Фрунзе¹⁰⁵ всю ночь спорили, «подбирая» кандидатуру на пост наркомвоенмора, как утром удивились, узнав о назначении Ворошилова. Как раз его-то никто из нас не назвал, не потому, что это имя мы не знали, а просто искали на более высоком уровне. Помню, как член Политбюро Я.Э.Рудзутак (после XIV съезда) пройдя через ЦКК, после XVII съезда стал только кандидатом¹⁰⁶... Одним словом, весь партархив был у меня в голове. Лишь за это надо было посадить такого человека, раз уж началась фаль-

сификация истории партии. Пробел в памяти был только по событиям 1938–1940 гг. (тюрьма).

Вечером 5 мая^а 1953 года я в беседе с женой долго, мучительно гадал, кто же станет преемником, ну, скажем, предсовмином. Выбирал я из приближенной троицы: Молотов, Берия, Маленков (Молотов по «авторитету», Берия по ключевым позициям, Маленков, как «ведущий»). По личным симпатиям я ни на ком не мог остановиться, маяка у меня не было. Допускал, что, возможно, вблизи есть и положительно заряженная сила. А возможности? Никаких (это я так считал). 6 марта в 6 часов утра я приник к репродуктору... Когда назвали Маленкова, я плюнул. Жена урезонила: «А ты ждал чуда? Сам же называл его в числе возможных кандидатов. Разве он хуже тех двоих?». Выслушав постановление трех верховных органов, я стал мысленно изучать его. Решил: пожалуй, неплохо, что троицу мою перевернули. Знал, что Маленков выше инструктора не вырос, имени в народе не имеет. Ожидал, что его рано или поздно атакуют замы. Это как раз и даст возможность проявиться здоровым силам партии. Но я не понял из этого постановления, кто же первый секретарь ЦК. Заинтересовался фразой: «Товарищу Хрущеву – сосредоточить всю свою работу в ЦК» (привожу на память)¹⁰⁷. Никаких неприятных ассоциаций это имя у меня не вызвало, но и особых надежд мне оно не вселило. Ведь генеральный сек[ретарь] всех вас так обезличивал, что трудно было о ком-нибудь судить конкретно. Даже по воинским званиям он вас (кажется, Хрущева¹⁰⁸, Жданова¹⁰⁹, Щербакова¹¹⁰) поставил на четыре ранга ниже себя – ге-не-ра-ли-сси-му-са (знай дистанцию!).

Я знал, что Вас отозвали с Украины, что через много лет Вы снова оказались секретарем МК¹¹¹. Все же фраза определенно заинтересовала меня, и с тех пор я с некоторой надеждой стал следить за Вашим именем. Летом сравнил два доклада: Маленкова на сессии и Ваш на пленуме ЦК¹¹². Кое-что стало проясняться. Потом до нас стали доходить легендарные слухи о Ваших поездках по колхозам Курской области. Отрадное впечатление осталось и от Вашего выезда в Сибирь¹¹³... А уж целину¹¹⁴ я приветствовал с самого начала (не даст соврать жена), как подлинно революционное дело. Может быть, просто освоение целины я и недооценил бы. Главное, что меня обрадовало: партия нацеливает туда молодежь на постоянное жительство, значит всерьез и надолго¹¹⁵. А ведь по-сталински можно было туда нагнать заключенных и ссыльных (резервы в народе неисчерпаемы), и снова мы бы имели сводки вместо зерна (как начфин я знаю, в лагере группа «Б» – неработающие на производстве – составляла 40, а фактически и 50 процентов списочного состава заключенных. Это – если не считать политической стороны вопроса)

К осени 1953 года авторитет Хрущева стал для меня непоколебимым. К моему огорчению, даже наши этого не понимали. Как ни странно, в народе стал расти авторитет Маленкова. Все новое стали

^а Явная описка. Имеется в виду 5 марта (Примеч. М.Н.).

приписывать ему. Думаю, что в тот период даже некоторые секретари обкомов ориентировались хуже меня. Но искренне обрадовал меня один эпизод на станции Новосибирск, в октябре 1954 года, когда я возвращался из ссылки. На станции застрял эшелон с комбайнами, возвращающиеся с уборки из Восточной Сибири. Комбайнеры большой группой атаковали начальника станции. Получив неудовлетворительное объяснение, они гурьбой направились подавать телеграмму ТОВАРИЩУ ХРУЩЕВУ, как выкрикивали они на весь вокзал. Эти знали, кто занимается делом, а кто демагогией.

Отставка Маленкова внесла ясность, но еще далеко не во все умы. Еще сильны были четвертьвековые традиции. Сталинская бюрократия глухо сопротивлялась. Юбилейный номер нашей областной газеты (к 75-летию)¹¹⁶ заставил меня глубоко задуматься. О Сталине писалось в тех же тонах, что и раньше, когда его имя в одном номере упоминалось до 120 раз (сам подсчитывал). После реабилитации и восстановления в партии я слушал на закрытых партсобраниях закрытые письма ЦК и наблюдал на лицах некоторых коммунистов, мягко выражаясь, непонимание. В силу привычной партийной дисциплины они молчали, решались только на «наивные» реплики.

Так продолжалось до XX съезда партии, а пожалуй, некоторое время и после. В народе появилась масса анекдотов про Вас. Но в отличие от анекдотов конца двадцатых и начала тридцатых годов они носили безобидный, добродушный характер. Как ни странно, но абсолютный авторитет Вы завоевали в народе не столько внутренней политикой, сколько внешней, особенно в дни поездки в Америку¹¹⁷. В эти дни я повстречался на улице с одним коммунистом, членом нашей парторганизации. Я его знал еще до 1937 г., как сотрудника комсомольской газеты. За четверть века он мало вырос: стал корреспондентом какого-то центрального органа. Он крепко пожал мне руку и сказал: «Сдаюсь. Ты был прав!» — «Ты о чем?» — спросил я его.

«Не о чем, а о ком, — ответил он весело, — о Хрущеве!» Тут я вспомнил, как однажды я за бутылкой вина пытался вправить ему мозги. На почве разногласий мы тогда расстались враждебно. Видите, даже для коммуниста потребовался такой номер, как поездка по Америке.

Теперь хорошо говорить об этом в прошедшем времени. А сколько мы, понимающие все до конца, пережили за эти годы (даже между XX и XXII съездами!). После июня 1957 года я было успокоился. Но вот пошли глухие вести о давлении со стороны Китая¹¹⁸, о враждебной позиции албанских пашей¹¹⁹. Да и в печати как-то мне показалось, что снова больше стали упоминать о роли Сталина, чем о культе. Разумеется, и Мавзолей сводил нас с ума. Не было у меня душевного спокойствия вплоть до лета этого года. И как светло стало на душе в солнечное утро 30 июля. Программа (проект новой программы КПСС) не оставляла никаких сомнений в отношении дальнейшего курса партии. А в дни съезда все советское небо стало ясным голубым и чистым, как в далекие времена при жизни ЛЕНИНА.

ПРЕКЛОНЯЮСЬ ПЕРЕД ВАМИ, НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ!
ТРИУМФ XXII СЪЕЗДА – ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВАШ ЛИЧНЫЙ ТРИ-
УМФ. Это говорит Вам выдавший виды коммунист.

* * *

Написал немало, а сказл немного. И написал я все это, как мне кажется, лишь для того, чтоб заявить свое право на советы. Вы, Никита Сергеевич, много умнее и в тысячу раз опытнее меня. Вы, наверное, и сами думаете о том, что я собираюсь Вам сказать. Но когда думы одного человека находят подтверждение в умах других – это ведь совсем неплохо. Речь идет о будущем. Пока Вы живы, за курс партии можно не беспокоиться. Но все мы, как сказал товарищ Хрущев на съезде, смертны.

В программе, уставе партии и в резолюции XXII съезда предусмотрены организационные формы, чтобы предотвратить ошибки прошлого. Замена одной трети выборных органов партии или одной четверти состава ЦК – вещь хорошая в нормальное время¹²⁰. А мы с Вами знаем случай, когда состав ЦК был обновлен, наверное, на все девять десятых (XVIII съезд)¹²¹... Вдруг после Вас у руля окажется такой же ловкий и коварный человек, какой уже однажды был и наломал дров. До поры до времени он будет лояльным и ортодоксальным, а обещанное постепенно все ключевые позиции надежными людьми, покажет свое подлинное лицо... Никакие уставные положения не могут гарантировать от этого.

Восхождение Сталина сопровождалось сшибанием всех авторитетов и устранением «любимцев партии» (был ведь такой термин, и появился он после Ленина в противовес искусственному авторитету Сталина). Но оставшись один, он превратился в несоизмеримую шишку на ровном месте. Ленин был высочайшим пиком среди многих вершин величайшего горного хребта партии. Если снести с лица земли все вершины, весь хребет, исчезнет и пик. На этом месте можно построить только вавилонскую башню...

Так первый мой совет относится к тому, чтобы горный хребет нашей партии имел много вершин, украшающих и подчеркивающих высоту и величие пика. XXII съезд партии мне показал, какие прекрасные люди выросли в нашей партии. Речи Ильичева¹²², Сатюкова¹²³, Шелепина¹²⁴, Аджубея¹²⁵ заставили меня взглянуть на их фотографии. Какие открытые, честные, благородные лица! (лицо Шелепина мне даже чем-то напоминает лицо Радищева¹²⁶). Смотришь и радуешься, радуешься и думаешь: неужели снова может наступить такой день, когда и они, подобно Постышеву, Рудзутаку, Бубнову¹²⁷ окажутся бессильными и сами станут жертвой злой воли какого-нибудь Угрюм-Бурчеева! Этого не будет, если их авторитет в партии и в народе будет равен их удельному весу. Надо оберегать авторитет всех достойных быть членами Президиума, Секретариата, да и всего ЦК.

Совет второй. Сталин, наверно, не готовил себе преемника, он, подобно Чингиз-хану¹²⁸, хотел жить вечно. И нам, как татарам, хочется кричать по Вашему адресу: «Дорогой Никита Сергеевич, живите двести

лет!» Но этими монгольскими заклинаниями делу не поможешь. Говоря между нами, ничего зазорного нет в том, чтобы Вы лично, пока «в трезвом уме и твердой памяти», подготовите себе преемника. Кого? Это Вам, именно Вам, виднее. При всей любви к имени Ленина, я иногда думаю, что опасность для партии он заметил поздно, когда уже сам не был в состоянии исправить допущенную ошибку. Коллективный преемник — хорошо (одно другое, правда, не исключает), но без признанного авторитета (одного ли, нескольких ли товарищей) не исключается борьба за власть. А Вы, конечно, подберете такого человека, который, подобно Вам, больше будет думать не о власти, а о будущем партии, страны, да и всего мира. Ведь даже любой по-своему умный капиталист печется о продолжателе своего дела и иногда избирает его даже не из числа прямых наследников. А ведь Ваше и духовное, и материальное наследство богаче и ценнее наследства всех капиталистов вместе взятых. Ваше наследство — КОММУНИЗМ, БУДУЩИЕ ВСЕГО МИРА.

А впрочем, Никита Сергеевич, давайте обязательно доживем до коммунизма, тогда, возможно, и люди станут другими, и партия сумеет во-время разоблачить любого авантюриста, если только они к этому времени не выведутся совсем!

С коммунистическим приветом

В. Иванов-Паймен

г. Куйбышев (областной). Самарская площадь, дом 2, кв. 91.
тел. 3-09-57.

Иванов-Паймен Влас Захарович, член КПСС с 1930 г.

ГИМ. 110807. Арх. 6178. ОПИ. Ф. 574. Л. 1—37.

Примечания

¹ Имеется в виду XXII съезд КПСС, проходивший в Москве с 17 по 31 октября 1961 г.

² Имеются в виду изменения в составе Президиума ЦК КПСС, происшедшие в период с июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС до завершения работы XXII съезда КПСС: удаление из Президиума Г.К.Жукова, Н.А.Булганина, Н.И.Беляева, А.И.Кириченко, избрание Н.А.Мухитдинова, А.Н.Косыгина, Н.В.Подгорного и др.).

³ По завершении XXII съезда КПСС, прошел организационный пленум ЦК, избравший новый Президиум ЦК КПСС. Н.Г.Игнатов, ранее входивший в его состав, переизбран не был.

Игнатов Н.Г. (1901—1966) — партийный и государственный деятель. Член РКП(б) с 1924 г. В 1917 г. красногвардеец, в годы гражданской войны — боец 1-й Конной армии. С 1921 г. на оперативной работе в органах ВЧК—ОГПУ. В 1932—1934 гг. — слушатель курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). С 1934 г. в Ленинграде, парторг ЦК ВКП(б), с 1936 г. — первый секретарь Ленинского райкома ВКП(б). С 1937 г. второй, с февраля 1938 г. — первый секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б). С 1941 по 1957 гг. на руководящей партийной и государственной работе, возглавлял ряд обкомом и крайкомов, секретарь ЦК КПСС с октября 1952 по март 1953 г., с декабря 1957 г. по май 1960 г. Одно-

временно в апреле–ноябре 1959 г. – Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР. В мае 1960 – декабре 1962 г. зам. Председателя СМ СССР. С декабря 1962 г. – Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР. Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС с 16 октября 1952 г. по 5 марта 1953 г. Член Президиума ЦК КПСС с 29 июня 1957 г. по 17 октября 1961 г. По свидетельству А.И.Микояна и утверждению Р.Медведева, играл важную роль в подготовке смещения Н.С.Хрущева (См.: Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С.614–615; Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М., 1989. С.194.). В.Е.Семичастный склонен считать, что Игнатов вел «двойную игру», передавая информацию о готовящемся заговоре сыну Н.С.Хрущева через своего охранника (Семичастный В. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 354–355).

⁴ Имеются в виду слушатели рабоче-крестьянских университетов.

⁵ Н.С.Хрущев окончил рабфак Донецкого индустриального института в 1925 г. В своих мемуарах Н.С.Хрущев сообщает, что его послали на партработу, не дав окончить учебу (Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания в 4-х кн.). Т. 1. М., 1999. С. 81).

⁶ Намек на лидеров так называемой «левой» оппозиции и «правого уклona».

⁷ Имеется в виду Пушкинская ул. в Москве (совр. Б.Дмитровка), где в доме № 15 располагалась Прокуратура Союза ССР.

⁸ *Молотов (Скрябин) В.М.* (1890–1986) – советский государственный и партийный деятель, член РСДРП с 1906 г. В 1921–1930 гг. – секретарь ЦК ВКП(б). В 1930–1941 гг. – председатель СНК СССР. В 1941–1957 гг. – 1-й зам. председателя СНК (СМ) СССР. В 1941–1945 гг. – зам. председателя ГКО. В 1939–1949 гг. и 1953–1956 гг. – нарком (министр) иностранных дел СССР. С 1957 г. – посол СССР в МНР. Член ЦК КПСС в 1921–1957 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК в 1926–1957 гг. На июньском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС выведен из состава Президиума ЦК и ЦК КПСС. В 1962 г. исключен из КПСС, в 1984 г. восстановлен.

⁹ *Каганович Л.М.* (1893–1991) – советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1911 г. В 1924–1925 гг. – секретарь ЦК РКП(б). В 1925–1928 гг. и в 1947 г. – 1-й секретарь КП(б) Украины. В 1928–1939 гг. – секретарь ЦК, одновременно в 1930–1935 гг. – 1-й секретарь МК, с 1934 г. – председатель КПК при ЦК ВКП(б). В 1935–1937 гг., 1938–1942 гг., 1943–1944 гг. – нарком путей сообщения, в 1937–1939 гг. – нарком тяжелой промышленности. Одновременно с 1939 г. – нарком топливной промышленности, в 1939–1940 гг. – нарком нефтяной промышленности, с 1938 г. – зам. председателя СНК СССР. В 1942–1945 гг. – член ГКО. С 1946 г. – зам., в 1953–1957 гг. – 1-й зам. председателя СМ СССР. Член ЦК КПСС в 1924–1957 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК в 1930–1957 гг. На июньском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС выведен из состава Президиума ЦК и ЦК КПСС. С 1957 г. – директор Уральского калийного комбината. С 1961 г. – на пенсии, исключен из КПСС.

¹⁰ Очевидно, имеются в виду события, связанные с гибелью начальника 25-й стрелковой дивизии В.И.Чапаева после внезапного нападения сводного белокарацкого корпуса на штаб дивизии в ночь на 5 сентября 1919 г.

¹¹ *Ксенофонов Ф.А.* (1903–1938) – партийный работник. Работая в Коммунистическом университете им. Я.М.Свердлова, написал в 1923 г. работу «Учение Ленина о революции и диктатуре пролетариата» (опубликована в 1925 г.). Его советы и рукопись использовал И.В.Сталин при написании брошюры «Об основах ленинизма» (1924), что позднее признать отказался (Подробнее см.: Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. Пер. с англ. М., 1990. С. 296–300; Боруля В. Встречи // Факел. 1990. Историко-революционный аль-

манах. М., 1990. С. 207). Арестован 16 марта 1937 г. по ст.58-10 и 58-11. В процессе следствия умер в январе 1938 г. Реабилитирован Военной прокуратурой ПриВО 6 октября 1955 г.

¹² *Кутяков И.С.* (1897–1938) – советский военачальник, комкор (1935), член РСДРП(б) с мая 1917 г. Из крестьян. Участвовал в 1-й мировой войне, мл.унтер-офицер. С ноября 1917 г. – выборный комполка. В годы гражданской войны – командир красногвардейского отряда, командир бригады 25-й стрелковой дивизии. Командовал дивизией в 1919–1920 гг., сменив в должности погибшего В.И.Чапаева. В 1920–1923 гг. учился в Академии РККА. Участвовал в боях с басмачами в Средней Азии. В дальнейшем на командных должностях в РККА. Зам. командующего ПриВО. Автор книги «Киевские Канны» (1935), в которой проанализировал операции Юго-Западного фронта против белополяков и вскрыл многие недостатки в управлении войсками со стороны фронтового руководства и руководства 1-й Конной армии. Это затронуло престиж прежде всего Сталина и Ворошилова и вызвало их неудовольствие (См.: Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 331–334). Фрагменты дневниковых записей И.С.Кутякова за 1936–1937 гг. показывают, что автор сознавал опасность, которую представляла собой его книга, во многом критически воспринимал обстановку в руководстве НКО и страны в целом (См.: Военные архивы России. С.84; Викторов Б.А. Записки военного прокурора. М., 1990. С. 258–259). Арестован 15 мая 1937 г. Приговорен к ВМН 28 июля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 15 марта 1956 г. После ареста Кутяков месяц не давал никаких показаний. Впоследствии «признался», что входил в группу Седякина–Ковтюха, которая ставила себе целью «борьбу за смену Ворошилова» на посту наркома обороны. Через месяц «признал», что участвовал в военном заговоре, возглавляемом Тухачевским. Однако, был осужден отдельно (См.: Викторов Б.А. Без грифа «секретно». С. 258–261). Арестованный замнаркома внутренних дел Казахстана М.П.Шнейдер так описывает появление Кутякова в одной из камер Бутырской тюрьмы в июле 1938 г.: «Как-то дверь камеры отворилась, и в нее вошел человек средних лет в военной форме. Оглядевшись, он представился: “Бывший заместитель легендарного командира Чапаева – Кутяков, ныне фашистская б.” – он с отчаянием снял и бросил об пол свою шапку» (Шнейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 149).

¹³ В отношении даты ареста И.С.Кутякова автор допускает ошибку или опisku.

¹⁴ Имеются в виду участники так называемого «военно-фашистского заговора» в РККА – видные советские военачальники во главе с М.Н.Тухачевским, И.П.Уборевичем, И.Э.Якиром и др. (всего 8 чел.), осужденные к ВМН и расстрелянные по приговору Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 11 июня 1937 г. См.: Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 280–311.

Тухачевский М.Н. (1893–1937) – военачальник, Маршал Советского Союза (1935), участник 1-й мировой войны, поручик. В 1918 г. вступил в РККА. В годы гражданской войны командовал рядом армий и фронтов. В 1920–1930-х гг. – на руководящих постах в РККА, с 1931 г. – зам. наркома по военным и морским делам, нач. вооружений РККА, с 1934 г. – зам., с 1936 г. – 1-й зам. наркома обороны СССР. С 1934 г. – кандидат в члены ЦК ВКП(б). Расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁵ *Эйхе Р.И.* (1890–1940) – советский партийный и государственный деятель. Сын батрака. В 1905 г. вступил в ряды латышской соц.-демократии. Участник революции 1905–1907 гг. С 1918 г. на продовольственной работе. В 1922–1923 гг. продкомиссар Сибири. С 1924 г. зам. председателя Сибревкома. В 1925–1929 гг. председатель Сибкрайисполкома. С 1930 г. – член ЦК ВКП(б). С

1929 г. 1-й секретарь Сибирского, с 1930 г. — Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). С 1935 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). 29 октября 1937 г. назначен наркомом земледелия СССР. 29 апреля 1938 г. арестован, 2 февраля 1940 г. приговорен к ВМН. Расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

¹⁶ *Шубриков В.П.* (1895–1937) — партийный работник. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 гг. В 1932–1934 гг. секретарь Средне-Волжского крайкома, Куйбышевского обкома. В 1937 г. второй секретарь Западно-Сибирского крайкома. Арестован 30 октября 1937 г., приговорен к ВМН и расстрелян. Реабилитирован 11 июля 1956 г.

¹⁷ *Хатаевич М.М.* (1893–1937) — партийный и государственный деятель. С 1927 г. — кандидат в члены, с 1930 г. — член ЦК ВКП(б). В 1930–1932 гг. — секретарь Средне-Волжского крайкома ВКП(б). В 1932–1937 гг. член ПБ КП(б) Украины. С 1933 г. — 1-й секретарь Днепропетровского обкома, с 17 марта 1937 г. — 2-й секретарь КП(б)У. 9 июля 1937 г. арестован. 27 октября 1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

¹⁸ *Яковлев (Эпштейн) Я. А.* (1896–1938) — советский партийный и государственный деятель. В 1924–1930 гг. член ЦК ВКП(б), в 1927–1930 гг. — член Президиума ЦКК. С 1929 г. по 1934 г. — нарком земледелия СССР, с апреля 1934 г. — зав. сельхозотделом ЦК. С 1936 г. — 1-й зам. председателя КПК. С июля 1930 г. — член ЦК ВКП(б). С 27 июля по 8 августа 1937 г. исполнял обязанности 1-го секретаря КП(б) Белоруссии. 12 октября 1937 г. арестован. 29 июля 1938 г. приговорен к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁹ *Андреев А.А.* (1895–1971) — советский государственный и партийный деятель. В 1924–1925 гг. — секретарь ЦК ВКП(б). В 1927–1930 гг. — секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). В 1930–1931 гг. — председатель ЦК ВКП(б), нарком РКИ СССР, зам. председателя СНК СССР. В 1931–1935 гг. — нарком путей сообщения СССР. В 1935–1946 гг. — секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1939–1952 гг. — председатель КПК при ЦК ВКП(б). В 1943–1946 гг. — нарком земледелия СССР. В 1946–1953 гг. — зам. председателя СМ СССР. В 1953–1962 гг. — член Президиума ВС СССР. Член ЦК КПСС в 1920–1921, 1922–1961 гг., член Политбюро ЦК в 1932–1952 гг., с 1962 г. — пенсионер.

Поездка А.А.Андреева в Куйбышев состоялась в середине августа 1937 г. В сообщении, адресованном 17 августа И.В.Сталину, А.А.Андреев утверждал, что в Куйбышеве, как и в Саратове, существовал право-троцкистский краевой центр и велась вредительская работа. Второй секретарь партии А.А.Левин (решением ПБ снятый с должности 14 августа) был обвинен в торможении «очистки партийного и советского аппарата от право-троцкистских элементов», П.П.Постышев — в отсутствии активности. Обвинения в пассивности были высказаны и в отношении руководства областного НКВД (См.: Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С.366).

²⁰ В сентябре–ноябре 1937 г. состоялись очередные «погромные» поездки А.А.Андреева по маршруту Ташкент — Сталинабад — Воронеж — Краснодар — Пятигорск (См.: Советское руководство. С. 371–386).

²¹ *Постышев П.П.* (1887–1939) — советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1904 г., большевик. С 1918 г. член Центросиббири и его представитель в Дальневосточном СНК. Один из руководителей советских вооруженных сил на Дальнем Востоке в период гражданской войны и иностранной интервенции. С августа 1923 г. — на Украине: зав. отделом Киевского губкома, секретарь Киевского губкома (окружкома), с ноября 1926 г. — секретарь ЦК КП(б)У. С 1925 кандидат, с 1927 г. член ЦК ВКП(б). В 1930–1934 гг. — секретарь ЦК ВКП(б) и член Оргбюро ЦК, с июля 1930 г. по январь 1933 г. возглавлял отдел пропаганды и агитации и орготдел ЦК. С января 1933 г. — 2-й секре-

тарь ЦК КП(б)У, с марта 1933 г. — секретарь ЦК КП(б)У. Одновременно с января 1933 г. по июнь 1934 г. — секретарь Харьковского, с июля 1934 г. по январь 1937 г. — Киевского обкома партии. С 10 февраля 1934 г. — кандидат в члены ПБ ЦК. 18 марта 1937 г. снят с руководства КП(б)У и переведен в Куйбышев. 25 марта 1937 г. избран и.о. первого секретаря горкома ВКП(б), в июне — 1-м секретарем обкома. 9 января 1938 г. снят с должности за «перегибы» решением Политбюро ЦК ВКП(б). 14 января 1938 г. на пленуме ЦК ВКП(б) выведен из состава кандидатов в члены Политбюро ЦК с оставлением в членах ЦК. В феврале исключен из партии и 21 февраля арестован. По воспоминаниям находившегося с ним в одной камере племянника М.С.Урицкого, Постышев не пользовался тюремным пайком, получал спецпитание. 9 апреля 1938 г. обратился с письмом на имя Н.И.Ежова с заявлением о «прекращении всякого запирательства» и готовности дать показания о своей «контрреволюционной деятельности». 26 февраля 1939 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к ВМН и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г. Жена П.П.Постышева — Т.С.Постоловская, арестованная в один день с ним, также была позже расстреляна. Его младший брат — Иван, комиссар полка, был арестован и, находясь под следствием, покончил жизнь самоубийством. Из троих сыновей старший — Валентин, 1916 г.р., был расстрелян, средний — Леонид, военный летчик, при покровительстве участника гражданской войны в Испании Н.А.Острякова (1911—1942), был уволен в запас. Арестован уже во время войны и приговорен ОСО НКВД СССР к 10 годам заключения (отбывал наказание в лагерях особого режима, позже реабилитирован). Младший брат, Владимир, 1922 г.р., был осужден на 5 лет. После освобождения вновь арестован и послан в Сибирь на 10 лет. Стал инвалидом и дожил до реабилитации (См.: Постышев Л. Из уходящего прошлого //Факел. 1989. Историко-революционный альманах. М., 1989. С. 204—208).

²² *Левин А.А.* (1903—1938) — партийный работник. С апреля 1928 г. — заведующий Секретным отделом ЦК КП(б)У. В 1930 г. — помощник секретаря ЦК, до марта 1934 г. — заместитель заведующего сельхозотделом ЦК, позже — заместитель наркома земледелия по политчасти, с 1934 г. — член КПК. В 1935—1937 гг. — второй секретарь Средне-Волжского, Куйбышевского крайкомов. 14 августа 1937 г. ПБ утвердило снятие Левина с поста второго секретаря Куйбышевского обкома и утвердило вместо него Н.Г.Игнатова. Арестован 20 августа 1937 г. Приговорен к расстрелу 21 апреля 1938 г. по обвинению «в участии в антисоветской диверсионной террористической организации» и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 3 сентября 1955 г.

²³ Автор ошибается. П.П.Постышев был снят с поста секретаря ЦК КП(б)У 18 марта 1937 г., после чего переведен в Куйбышев.

²⁴ Назначение Н.Г.Игнатова состоялось 14 августа 1937 г.

²⁵ *Старостин К.Ф.* (1899—1938) — партийный работник, уроженец г. Сорново. Секретарь Пензенского горкома ВКП(б). Перед арестом проживал в Москве. Арестован 28 декабря 1937 г. Приговорен к расстрелу по обвинению в участии в антисоветской вредительской деятельности. Расстрелян 28 июля 1938 г. Реабилитирован 21 апреля 1956 г.

²⁶ Тема детства была близка П.П.Постышеву, о чем свидетельствуют автобиографические мотивы в его рассказе «Горе Марфы». Работая на Украине, он много делал для решения проблем детей. После переноса столицы Украины из Харькова в Киев здание ВУЦИКа по инициативе Постышева было решено передать под Дворец пионеров; по его же инициативе в 1936 г. в ритуал детских новогодних празднований была возвращена елка.

²⁷ *Гай Г.Д. (Гайк Бжишкян)* (1887–1937) – советский военачальник. Участник 1-й мировой войны, прапорщик. В годы гражданской войны – командующий 1-й армией на Восточном фронте, позже командир дивизии, корпуса, дважды награжден орденом Красного Знамени (1919, 1920). В дальнейшем на военно-педагогической и научной работе, начальник кафедры истории войн и военного искусства Военно-воздушной академии им. Н.Е.Жуковского. Персональное звание «комкор», положенное ему по статусу должности, получить не успел. Арестован в июле 1935 г. и приговорен ОСО НКВД СССР к 5 годам лишения свободы. При этапировании в Ярославскую тюрьму бежал, был задержан. 11 декабря 1937 г. приговорен к ВМН и расстрелян.

²⁸ Автор не совсем точен в датировке событий. Отчетный доклад П.П.Постышева V Куйбышевской областной партконференции состоялся 8–9 июня 1937 г. (опубликован в «Волжская коммуна» 17 июня 1937, № 137). В номере газеты от 12 июня напечатана принятая делегатами конференции телеграмма в адрес Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР с требованием высшей меры наказания участникам военно-фашистского заговора в РККА (См.: Валерий Исаев. Соратник Сталина. М., 1999. С.303).

²⁹ О подробностях ареста М.Н.Тухачевского 22 мая 1937 г. в приемной 1-го секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) позднее рассказал П.Радченко – один из охранников П.П.Постышева (См.: Вечерняя Москва. 1989. 5 апреля).

³⁰ *Якир И.Э.* (1896–1937) – советский военный деятель, командарм 1-го ранга (1935). Сын провизора, член РСДРП с 1917 г. В годы гражданской войны командовал отрядом, занимал командные и политические должности. Начальник и комиссар 45-й стрелковой дивизии. В 1920–1930-х гг. – на руководящей работе в РККА, командующий Киевского военного округа. С 1930 г. – кандидат в члены, с 1934 г. – член ЦК ВКП(б). Арестован 28 мая 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

³¹ *Гарькавий И.И.* (1888–1937) – советский военный деятель, комкор (1935). Участник первой мировой войны, поручик, командир роты. В РККА с 1918 г. Командовал 45-й стрелковой дивизией с 18 августа по 19 октября 1919 г. (до и после И.Э.Якира, который был комдивом с 7 июля по 18 августа 1919 г. и с 19 октября 1919 г. по 6 апреля 1921 г.). В 1921–1922 гг. нач. штаба войск Украины и Крыма. После войны – на руководящих постах в РККА. С 1935 г. командующий войсками Уральского ВО, член Военного совета при наркомате обороны СССР. Арестован 11 марта 1937 г. 1 июля 1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

³² 12 декабря 1937 г. состоялись первые выборы депутатов Верховного Совета СССР по новой конституции 1936 г., которая отменила ранее существовавшие ограничения в избирательном праве по социальным, имущественным и др. признакам. Статьи 134, 135 и 139 (гл.11) устанавливали, что выборы депутатов должны производиться избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

³³ *Руставели Шота* – грузинский поэт XII в., родоначальник нового грузинского литературного языка. 750-летие его поэмы «Витязь в тигровой шкуре» широко отмечалось в СССР. С 25 по 29 декабря 1937 г. в Тбилиси проходил юбилейный пленум правления Союза писателей СССР.

³⁴ *Берия Л.П.* (1899–1953) – советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1917 г. Участник революционной борьбы в Закавказье, с начала 1920-х гг. – в органах ЧК-ГПУ Закавказья. С 1927 г. – председатель ГПУ Грузии, с 1929 г. – председатель Закавказского и Грузинского ГПУ, полномочный представитель ОГПУ в ЗСФСР. С 1931 г. – 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии и 2-й секретарь Закавказского крайкома ВКП(б). С 1932 г. – 1-й секретарь

ЦК КП(б) Грузии, 1-й секретарь Закавказского крайкома ВКП(б). В 1938–1945 гг. – 1-й зам., нарком внутренних дел СССР. 1941–1953 гг. – зам. председателя СНК (СМ) СССР. С 1941 г. – член ГКО, с 1944 г. – зам. председателя ГКО СССР. С 1953 г. – 1-й зам. председателя СМ СССР, министр внутренних дел СССР. Член ЦК КПСС в 1934–1953 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1946–1953 гг. 26 июня 1953 г. арестован и снят со всех постов. 23 декабря 1953 г. Специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР приговорен к ВМН и расстрелян.

³⁵ Пленум ЦК ВКП(б) проходил 11, 14, 18, 20 января 1938 г. и рассматривал вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков» (докладчик Маленков).

³⁶ Решение об освобождении П.П.Постышева от должности секретаря Куйбышевского обкома за «политически вредные» и «явно провокационные действия» было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 9 января 1938 г. (на основании записки Маленкова). Через несколько дней на пленуме ЦК (11–20 января 1938 г.) он был подвергнут резкой критике и выведен из числа кандидатов в члены ЦК с оставлением в составе ЦК. На его место был избран Н.С.Хрушев. После поездки секретаря ЦК А.А.Андреева на пленум обкома в Куйбышев и арестов в окружении Постышева, последний был 17 февраля исключен из партии, 21 февраля арестован, 26 февраля 1939 г. приговорен к смертной казни и расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

³⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило новый состав бюро Куйбышевского обкома и Н.Г.Игнатова – в должности первого секретаря 1 февраля 1938 г.

³⁸ См.: Паймен В. Чапай. Сборник народных песен, сказок, сказов и воспоминаний о легендарном герое гражданской войны В.И.Чапаеве. М., 1938. Как вспоминал автор, идея книги родилась в процессе общения с переведенным в Куйбышев в январе 1936 г. И.С.Кутяковым. Летом 1936 г. была организована экспедиция по местам боевых действий чапаевцев для сбора материалов (См.: Иванов-Паймен В.З. Невыдуманные рассказы: Рассказы, переводы, литературные заметки. Куйбышев, 1989. С.53).

³⁹ Подробнее о книге см. в более позднем издании: Максим Горький и Самара. Сб. Вступит. статья Л.Финка. Куйбышев, 1968.

⁴⁰ *Ставский (Киричников) В.П.* (1900–1943) – писатель, партийный функционер. Член РКП(б) с 1918 г., участник гражданской войны. В 1928–1933 гг. – секретарь РАПП. В 1936 г. после смерти М.Горького стал генеральным секретарем СП СССР, в 1937–1943 гг. одновременно главный редактор «Нового мира». В 1941 г., оставив пост секретаря, уехал на фронт военным корреспондентом «Правды». Погиб в 1943 г.

⁴¹ *Шолохов М.А.* (1905–1984) – писатель, лауреат Нобелевской премии (1965), член ВКП(б) с 1932 г., член ЦК КПСС с 1961 г., депутат Верховного Совета СССР (1937). Член правления Союза писателей СССР с 1934 г.

⁴² После ареста секретаря Вешенского РК ВКП(б) Лугового и др. руководящих работников, близких к М.А.Шолохову, писатель стал испытывать вполне понятные опасения за собственную судьбу. Это стало известно в Москве. В письме И.В.Сталину от 16 сентября 1937 г. В.П.Ставский сообщал о своем визите в Вешенскую к Шолохову «в связи с тревожными сообщениями о поведении» писателя. Резолюция Сталина гласила: «Тов. Ставский! Попробуйте вызвать в Москву т.Шолохова дня на два. Можете сослаться на меня. Я не прочь поговорить с ним». М.А.Шолохов был на приеме у Сталина 25 сентября 1937 г. Вскоре после состоявшегося в присутствии Молотова и Ежова разговора вешенские руководители были освобождены и восстановлены на работе (Писатель и

вождь. Переписка М.А.Шолохова с И.В.Сталиным. 1931–1950 годы. Сб. документов из личного архива И.В.Сталина. Сост. Ю.Мурин. М., 1997. С. 147, 150–151).

⁴³ *Микитенко И.К.* (1897–1937) – украинский советский писатель, член ВКП(б) с 1925 г. Автор повести «Уркаганы» (1928), романа «Утро», пьес «Диктатура» (1929), «Светите нам, звезды!» (1930), «Девушки нашей страны» (1933). Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

⁴⁴ *Юдин П.Ф.* (1899–1968) – партийный деятель, академик АН СССР (1953), лауреат Сталинской премии (1943). Из крестьян. Окончил Институт красной профессуры (1931). В 1937–1946 гг. – зав. ОГИЗом и одновременно в 1938–1944 гг. директор Института философии АН СССР. В 1952–1961 гг. – член ЦК КПСС, с 16 октября 1952 г. – кандидат в члены Президиума ЦК КПСС. После смерти Сталина выведен из состава Президиума и отправлен послом в Китай. В 1959 г. отозван.

⁴⁵ *Бедный Демьян (Придворов Е.А.)* (1883–1945) – поэт. Окончил Киевскую военно-фельдшерскую школу (1900), учился на историко-филологическом ф-те Петербургского университета. Начал печататься с 1899 г. Член РСДРП с 1912 г., сотрудник газеты «Правда». Наибольшей популярности достиг в годы гражданской войны. В 1920–1930 гг. писал «заказные» стихи, откликаясь на важнейшие события жизни страны (включая политические процессы). Подвергался критике со стороны Сталина. В 1938 г. был обвинен в клевете на русский народ и исключен из ВКП(б) и Союза писателей СССР. В период войны начал возвращать к себе доверие власти.

⁴⁶ *Березовский Ф.А.* (1877–1952) – писатель, партийный работник. Член РСДРП с 1904 г. Автор произведений, повествующих о пути женщины в революцию (повесть «Мать», 1923; роман «Бабьи тропы», 1928).

⁴⁷ *Бахметьев В.М.* (1885–1963) – писатель. Член РСДРП с 1909 г. Автор романов о жизни сибирского крестьянства и гражданской войне («Преступление Мартына», 1928; «Наступление», 1933–1940).

⁴⁸ *Накоряков Н.Н.* (1881–1970) – революционер, государственный деятель. В революционном движении с 1899 г., в 1903–1914 гг. – большевик, затем оборонец. В 1919–1920 гг. служил в белой армии. С 1922 г. работал в Госиздате, с 1925 г. – член ВКП(б). Один из организаторов издательства «Советская энциклопедия».

⁴⁹ *Корнейчук А.Е.* (1905–1972) – драматург, общественный и государственный деятель, академик АН СССР (1943), Герой Социалистического Труда (1965), пятикратный лауреат Сталинской премии. Из семьи рабочего. В 1934–1941 гг. – председатель СП Украины, в 1938–1941 – секретарь СП Украины. В 1940 г. вступил в ВКП(б). С 1937 г. – депутат Верховного Совета СССР.

⁵⁰ *Хвеля (Олинтер) А.А.* – зав. агитпропотделом ЦК КП(б)У. Оппонент Хвелевого в 1928 г. Основные положения его статьи «От уклона — в пропасть» Хвелевой вынужден был признать в покаянном письме.

⁵¹ *Хвелевый Микола (наст. фамилия Фитилев)* (1893–1933) – украинский писатель, «основоположник новой украинской прозы». Родился на Харьковщине в семье учителей. В 1916 г. экстерном сдал экзамены за гимназический курс. Добровольцем ушел на фронт осенью 1916 г., участник гражданской войны, с 1919 г. член РКП(б). В 1923 г. выпустил первую книжку «Синие этюды». Активный участник литературных дискуссий на Украине 1925–1928 гг., отстаивал лозунги «Прочь от Москвы!», «Равнение на Европу!», автор памфлетов и манифестов, организатор Вольной академии пролетарской литературы (ВАПЛИТЕ). Был обвинен в украинском национализме. В 1928 г. написал покаянное письмо,

опубликованное в украинской печати. В повести «Иван Иванович» (1929) вывел тип карьериста и приспособленца с партийным билетом. В обстановке травли 13 мая 1933 г. покончил жизнь самоубийством.

⁵² *Скрыпник Н.А.* (1872–1933) — советский партийный и государственный деятель. Сын железнодорожного служащего, образование — незаконченное высшее. Член РСДРП с 1897 г., профессиональный революционер. В октябре 1917 г. член Петроградского ВРК. С декабря 1917 г. — на Украине, нарком труда и промышленности. С марта 1918 г. — председатель СНК и нарком иностранных дел Украины. В июне 1918 — январе 1919 г. — член коллегии ВЧК. С января 1919 г. на руководящей работе в составе правительства Украины. С 1927 по 1933 гг. — нарком просвещения УССР. С 1923 г. кандидат в члены, с 1927 г. — член ЦК ВКП(б). Член Исполкома Коминтерна. С 1927 г. председатель Совета национальностей ЦИК СССР. С февраля 1933 г. — зам. председателя СНК и председатель Госплана УССР. Был обвинен в украинском национализме и во время заседания Политбюро ЦК КП(б)У застрелился.

⁵³ Вероятно, имеется в виду Украинская ассоциация пролетарских писателей, аналог российского РАППа.

⁵⁴ И.К.Микитенко был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б) в числе других в состав делегации на 2-й Международный антифашистский конгресс писателей в Испании в июле 1937 г. (См.: Писатель и вождь. Переписка М.А.Шолохова с И.В.Сталиным. 1931–1950 годы. Сб. документов из личного архива И.В.Сталина. Сост. Ю.Мурин. М., 1997. С.147). Выдвижение кандидатуры Микитенко позже было поставлено в упрек В.Ставскому. В проекте протокола заседания комиссии партгруппы правления ССП от 2 ноября 1937 г. было записано: « Комиссия считает, что во время выдвижения Микитенко в качестве делегата на Международный конгресс писателей Ставский, зная прошлое Микитенко, не отвел его кандидатуру и тем самым допустил политическую ошибку (См.: «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы. М., 1997. С. 236).

⁵⁵ *Косиор С.В.* (1889–1939) — советский государственный и партийный деятель, с 1928 г. возглавлял КП(б)У, член ПБ с 1930 г., 19 января 1938 г. переведен с Украины в Москву и назначен заместителем председателя СНК СССР. Арестован 3 мая 1938 г., 26 февраля 1939 г. приговорен к смертной казни и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁵⁶ *Чубарь В.Я.* (1891–1939) — советский государственный деятель. Член РСДРП с 1907 г. В октябре 1917 г. — комиссар Петроградского ВРК. С 1923 по 1934 г. — председатель СНК УССР, член ПБ КП(б)У. В 1934–1938 гг. — зам. председателя СНК СССР, одновременно в 1937–1938 гг. — наркомфин СССР. Член ПБ ЦК ВКП(б) с 1935 г. Постановлением ПБ от 16 июня 1938 г. со ссылкой на «следственные показания» Косиора, Эйхе, Рудзутака и др., выведен из состава Политбюро ЦК и освобожден от должности заместителя председателя СНК СССР. 17 июня 1938 г. решением ПБ назначен начальником строительства Соликамского целлюлозного комбината. 28 ноября 1938 г. арестован, 22 февраля 1939 г. приговорен к смертной казни и расстрелян. В 1955 г. реабилитирован.

⁵⁷ Информация автора не верна.

⁵⁸ *Соболев Л.С.* (1898–1971) — писатель. Наибольшую известность получил его роман «Капитальный ремонт». Лауреат Сталинской премии(1943), Герой Социалистического Труда (1968). Депутат Верховного Совета СССР в 1958–1971 гг. и член его Президиума с 1970 г.

Речь идет о записке И.В.Сталина В.П.Ставскому, датированной 10 декабря 1935 г., где «вождь», реагируя на письмо Л.С.Соболева (до сих пор не обнаруженное в архивах), признает его «крупным талантом» и призывает адресата не

навязывать ему работу по написанию продолжения своей главной книги «Капитальный ремонт», созданию новых произведений на актуальные темы: «Не надо обязывать его написать о колхозах или Магнитогорске. Нельзя писать о таких вещах по обязанности. Пусть пишет *что* хочет и *когда* хочет» (См.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002. С. 279–280. Впервые записка была опубликована в 1998 г.).

⁵⁹ *Савватеев А.П.* (1901–1955) – прозаик, публицист. Родился в Самаре в семье рабочего. Работал конторщиком, счетоводом, слушал лекции в Самарском университете. Печататься начал с 1926 г. Автор очерков и статей о ходе коллективизации в Среднем Поволжье. Делегат I съезда советских писателей. Участник Великой Отечественной войны. В 1930–50 гг. выступил с рядом прозаических книг, был редактором издательства, ответственным секретарем альманаха «Волга», руководил Куйбышевским отделением Союза писателей (См.: Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. М. – Самара, 1995. С. 297).

⁶⁰ Описываемые сложности в деле ареста В.З.Иванова-Паймена, очевидно, объясняются изменением обстановки в крае после смещения П.П.Постышева в январе 1938 г. В период своей поездки в область для организации кадровой чистки А.А.Андреев писал Сталину 4 февраля 1938 г.: «Начали проверять, нет ли произвольных арестов. Оказалось много фактов произвольных арестов по областной и районной прокуратуре. Так как органы НКВД оказывали известное сопротивление производству, идущему от обкома и секретарей РК, ныне разоблаченных как врагов народа, то арестовывали без основания, через областного и районных прокуроров. За прокуратурой имеется 250 человек, арестованных по ст.58. Все эти дела мы перечислили за НКВД, с поручением через свой следственный аппарат проверить каждый арест» (Советское руководство... С. 388).

⁶¹ «Стойка» – метод физического изнурения арестованных с целью добиться от них признательных показаний, был распространен в практике НКВД в период массовых репрессий 30-х гг. Подследственного заставляли по несколько суток часами стоять на ногах во время допроса, в то время, как следователи менялись и отдыхали.

⁶² Т.е. сочинять признательные показания о своем мнимом участии в несуществовавших преступлениях.

⁶³ *Панов Н.Ф.* (1890–1937) – член РСДРП с 1911 г. Неоднократно арестовывался за революционную деятельность. В 1915 г. выслан в Самару. Весной 1917 г. вернулся в Самару из ссылки в Иркутской губ., поступил на Трубочный завод, секретарь райкома партии. После установления Советской власти в Самаре – член коллегии штаба охраны города, военком полка, политкомиссар Железной дивизии Г.Д.Гая. По окончании гражданской войны – секретарь Самарской губКК. Позже – председатель крайпрофсовета, член партколлегии ЦКК ВКП(б). На XIII, XIV и XVI съездах партии избирался членом ЦКК ВКП(б), в 1931–1935 гг. – член ВЦИК. Перед арестом – зав. совторготделом обкома ВКП(б). Арестован 24 октября 1937 г., 13 мая 1938 г. Верховным Судом СССР приговорен по ст.58-2 (вооруженное восстание) и 58-11 к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован Верховным Судом СССР 6 июня 1956 г. Иванов-Паймен ошибается в отношении года вступления Панова в РСДРП. Информацию о его поведении после ареста автор мог получить только от сокамерников, т.к. к моменту его ареста Панова уже не было в живых. Сравни информацию автора с текстом историко-революционного сборника: «В тяжелые годы культа Сталина Н.Ф.Панов был арестован и в 1938 г. стал жертвой необоснованных обвинений. Однако до последней минуты жизни он сохранил большую стойкость, выдерж-

ку, огромное мужество и неустрашимость» (Борцы за народное дело. Куйбышев, 1965. С. 226).

⁶⁴ Зная, что Ксенофонт умер в ходе следствия в январе 1938 г., можно констатировать, что информация В.З.Иванова-Паймена основана не на личных впечатлениях.

⁶⁵ Сведений найти не удалось.

⁶⁶ *Рубинштейн Л.М.* (1903–1938) – член ВКП(б), редактор газеты «Волжская коммуна». Арестован 10 июня 1937 г. 11 мая 1938 г. Верховным Судом СССР приговорен по ст. 58-2 («вооруженное восстание»), 58-7 («экономическая контрреволюция») и 58-11 к ВМН. В тот же день расстрелян. Реабилитирован Верховным Судом СССР 8 июня 1957 г.

⁶⁷ *Бархашев Б.В.* (1901–1938) – член ВКП(б), служащий. Арестован 11 июня 1937 г., 14 мая 1938 г. Верховным Судом СССР приговорен по ст. 58-10 и 58-11 к ВМН и в тот же день расстрелян. Реабилитирован Верховным Судом СССР 22 сентября 1956 г. Таким образом, В.З.Иванов-Паймен с ним в тюремной камере встретиться не мог.

⁶⁸ *Браун Я.В.* (1899–1937) – литератор. Увлекался шахматами, кандидат в мастера, участник областных первенств. Арестован 9 февраля 1937 г., 9 декабря 1937 г. «тройкой» при УНКВД по Куйбышевской области приговорен по ст. 58-10 и 58-11 к ВМН. Расстрелян 21 декабря 1937 г. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 13 ноября 1956 г.

⁶⁹ Л.Финк в своих воспоминаниях писал, что аресты в писательской среде г.Куйбышева произошли на основе фальсифицированных показаний А.Гизетти и Г.Венуса (автора изданных в 1922 г. интересных мемуаров «11 месяцев с дроздовцами») (Финк Л. И одна – моя – судьба. Воспоминания, раздумья, полемика. Самара, 1993. С.12).

Гизетти А.А. (1888–1936) – беспартийный. Арестован 11 января 1938 г. по ст. 58-10 и 58-11. В процессе следствия умер 22 октября 1938 г. в Куйбышевской тюрьме. Реабилитирован по закону от 18 октября 1991 г. (См.: Белая книга. Т. 1. С. 135).

⁷⁰ Сравни с воспоминаниями Л.Финка о Гизетти: «Мне передавали его фразу: «Сообщите тем, кто обвиняет меня в клевете, что я уже не в силах отвечать за действия молодчиков в чекистских мундирах» (Финк Л. И одна – моя – судьба. С. 8).

⁷¹ Т.е. расстрелы.

⁷² Возглавлявший с 1934 г. отдел руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), Г.М.Маленков 22 марта 1939 г. стал начальником Управления кадров и секретарем ЦК ВКП(б), членом Оргбюро ЦК.

⁷³ Назначение Л.П.Берия на пост наркома внутренних дел вместо смещенного Н.И.Ежова состоялось 11 ноября 1938 г.

⁷⁴ Имеется в виду советско-германский договор о ненападении, так называемый «пакт Молотова-Рибентроппа» от 23 августа 1939 г., развязавший руки Гитлеру для осуществления агрессии против Польши, повлекшим начало 2-й мировой войны.

⁷⁵ Звание «генералиссимуса Советского Союза» было присвоено Сталину 26 июня 1945 г.

⁷⁶ Имеется в виду фрагмент выступления Сталина 3 марта на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б) с речью «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» (разд. V): «В составе нашей партии... имеется около 3–4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет нашей партии. Далее идут 30–40 тысяч средних руково-

дителей. Это – наше партийное офицерство. Дальше идут около 100–150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство» (Душенко К.С. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина: Что, кем и когда было сказано. М., 1996. С. 91).

⁷⁷ Пункт 10 ст. 58 УК РСФСР (1926) карал за так называемую «антисоветскую агитацию» и имел самое массовое применение. К этому «стандартному» обвинению присоединяли в качестве отягчающих вину дополнительные пункты той же статьи. Пункт 8-й содержал более опасное обвинение в «терроризме». Пункт 11-й предусматривал ответственность за создание и участие в контрреволюционной организации для подготовки антигосударственного преступления. «Получить на всю катушку» значило получить предельный срок наказания лишением свободы по данной статье УК. В 1937 г. высший предел срока заключения был поднят с 10 до 25 лет. Некоторое время – до начала 1940-х гг. – сроки выносимых приговоров, как правило, не превышали 20 лет.

⁷⁸ Возможно, речь идет о *Степанове Сергее Матвеевиче* (1901–1938) – начальнике аэроклуба. Арестован 5 августа 1937 г., 17 мая 1938 г. Верховным Судом СССР приговорен по ст.58-10 и 58-11 к ВМН и в тот же день расстрелян.

⁷⁹ *Левянт Зиновий Борисович* (наст. имя и отчество – Залман Беркович) (1901 – после 1940 г.) – ректор Самарского планово-экономического института (1933–1935). Журналист, редактор. Окончил Витебскую мужскую гимназию. С 1919 г. член РКП(б). Участник гражданской войны. Работал редактором газет «Комсомольская правда», «Коммунар», журнала «Спутник агитатора». Окончил аграрное отделение Института красной профессуры (1932). Постановлением Средне-Волжского крайкома ВКП(б) от 1 января 1935 г. исключен из партии за пособничество троцкистам. Репрессирован. Реабилитирован посмертно (См.: Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. Е–И. Самара, 1994. С. 367).

⁸⁰ Суздальский политизолятор располагался в Покровском женском монастыре Суздаля, приспособленном под тюрьму ОГПУ, очевидно, в 1923 г. В двухэтажном здании бывшей монастырской гостиницы содержались политические противники советской власти из числа меньшевиков, эсеров, позже – оппозиционеры. 11 ноября 1935 г. все изоляторы и политизоляторы НКВД были переименованы в тюрьмы НКВД СССР.

⁸¹ *Литке С.* (1895–?) – член ВКП(б). Начальник войск НКВД Приволжского ВО. Арестован 22 февраля 1938 г. по ст. 58-16 (измена Родине, совершенная военнотружеником), 58-7 (экономическая контрреволюция) и 58-11. Постановлением УНКВД по Куйбышевской области от 7 мая 1940 г. уголовное дело в отношении Литке было прекращено за недостатком улик. Реабилитирован по закону от 18 октября 1991 г.

⁸² *Уборевич И.П.* (1896–1937) – военный деятель, командарм 1-го ранга (1935). Участник 1-й мировой войны, подпоручик. Член РСДРП(б) с 1917 г. В годы гражданской войны командовал бригадой, дивизией, армией. В 1922 г. – военный министр и главнокомандующий Народно-революционной армией ДВР, затем – на руководящих должностях в РККА, командующий ряда военных округов. 29 мая 1937 г. арестован. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁸³ Имеются в виду теоретические взгляды на вопросы семейно-брачных отношений, распространенные в первой половине 1920-х гг. Так, например, А.М.Колонтай – наиболее известная в партийных кругах пропагандистка идей «свободной любви», противопоставляя потребительскому, мещанско-буржуазному «бескрылому эросу» «эрос крылатый», полагала, что «для классовых задач пролетариата совершенно безразлично, принимает ли любовь формы длительно оформленного союза или выражается в виде преходящей связи» (См.:

Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920/1930 годы. СПб., 1999. С. 270).

⁸⁴ Строительство железной дороги Воркута – Котлас в довоенный и военный периоды велось силами заключенных Северного железнодорожного ИТЛ (с 10.05.38 г. подчинен ГУЛАГу, с 4.01.40 г. – ГУЛЖДС, численность на 1.07.41 г. – 66 926 чел.) и Северно-Печерского ИТЛ (подчинен ГУЛЖДС с 14.05.40 г., численность на 15.06.41 г. – 91 664 чел.).

⁸⁵ *Шемена С.И.* – капитан госбезопасности, начальник Севжелдорлага с 10.05.38 г. по 07.01.44 г. Интересные подробности о С.И.Шемене сообщает писатель Л.Финк: «Полковник Семен Иванович Шемена был человеком незаурядным. Долгие годы он служил военным атташе в Праге и Варшаве. Кажется, в начале 1937 года арестовали его жену, а самого отозвали в Москву. Он вернулся, видимо, понимая, что его ждет самое худшее. Но оказалось иное. Его направили на север Республики Коми для организации нового лагеря – строить железную дорогу от Котласа до Воркуты. Он подчинил весь быт лагеря делу, и поэтому широко расконвоировал основной лагерный контингент, в котором абсолютное большинство составляли такие, как я. Уголовники почти не определяли характер нашей жизни. Осужденные по пятьдесят восьмой статье занимали почти все инженерные должности». По информации автора, С.И.Шемена в последующем работал в ГУПВИ, возглавлял Одесское управление МВД. Будучи генералом в отставке, проживал в Москве на Котельнической наб. (См.: Финк Л. И одна – судьба – моя. С. 19–20).

⁸⁶ Аббревиатура неясна, вероятно, речь идет о складе или станции.

⁸⁷ «Финансовую карьеру» в лагере В.З.Иванов-Паймен сделал, очевидно, не без покровительства Льва Финка, который помог ему «освоить тонкости бухгалтерского учета и составления стройфинплана», а сам при этом «дорос» до должности начальника сметно-бюджетного отделения в финансовом управлении Севжелдорлага (См.: Финк Л. Живая память. С. 95; Финк Л. И одна – моя – судьба. С. 57, 74).

⁸⁸ Сравни со строками реабилитированного И.Гронского, писавшего в адрес ЦК КПСС: «Была ли у меня когда-нибудь обида на партию и государство? Нет, не было. На партию и государство так же нельзя обижаться, как нельзя обижаться на своего отца, давшего тебе жизнь, на свою мать, в муках родившую тебя» (На полях заметка Пospelова: «Письмо Гронского производит хорошее впечатление») (Цит. по кн.: Пыжиков А. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 140).

⁸⁹ Имеется виду И.В.Сталин. Угрюм-Бурчеев – персонаж «Истории одного города» М.Е.Салтыкова-Щедрина.

⁹⁰ «Особка», ОСО – Особое совещание. Возникло еще при ОГПУ, с 1934 г. при НКВД СССР, с 1946 г. – при МГБ СССР. Обладало правами заочного административного суда. Первоначально предельный срок заключения по приговорам ОСО при НКВД СССР составлял 5 лет, секретная инструкция в 1937 г. повысила этот предел до 8 лет, а вскоре и до 10-ти. В середине 1940-х гг. появляются 20-летние, позже – 25-летние сроки. Начиная с 1948 г., ОСО получает право назначать «вечную ссылку», с 1953 г. – пожизненное тюремное заключение, не предусмотренное УК. Упразднено в сентябре 1953 г. Подробнее см.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 1.

⁹¹ «Ленинградское дело» – фальсифицированное органами госбезопасности при активном участии Маленкова и Берии дело, жертвой которого стали руководящие партийные и советские работники Ленинграда. 1 октября 1950 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в антипартийной деятельности и вредительско-подрывной работе, направленной на отрыв и противопоставление Ленинградской партийной организации Центральному Комитету, были

осуждены к ВМН член ПБ ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совмина СССР Н.А.Вознесенский, секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК А.А.Кузнецов, Председатель Совмина РСФСР, член Оргбюро ЦК М.И.Родионов, кандидат в члены ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П.С.Попков и др. (См.: Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 311–322). Материалы расследования этого дела после смерти Сталина и ареста Берии, вскрывшие роль в нем Маленкова, способствовали устранению последнего с высших постов в руководстве страны.

⁹² Сравни с текстом письма заключенного В.М.Варейкиса (брата И.М.Варейкиса) на имя Н.С.Хрущева с просьбой о реабилитации (написано не позднее 22 декабря 1953 г.): «Правда, в годы после исключения из партии [1937 г.], в годы войны и после, условия надломили быт и порядок моей личной жизни. Разрушилась семейная жизнь. Разрушилась работящая семья... Я, оставшись один, лишенный чести, подвергнутый остракизму, начал терять сознание своей нужности. Стал больше, чем следовало бы, пить, оторвался от общественной жизни» (Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. Т. 1: Март 1953 – февраль 1956. М., 2000. С. 80–81).

⁹³ Кампания по выращиванию кукурузы была развернута Н.С.Хрущевым начиная с января 1955 г. В отчете на XXII съезде КПСС Н.С.Хрущев призвал считать широкое внедрение кукурузы, гороха и кормовых бобов не частной задачей, а «важнейшим направлением в развитии нашего земледелия».

⁹⁴ Возможно, речь идет об Оберюхтине Викторе Ивановиче, в прошлом офицере царской армии, генштабисте. *Оберюхтин В.И.* (1887–?) – получил домашнее образование, окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Поручик 186 пех. Асландузского полка (1911). Окончил Императорскую Николаевскую военную академию по 1 разряду (1914). Благодарю за предоставленную справку Г.С.Марштупу.

⁹⁵ *Сырцов С.И.* (1893–1937) – советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1913 г. В марте – сентябре 1918 г. – зам. председателя Донского СНК, позже член Донского бюро ЦК РКП(б), военком 12-й армии. С 1921 по 1926 гг. – зав. отделом ЦК РКП(б)–ВКП(б). С 1924 г. кандидат в члены, с 1927 г. член ЦК ВКП(б). В 1926–1929 гг. – секретарь Сибирского крайкома ВКП(б). С 1929 г. – председатель СНК РСФСР и кандидат в члены ПБ ЦК ВКП(б). 1.12.30 г. за «фракционную деятельность» снят с поста и выведен из состава ПБ и ЦК. С 1931 г. – зам. председателя правления АО «Экспортлес», управляющий трестом снаряжения и взрывчатых веществ, директор завода (Электросталь). В 1937 г. арестован, 10.09.37 г. приговорен к ВМН. Расстрелян. В 1957 г. реабилитирован. Подробнее см.: Кислицын С.А. «Право-левацкий» блок Сырцова-Ломинадзе» – что это было? // Кентавр. 1993. № 1; Сталинское Политбюро в 1930-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 94–107.

⁹⁶ *Ефремов М.Т.* (1911–2000) – советский партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1932 г. В 1952–1959 гг. – 1-й секретарь Куйбышевского, в 1961–1962 гг. – Челябинского, в 1962–1965 гг. – Горьковского обкома КПСС. С 1965 г. – заместитель председателя Совмина СССР. С 1971 г. посол СССР в ГДР, в 1975–1986 гг. – в Австрии. Член ЦК КПСС в 1956–1976 гг.

⁹⁷ *Сурков А.А.* (1899–1983) – поэт, общественный деятель. Герой Социалистического Труда (1969). Член партии с 1925 г. Член ЦК КПСС в 1952–1956 гг., кандидат в члены ЦК КПСС в 1956–1966 гг. Депутат Верховного Совета СССР с 1954 г. Лауреат Сталинских премий (1946, 1951).

⁹⁸ В.З.Иванов-Паймен был реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР 16 апреля 1955 г.

⁹⁹ Лев Финк так писал о творческом кризисе, который переживал автор, вернувшись из ссылки к «нормальной» жизни: «И вот тогда выясняется неожиданное и по сути страшное обстоятельство: Влас не знает, о чем писать... Довоенная жизнь куда-то ушла, а современная почти совсем неизвестна» (Финк Л.А. Живая память. С. 101).

¹⁰⁰ В.З.Иванов-Паймен перевел на русский язык поэму чувашского классика Константина Иванова «Нарспи». О героях гражданской войны см.: Иванов-Паймен В.З. Три встречи. Рассказы о героях гражданской войны. Куйбышев, 1961.

¹⁰¹ Пребывание в больнице дало автору материал для написания цикла небольших рассказов «Товарищи. Из больничной тетради» (Иванов-Паймен В.З. Невыдуманные рассказы).

¹⁰² Имеется в виду июньский (1957 г.) пленум ЦК КПСС, на котором группа Молотова, Маленкова, Кагановича, выступившая против Н.С.Хрущева, потерпела поражение.

¹⁰³ Новая (третья) программа Коммунистической партии была принята XXII съездом КПСС (1961). Констатировала «полную и окончательную победу социализма в СССР», образование «мировой социалистической системы». Намечала построение в СССР «материально-технической базы» коммунистического общества к 1980 г. Проект программы был опубликован в «Правде» 30 июля 1961 г. (№ 211).

¹⁰⁴ Н.С.Хрущев, учась в московской Промакадемии и активно выступая против «правого уклона», в 1930 г. был избран слушателями секретарем парткома. Сам Н.С.Хрущев полагал позднее, что учившаяся там же жена Сталина Н.С.Аллилуева, входившая в состав парткома, обратила на него внимание вожда, что дало толчок его дальнейшей партийной карьере (См.: Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания в 4-х кн.). Т. 1, М., 1999. С. 47, 48, 54).

¹⁰⁵ *Фрунзе М.В.* (1885–1925) — партийный, государственный и военный деятель. Член РСДРП с 1904 г., профессиональный революционер. В годы гражданской войны — на военной работе, командующий армией, фронтом. В 1920–1924 гг. — командующий войсками Украины и Крыма, член Политбюро ЦК КП(б)У, с 1922 г. — зам. председателя СНК Украины. В 1924–1925 гг. — зам. председателя РВС СССР и зам. наркома по военным и морским делам, кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б). 26 января сменил Л.Д.Троцкого на посту главы военного ведомства. Умер 31 октября 1925 г. на операционном столе в ходе хирургической операции.

¹⁰⁶ *Рудзутак Я.Э.* (1887–1938) — советский государственный, партийный и профсоюзный деятель. Член РСДРП с 1905 г. После октября 1917 г. — на руководящей работе в ВЦСПС и ВСНХ. В 1923–1924 гг. — секретарь ЦК РКП(б). В 1924–1930 гг. — нарком путей сообщения СССР. С 1923 г. кандидат, с 1926 г. — член Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Заняв пост председателя ЦКК ВКП(б) — наркома РКИ СССР в 1931 г., Рудзутак, согласно партийной традиции, 10 февраля 1932 г. был выведен из состава Политбюро. После ликвидации НК РКИ СССР и преобразования ЦКК освобожденный от должности Рудзутак 10 февраля 1934 г. был вновь включен в состав Политбюро, но уже в качестве кандидата. Арестован 25 мая 1937 г., приговорен к ВМН 28 июля 1938 г. Расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

¹⁰⁷ Фраза, действительно, из постановления пленума. Первым секретарем ЦК КПСС Н.С.Хрущев стал только 13 сентября 1953 г. В протоколе совместного заседания пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР от 5 марта 1953 г. (председательствующий — Н.С.Хрущев) было записано (пункт 16): «Признать необходимым, чтобы тов. Хрущев Н.С. со-

средоточился на работе в Центральном комитете КПСС и в связи с этим освободить его от обязанностей первого секретаря Московского комитета КПСС» (Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 103. Первая публикация – Источник. 1994. № 1. С. 107–111).

¹⁰⁸ Н.С.Хрущев уступал в воинском звании и Жданову, и Щербакову. Даже в 1950–1960-х гг., являясь первым лицом в государстве и Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами СССР, он сохранил воинское звание генерал-лейтенанта (1943). По воспоминаниям В.Семичастного, в период, когда Шелепин и он возглавляли КГБ, Н.С.Хрущев не утвердил в генеральском звании ни одного сотрудника этого ведомства (См.: Семичастный В. Указ. соч. С. 343).

¹⁰⁹ Жданов А.А. (1896–1948) – советский партийный и государственный деятель. С 1 февраля 1935 г. – кандидат в члены, с 22 марта 1939 г. – член ПБ ЦК ВКП(б). В годы войны – на политической работе в армии, с 1944 г. – в ЦК ВКП(б). Генерал-полковник (1944).

¹¹⁰ Щербаков А.А. (1901–1945) – советский партийный и государственный деятель. С 4 мая 1941 г. – секретарь ЦК ВКП(б), с 27 июля 1941 г. – кандидат в члены ПБ, с июня 1942 г. – нач. Главполитуправления РККА, в 1942–1943 гг. – зам. наркома обороны СССР. В 1943–1945 гг. – зав. отделом международной информации ЦК ВКП(б). Генерал-полковник (1943).

¹¹¹ Н.С.Хрущев был 1-м секретарем Московского городского и областного комитета ВКП(б) с января 1934 г. В январе 1938 г. назначен и.о. 1-го секретаря ЦК КП(б)У, в 1944–1947 гг. – одновременно председатель СНК УССР. В марте 1947 г. снят с постов на Украине, в декабре 1947 г. вновь 1-й секретарь ЦК КП(б)У. С декабря 1949 г. – секретарь ЦК и 1-й секретарь МК ВКП(б).

¹¹² Доклад Н.С.Хрущева, в котором он подверг резкой критике положение дел в сельском хозяйстве и наметил меры по облегчению положения крестьянства, был сделан на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС. Этой же теме была посвящена значительная часть выступления председателя Совмина СССР Г.М.Маленкова на сессии Верховного Совета СССР, состоявшегося ранее – в начале августа. Вопрос о том, в какой степени это была личная инициатива Г.М.Маленкова, требует дополнительного исследования. По мнению А.И.Микояна, народ приписал ему всю славу народного заступника, что вызвало ревность Н.С.Хрущева и желание политического устранения конкурента (См.: Микоян А.И. Так было. С. 599–600).

¹¹³ В отличие от И.В.Сталина, Н.С.Хрущев много времени проводил в поездках по стране. По воспоминаниям А.Аджубея, только в 1954–1955 гг. Хрущев побывал в Сибири, на Дальнем Востоке и Сахалине, в Средней Азии, на Украине, в Саратове, Воронеже, Ленинграде и Ленинградской области, Риге, Курске (См.: Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М., 1989. С. 299).

¹¹⁴ Решение об освоении целинных и залежных земель в Казахстане и на юге Западной Сибири было принято на основе постановления пленума ЦК КПСС, проходившего в Москве 23 февраля – 2 марта 1954 г. В 1956 г. распаханно 35 млн га. Освоение целины названо Н.С.Хрущевым в докладе на XXII съезде КПСС «великим подвигом нашего героического народа в строительстве коммунизма».

¹¹⁵ Летом 1954 г. на освоение целины отправилось 300 тыс. чел.

¹¹⁶ Имеется в виду номер газеты, посвященный 75-летию со дня рождения И.В.Сталина (декабрь 1954 г.).

¹¹⁷ Визит Н.С.Хрущева в США (первый визит главы советского государства в истории двусторонних отношений) состоялся 15–27 сентября 1959 г.

¹¹⁸ Разногласия с руководством КНР возникли главным образом на почве неприятия им антисталинских разоблачений и международной политики СССР, приоритетом которой стал курс на мирное сосуществование государств с разными политическими системами. Разногласия наметились в конце 50-х гг. Летом 1959 г. СССР прекратил сотрудничество с Китаем в ядерной области. 30 сентября – 1 октября 1959 г. состоялся визит Н.С.Хрущева в Китай, в ходе которого была предпринята попытка разрешить наметившиеся противоречия. 18 августа 1960 г. из Китая отзываются советские технические специалисты. Весной 1962 г. начались инциденты на советско-китайской границе. Летом 1963 г. идеологический разрыв с документально оформленными претензиями обозначается уже открыто.

¹¹⁹ Разногласия с руководством Народной Республики Албании выросли из неприятия им разоблачения «культы личности Сталина». По заявлению Н.С.Хрущева, отход албанских руководителей от «общей линии мирового коммунистического движения» отчетливо проявился с середины 1961 г. 26 апреля 1961 г. СССР разрывает соглашение о кредитах с Албанией.

¹²⁰ Согласно уставу партии, принятому на XXII съезде КПСС, на каждых очередных выборах состав ЦК и его Президиума должен был обновляться не менее чем на 1/4 часть. Члены Президиума должны были избираться, «как правило, не более чем на три созыва подряд». Кандидат, претендовавший на исключение из этого правила, считался избранным при условии, что при выборах он набрал (при тайном голосовании) не менее 3/4 голосов (См.: Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 436). После смещения Н.С.Хрущева на основании решений XXIII съезда (1966) в устав КПСС были внесены поправки, сделавшие ротацию кадров в партийных верхах не столь обязательной.

¹²¹ Из 139 кандидатов и членов ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде, было репрессировано 97 чел., покончило жизнь самоубийством 5 чел., расстреляно за нарушения социалистической законности 4 чел., убит в результате покушения 1 чел. Подавляющее большинство было репрессировано в 1937–1938 гг. (См.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953– февраль 1956. М., 2000. С.411, 317. См. также: Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 114; Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 81–82).

¹²² *Ильичев Л.Ф.* (1906 –1990) – советский государственный и партийный деятель, академик АН СССР (1962). Член партии с 1924 г. С 1952 по 1956 гг. – кандидат в члены, с 1961 по 1966 гг. – член ЦК КПСС. В 1956–1961, 1976–1981 гг. – член ЦРК КПСС. В 1961–1965 гг. – секретарь ЦК КПСС. С 1965 г. – зам. министра иностранных дел СССР.

¹²³ *Сатюков П.А.* (1911–1976) – партийный работник, журналист. Член ВКП(б) с 1939 г. С января 1940 г. – инструктор, позже зав. отделом кадров Приморского РК ВКП(б) г. Ленинграда. В 1940–1942 гг. учился в ВПШ. В 1942–1949 гг. – в аппарате ЦК ВКП(б). С июля 1949 г. – ответственный секретарь и зам. главного редактора «Правды». С 1953 по ноябрь 1956 г. – зам. главного редактора, с 20 ноября 1956 г. по 10 декабря 1964 г. – главный редактор «Правды». Член ЦРК ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР.

¹²⁴ *Шелепин А.Н.* (1918–1994) – советский партийный и государственный деятель. Член ВКП(б) с 1940 г. В 1940-е гг. – на комсомольской работе, в 1952–1958 гг. – 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ. С 1952 г. – член ЦК КПСС. В 1958–1961 гг. – председатель КГБ при Совмине СССР, в 1961–1967 гг. – секретарь ЦК КПСС, в 1962–1965 гг. председатель Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совмина СССР, зам. председателя Совмина СССР. Один из активных участников процесса смещения Н.С.Хрущева с поста руководителя

партии и государства, с 1964 г. – член Президиума ЦК КПСС. В борьбе с группировкой Л.И.Брежнева потерпел поражение, в 1967 г. назначен председателем ВЦСПС, в 1976 г. не вошел в ЦК КПСС, в 1984 г. уволен на пенсию.

¹²⁵ *Аджубей А.И.* (1924–1993) – журналист, зять Н.С.Хрущева. Главный редактор «Комсомольской правды» (1957–1959), «Известий» (1959–1964), член ЦК КПСС, лауреат Ленинской премии (в соавторстве) за книгу «Лицом к лицу с Америкой» (о визите Н.С.Хрущева в США). Автор воспоминаний «Те десять лет» (1989).

¹²⁶ *Радищев А.Н.* (1749–1802) – революционный мыслитель, писатель, обличитель самодержавия и крепостничества. Наиболее известен как автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), за написание которой был сослан в Сибирь. Покончил жизнь самоубийством.

¹²⁷ *Бубнов А.С.* (1883–1938) – советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1903 г., профессиональный революционер, неоднократно арестовывался. Активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, член ВРК. С 1918 г. на руководящей партийной и государственной работе на Украине. В 1922–1923 гг. – зав. Агитпропом ЦК РКП(б). С 1924 г. – начальник Политуправления РККА, член РВСР, в 1925 г. – секретарь ЦК ВКП(б). В 1922–1924 гг. – кандидат в члены, в 1924–1934 гг. – член ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б). С 1929 г. – нарком просвещения РСФСР. 17 октября 1937 г. арестован, 1 августа 1938 г. приговорен к ВМН и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹²⁸ *Чингисхан (Тэмуджин, Темучин)* (около 1155–1227) – основатель и великий хан Монгольской империи, организатор завоевательных походов против народов Азии и Восточной Европы.

«НАМ УДАЛОСЬ СДЕЛАТЬ РЫВОК»

Из воспоминаний действительного члена АН СССР (РАН)
Б.Е.Чертока

Среди массива фонодокументов, находящихся на хранении в Российском государственном архиве научно-технической документации (РГАНТД), особое место занимают воспоминания ветеранов ракетно-космической отрасли, относящиеся ко времени их работы в Германии по изучению и восстановлению немецкой ракеты ФАУ-2 (V-2)¹. Этот период времени – середина 1944 – конец 1946 гг. – вошел в историю развития отечественной ракетно-космической отрасли как начало интенсивных работ по созданию баллистических ракет дальнего действия (БРДД), приведших в дальнейшем к проникновению человека в космос.

В июле 1944 г. руководству Советского Союза из достоверных источников стало известно о разработке фашистской Германией нового перспективного вида реактивного оружия – баллистических ракет большой дальности ФАУ-2 (впервые они были использованы немцами для обстрела городов Великобритании и Бельгии в сентябре 1944 г.). Данной информацией располагали также Великобритания и США, что подтолкнуло Советский Союз к активному поиску материалов, которые позволили бы воссоздать эту ракету и определить ее тактико-технические характеристики.

В связи с этим, начиная с августа 1944 г., в Германию был направлен ряд экспедиций в составе военной разведки. В их число входили и специалисты НИИ-1 (бывшего РНИИ)², в том числе майор Борис Евсеевич Черток³. Впервые он вылетел в Германию в составе группы из 10 человек в апреле 1945 г. Группе было поручено изучить немецкие авиационные приборы, автопилоты, спецоборудование самолетов, самолетную радиолокацию, радионавигацию и связь. В июле того же года Б.Е.Черток и подполковник А.М.Исаев⁴ организовали в г. Бляйхероде институт «Рабе» (от немецкого «ракетенбау» – строительство ракет), в котором работали немецкие специалисты (в основном по электрооборудованию и

¹ ФАУ-2 (V-2) – баллистическая ракета дальнего действия А-4, названная немцами «оружием возмездия» («Фергельтунг»).

² РНИИ – Реактивный научно-исследовательский институт. Создан в 1933 г. в Москве на базе газодинамической лаборатории (ГДЛ) и группы изучения реактивного движения (ГИРД).

³ Черток Борис Евсеевич (род. 1912) – советский ученый в области систем управления летательных аппаратов, академик РАН (2000, чл.-корр. АН СССР с 1968), Герой Социалистического Труда (1961). Автор трудов по автоматике, системам управления космических аппаратов и др. Лауреат Ленинской (1957) и Государственной (1976) премий СССР.

⁴ Исаев Алексей Михайлович (1908–1971) – советский конструктор авиационных и ракетных двигателей, Герой Социалистического Труда (1956), участник создания БИ-1 – первого советского самолета с жидкостным ракетным двигателем (ЖРД). Под его руководством разработана серия ЖРД для космических кораблей «Восток», «Восход», «Союз» и межпланетных космических аппаратов. Лауреат Ленинской (1958) и Государственных (1948, 1968) премий СССР.

управлению), которых не успели вывезти американские спецслужбы. Б.Е.Черток был назначен директором. В феврале 1946 г. на базе института «Рабе» и всех других разрозненно действующих в Германии групп была создана единая организация – институт «Нордхаузен», куда «Рабе» вошел на правах института по системам управления.

Вниманию читателей предлагаются воспоминания Б.Е.Чертока об этом периоде времени, переведенные со звукового на бумажный носитель. Воспоминания были записаны как рабочий материал при подготовке документального фильма «Спираль» 30 ноября 1988 г. В дальнейшем они вошли в книгу Бориса Евсеевича «Ракеты и люди», изданную в 1994 г. В ней он описывает эти события подробно и полно. Тем ценнее его более ранние рассказы, в которых сохранились и свежесть восприятия, и эмоциональная окраска происходившего. Во второй части воспоминаний Б.Е.Черток дает оценку политической и экономической ситуации в стране в довоенный период, раскрывая причину отставания СССР от Германии в области производства ракет. Эта оценка подтверждена всей жизнью и деятельностью Бориса Евсеевича – видного ученого и конструктора, работавшего с выдающимися людьми ушедшего века, творцами и организаторами мощной ракетно-космической науки и промышленности, такими, как Сергей Павлович Королев⁵, Валентин Петрович Глушко⁶ и др. Он и сегодня активно работающий ученый: главный научный консультант РКК «Энергия», председатель секции Научного совета Российской академии наук по управлению движением и навигации, профессор Московского физико-технического института и Московского государственного технического университета имени Н.Э.Баумана.

Публикацию подготовили Е.Ю.БАШИЛОВА и Т.А.ГОЛОВКИНА.

№ 1

О работе в послевоенной Германии по восстановлению ракет ФАУ-2

Я хочу рассказать о том, как впервые в Советском Союзе мы узнали о работах немцев в области ракетной техники, в частности, над ФАУ-2. Я бы отнес это к концу 1943 – началу 1944 года. В это время я работал в НИИ-1 Министерства авиационной промышленности, который был организован на базе знаменитого РНИИ, преобразованного потом в

⁵ *Королев Сергей Павлович* (1907–1966) – советский ученый и конструктор в области ракетостроения и космонавтики, Главный конструктор первых ракетно-носителей, ИСЗ, пилотируемых космических кораблей, основоположник практической космонавтики, академик АН СССР (1958, чл.-корр. с 1953), дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1961). Под руководством Королева созданы космические корабли «Восток», «Восход», на которых впервые в истории человечества совершены космический полет человека и выход человека в открытый космос.

⁶ *Глушко Валентин Петрович* (1908–1989) – советский ученый в области ракетно-космической техники, основоположник отечественного жидкостного ракетного двигателестроения, один из пионеров ракетной техники. Академик АН СССР (1958), дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1961). Конструктор первого в мире электротермического ракетного двигателя (1929–1933), первых советских ЖРД (1930–1931).

НИИ-3. Руководство НИИ-3 было сменено – начальником вместо Костикова был назначен генерал-майор авиации Федоров Петр Иванович, а его первым заместителем по научной части был Болховитинов¹ – светлая голова, один из энтузиастов ракетной авиации. Главный конструктор того самого знаменитого БИ^а, который он создавал вместе с Исаевым и Березняком.

Основной нашей задачей было изготовление самолетов с жидкостным ракетным двигателем. И вот к нам стали поступать от органов нашей разведки смутные сведения, полученные в основном от военнопленных, что немцы работают над управляемыми ракетами.

У нас такие идеи тоже были, мы пытались их воплощать в автоматическом управлении ракетными самолетами. Поэтому с самого начала мы представляли себе автоматический летательный аппарат с ракетным двигателем как крылатый аппарат, и когда получали от военнопленных сведения, что создаются какие-то не крылатые летательные аппараты, мы относились к этому, мягко говоря, с недоверием. Тем более, что о ФАУ-2 были достаточно подробные данные, так как немцы начали обстрел Англии этими ФАУ-2, и англичане достаточно подробно нас о них информировали.

В июне 1944 года Черчилль² обратился к Сталину³ со следующим письмом: «Ваши войска приближаются сейчас к границам Польши. По данным, которыми располагает английская разведка, в Польше в районе Близна находится полигон, на котором немцы испытывают снаряды дальнего действия. Мы обращаемся к Советскому правительству с просьбой – разрешить нашим специалистам, как только эти места будут заняты Красной Армией, попытаться посмотреть в этом районе, что осталось, ибо разрабатываемые немцами новые виды вооружения направлены против Англии и представляют для англичан большой интерес – с целью выработки средств противодействия». Сталин ответил согласием и нашему институту было поручено немедленно включиться в эту работу, по возможности попасть в эти места до того, как туда приедут наши союзники.

Экспедицию в этот район возглавил начальник нашего института генерал Федоров. Вместе с ним отправлялась большая компания, в которую входили М.К.Тихонравов⁴ – один из основоположников нашего ракетного дела, и разработчики «катюш»^б, которые работали в нашем институте. Надо сказать, что они не очень много нашли, пока туда не прибыли англичане, у которых имелись достаточно подробные карты. Разворачивая эти карты, они прямо показывали, где расположены воронки, а где стартовые позиции, и куда надо ехать. Поэтому нашей команде стало гораздо легче работать с англичанами! (*смеется*).

^а БИ – ракетный самолет; 1-й советский самолет с ЖРД.

^б «Катюши» – бесствольные реактивные системы, находившиеся во время войны на вооружении полевой реактивной артиллерии. Получили свое неофициальное название по популярной песне М.И.Блантера на слова М.В.Исаковского «Катюша».

Потом они объяснили, что у них тут был разведчик, который либо по радио, либо с помощью польского подпольного движения передавал в Лондон сведения о том, что творилось на этом полигоне.

Больше всего англичане интересовались остатками приборов, системами управления, радиоаппаратурой. И достаточно много «железа», как мы говорили, оставили нам, не претендуя на отправку всего этого в Англию.

Приборы мы находили в воронках, вытаскивали из болота, они были, конечно, разбиты. Попадались в довольно хорошем состоянии куски ракет, двигатели. Все это было поделено по-братски. Никаких конфликтов тогда не возникало. Я запомнил такую картину — когда двигатель был доставлен к нам в институт, очищен от пыли и грязи, то под большим секретом был помещен в актовом зале, попасть в который было весьма непросто — у дверей стояла охрана. Нам с Н.А.Пилюгиным⁵ было поручено по собранным остаткам восстановить или, как теперь говорят, реконструировать систему управления. Мы по этому поводу сказали, что не сможем, пока нам не покажут двигатель. Нас пригласили его посмотреть, и он произвел на нас большое впечатление.

Он выглядел гораздо внушительнее двигателей, которые делались для наших самолетов — у нас они стояли с тягой 400 километров, мы мечтали о двигателе в полторы тонны, а тут, оказалось, — стоит сразу 25 тонн!

И вот, сидит удрученный Виктор Федорович Болховитинов и показывает: смотрите, этого не может быть! При нас был вызван из Химок Исаев, который, не растерявшись, сразу полез через сопло внутрь камеры и долго там оставался, смотрел, как организовано охлаждение. Уже этот двигатель показал, что по масштабам работ и по величине аппарата, к которому этот двигатель относится, немцы достигли достаточно многого. По диаметру критического сечения определив тягу, мы поняли, что имеем дело с очень серьезным летательным аппаратом, которым до сих пор мы не занимались. Это было первое знакомство с тем, что собой представляло ФАУ-2. Поскольку дальнейшие поиски тоже могли принести достаточно много, когда фронт продвинулся дальше и большая территория Польши была очищена от немцев, была послана еще одна экспедиция, опять во главе с Федоровым. Тут уж мы полностью укомплектовали эту экспедицию специалистами по системам управления, в частности, по радиотехнике, которая нас очень интересовала. Но закончилось это все, к сожалению, трагично. Самолет в районе Киева потерпел аварию, и вся наша экспедиция погибла. Это были, пожалуй, с нашей советской стороны первые жертвы ракетной техники. Других потерь нам немцы своими ракетами не принесли. Погибло много молодых, хорошо подготовленных специалистов в области ракетной техники. Случилось это осенью 1944 года — более точную дату сейчас не назову. Это были очень тяжелые для нас дни.

Надо отдать должное англичанам — после того, как они вывезли все собранное на полигоне, они нам по линии правительства прислали информационный материал. Когда мы его получили и сравнили с той ре-

конструкцией, которую мы произвели, мы увидели, что достаточно хорошо понимаем, что такое ФАУ-2. Я бы сказал, что нас удивил размах работ и масштабы производства этого автоматически управляемого летательного аппарата. В то же время он никого не испугал. Мы понимали, что для нас, для Советской Армии, для Советского Союза в тот период, когда уже шло победоносное наступление наших войск, с нашей точки зрения, конец войны был совершенно ясно предопределен.

Дорнбергер⁶ и фон Браун⁷, будучи достаточно умными людьми, тоже понимали, что конец войны для них предreshен, поэтому судорожно искали какой-то выход, цеплялись за создание «чудо-оружия». Из воспоминаний и рассказов немцев мы узнали, что в последние месяцы своей работы над ракетами (это был конец 1944 – начало 1945 года) они интересовались тем, как идут дела с созданием атомного оружия. Когда они поближе познакомились с этой проблемой, то поняли, что решить ее совершенно нереально в ближайшие годы в Германии и перестали этим заниматься. После появления сообщения о сбросе американской атомной бомбы на Хиросиму 6 августа 1945 года мы, находясь в Германии, сразу стали повторно интересоваться и «копать», что же там сделано в этом направлении. Прежде всего стали разговаривать с немецкими специалистами, выяснять, что же им известно о работах над атомной бомбой в их стране. Мы не нашли ни одного немецкого специалиста, который бы сам принимал непосредственное участие в этом. Все они оказались либо вывезенными американцами, либо взяты нашими соответствующими службами, с которыми в те времена мы никак не контактировали. Но то, что в Пенемюнде⁸ совершенно не занимались никакими атомными проектами – это совершенно точно.

Позже, когда мы исследовали историю Пенемюнде, то нашли очень много интересных, далеко идущих проектов, которые немцы не успели реализовать, вплоть до проекта ракетной бомбардировки Нью-Йорка. Сейчас у нас есть материалы, в которых описана техника, которую немцы собирались использовать для этих целей. Ракеты этого проекта (А-9 и А-10) должны были иметь дальность полета порядка 5000 километров, чтобы с берегов Португалии или Франции добраться до Нью-Йорка. Основной проблемой была проблема попадания по городу Нью-Йорку, несмотря на его размеры. Сейчас при наших современных взглядах на технику это выглядит наивно, но по тем временам они придумали неплохой метод – послали туда разведчиков с целью установки радиомаяка над каким-либо небоскребом Нью-Йорка, который должен был принять на себя крылатую ракету. Разведчик торжественно провалился, потому что его напарник (их было двое) одновременно работал и на американскую разведку, и выдал его. Правда, их послали за много лет до того, как немцы могли создать эту ракету, так сказать, для репетиции.

№ 2

О причинах отставания СССР от Германии в вопросах разработки и создания ракетной техники в довоенные годы

Начиная с 1936–1937 годов, нашу работу сковывала та самая, как ее сегодня называют, командно-административная система, которая все давила. Не говоря уж о страшных потерях, которые мы понесли в результате сталинских репрессий. И хотя оборонная промышленность в этом смысле пострадала несколько меньше других, но пострадала основательно. Начать с того, что такие пионеры ракетно-космической отрасли, как С.П.Королев, В.П.Глушко и целый ряд других, теперь известных фамилий, в 1937–1938 годах были репрессированы, а Лангемак⁹ и Клейменов¹⁰ – просто расстреляны. Речь шла не просто о том, что не помогали, не создавали условий для работы, а просто уничтожали, арестовывали, репрессировали и т. д. То же самое делалось и в смежных отраслях промышленности, без которых создание ракетной техники было невозможно. Кроме того, надо отдать должное дальновидности немцев и в данном случае ошибкам нашего политического и технического руководства тех лет. Мы очень много внимания уделяли тяжелой промышленности. Металл, нефть, тяжелое машиностроение у нас шли впереди точного приборостроения, радиотехники и, как мы сегодня говорим, радиоэлектроники. Именно в этих областях мы к началу войны невероятно отставали от уровня европейских и, в частности, немецких специалистов. Я много работал в авиационной промышленности, поэтому мог сопоставлять самолетную приборную технику – нашу и немецкую. Их индустрия, техника и в какой-то мере наука были далеко впереди. Мы понимали, как сделать, но у нас не было никаких возможностей даже воспроизвести то, что было в наших руках.

В 1940 году Гитлер¹¹ с Герингом¹², будучи, видимо, уверенными, что воспроизвести мы все равно не сумеем, подарили нам все свои последние авиационные разработки в виде готовых самолетов. Я, как специалист по управлению, интересовался в первую очередь их приборным оснащением. Надо сказать, мы завидовали. Мы понимали, что наша промышленность тех лет даже в ближайшие годы не будет способна воспроизвести такую навигационную технику. И все же польза от изучения нами в Пенемюнде немецкой ракетной техники была большая. Руководство того времени, в частности, Д.Ф.Устинов¹³ и целый ряд наших крупных военных и хозяйственных руководителей – маршал Воронов¹⁴, маршал Неделин¹⁵ и др., осознало, что речь идет не просто о снаряде, о летательном аппарате, каким иногда представляют ФАУ-2, а о создании целой системы ракетного оружия, которая, в свою очередь, состоит из многих очень сложных систем: радиотехнических, наземного оборудования, транспортировки, заправки, измерительно-контрольных средств и др. Сюда же входят совершенно не имевшие масштабов у нас в стране средства испытания и отработки. Все это потребовало масштабного изменения самого процесса нашего мышления о том, как создавать подобного рода систему. Тут надо отдать должное С.П.Королеву,

который очень быстро перестроился и понял, что речь идет не о летательном аппарате, не об управляемом снаряде — он не выносил этого сочетания «управляемый снаряд» — а речь идет о создании новой, большой и комплексной системы. И вот приходилось преодолевать сопротивление в сознании многих наших руководителей. В этом великая заслуга Совета Главных конструкторов^а, который, по существу, взял на себя ответственность и стал своего рода технократическим аппаратом, который поставил себе на службу командно-административную систему. Эта бюрократическая система, система подавления, если хотите, теперь не мешала, а помогала работать. Дело было так организовано, что даже аппарат подавления и угнетения помогал этому технократическому органу, которым стал Совет Главных. Вот почему нам удалось сделать рывок. Не только потому, что мы посмотрели, что сделали немцы, а в первую очередь потому, что мы сумели у себя так организовать работу, как не было организовано ни в одной отрасли нашей промышленности, разве только можно провести аналогию с тем, что сделали атомщики.

РГАНТД. Арх. № 617 (фоно).

Примечания

¹ *Болховитинов Виктор Федорович* (1899–1970) — советский конструктор и ученый в области самолетостроения, доктор технических наук (1947), профессор Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е.Жуковского (1949), генерал-майор инженерно-авиационной службы. Под его руководством инженеры-конструкторы А.М.Исаев и А.Я.Березняк спроектировали первый в СССР реактивный истребитель БИ-1 с жидкостно-ракетным двигателем (1941).

² *Черчилль Уинстон Леонард Спенсер* (1874–1965) — английский государственный и политический деятель. В 1940–1945 гг. — премьер-министр Великобритании. В годы 2-й мировой войны правительство Черчилля пошло на союз с СССР в рамках антигитлеровской коалиции (соглашение 1941 г., договор о союзе 1942 г.), однако затягивало открытие Второго фронта в Европе.

³ *Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович* (1878–1953) — советский партийный и государственный деятель, Герой Социалистического Труда (1939), Герой Советского Союза (1945), Маршал Советского Союза (1943), Генералиссимус Советского Союза (1945). С мая 1941 г. председатель СНК (СМ) СССР. В годы Великой Отечественной войны председатель ГКО, нарком обороны, Верховный Главнокомандующий.

⁴ *Тихонравов Михаил Клавдиевич* (1900–1974) — советский ученый и конструктор в области ракетостроения и космонавтики, Герой Социалистического Труда (1961). Руководил созданием первых советских ракет с двигателями на жидком топливе (1933). Участвовал в создании первого ИСЗ, пилотируемых космических кораблей, автоматических межпланетных аппаратов. Лауреат Ленинской премии (1957).

⁵ *Пилюгин Николай Алексеевич* (1908–1982) — советский ученый, академик АН СССР (1966), дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1961). Руководил

^а Совет Главных конструкторов (Совет Главных) был создан по инициативе С.П.Королева в 1946 г. для оперативного решения научно-технических вопросов, возникающих в ходе разработки ракетных комплексов. В него входили: С.П.Королев, В.П.Бармин, В.П.Глушко, В.И.Кузнецов, Н.А.Пилюгин, М.С.Рязанский.

разработкой систем управления ракетносителей для ИСЗ и космических кораблей.

⁶ *Дорнбергер* — один из инициаторов и руководителей создания и применения ракет с жидкостными двигателями для военных целей и строительства германского военного исследовательского ракетного центра в Пенемюнде (1937–1945).

⁷ *Браун (Braun) Вернер фон* (1912–1977) — конструктор ракет. Один из руководителей германского военного исследовательского центра в Пенемюнде (1937–1945), в котором была создана ракета V-2 (ФАУ-2). С 1945 г. — в США, где под его руководством были разработаны ракеты «Редстоун», «Юпитер», ракеты-носители серии «Сатурн» и др.

⁸ Пенемюнде — армейский исследовательский центр и ракетный полигон Германии, расположенный на островах в Балтийском море. Создан в 1936 г.

⁹ *Лангемак Георгий Эрихович* (1898–1938) — советский конструктор ракетных пороховых снарядов, один из создателей реактивной системы залпового огня «катюша». С 1934 по 1937 гг. — заместитель начальника РНИИ. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

¹⁰ *Клейменов Иван Терентьевич* (1899–1938) — один из руководителей разработки пороховых реактивных снарядов и пусковых установок к ним; начальник ГДЛ (1932–1933), первый директор созданного на базе ГДЛ и ГИРД РНИИ (1933–1938). Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

¹¹ *Гитлер (наст. фамилия Шикльгруббер) Адольф* (1889–1945) — главарь (фюрер) фашистской Национал-социалистической партии (с 1921 г.), глава германского фашистского государства (в 1933 г. стал рейхс-канцлером, в 1934 г. объединил этот пост и пост президента). Непосредственный инициатор развязывания Второй мировой войны 1939–1945 гг., вероломного нападения на СССР (июнь 1941 г.). Один из главных организаторов массового истребления военнопленных и мирного населения на оккупированных территориях. С вступлением советских войск в Берлин покончил с собой.

¹² *Геринг Герман* (1893–1946) — глава правительства Пруссии, имперского министерства авиации (с 1933 г.). Инициатор создания гестапо и концлагерей. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни; покончил жизнь самоубийством.

¹³ *Устинов Дмитрий Федорович* (1908–1984) — видный советский партийный, государственный и военный деятель, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, дважды Герой Социалистического Труда. В годы Великой Отечественной войны — нарком вооружения СССР, в 1946–1953 гг. — министр вооружения, в 1953–1957 гг. — министр оборонной промышленности, в 1957–1965 гг. — заместитель, 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР. С апреля 1976 г. министр обороны СССР.

¹⁴ *Воронов Николай Николаевич* (1899–1968) — советский военачальник, Главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1965). Во время Великой Отечественной войны представитель Ставки Верховного Главнокомандования на фронтах при проведении ряда операций. В 1953–1958 гг. начальник Военной артиллерийской командной академии.

¹⁵ *Неделин Митрофан Иванович* (1902–1960) — советский военачальник, Главный маршал артиллерии (1959), Герой Советского Союза (1945). Во время Великой Отечественной войны командовал артиллерией ряда армий и фронтов. В 1952–1953 гг. заместитель военного министра, с 1955 г. — заместитель министра обороны СССР, с 1959 г. — одновременно Главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения. Погиб при исполнении служебных обязанностей.

СОВЕТСКИЙ РЕЗИДЕНТ КЕНТ ГЛАЗАМИ Г.МЮЛЛЕРА И Х.ПАННВИЦА

1944–1956 гг.

Весомый вклад в достижение победы над фашистской Германией внесли советские разведчики. Одним из них был Анатолий Маркович Гуревич, работавший под оперативным псевдонимом Кент. За рубежом о Кенте сняты художественные и документальные кинофильмы. В последние годы несколько кинолент сняты российским и белорусским телевидением. В западноевропейской и американской печати опубликованы десятки материалов, посвященных его разведывательной деятельности. В России о нем писали газеты «Известия», «Комсомольская правда», «Советская Россия» и многие другие. Истории подвига А.М.Гуревича посвящен мой исторический очерк¹. Переписка А.М.Гуревича с разведчицей М.А.Фортус опубликована в журнале «Исторический архив»². Тем не менее напомним читателям основные вехи жизненного пути «Кента».

А.М.Гуревич родился 25 октября (7 ноября) 1913 г. в г.Харькове. В 1924 г. его семья переехала в Ленинград. В 15 лет он оставил школу и начал работать на заводе. В 1933 г. без отрыва от производства окончил рабфак и летом 1935 г. поступил на первый курс Института «Интурист», где изучал французский, немецкий и английский языки. В 1937–1938 гг. под именем Антонио Гонсалеса в звании лейтенанта республиканского флота воевал в Испании против франкистских войск. В качестве адъютанта-переводчика командира подводной лодки капитан-лейтенанта И.А.Бурмистрова в феврале 1938 г. осуществил с экипажем подводной лодки «С-4» легендарный переход из Бордо (Франция) в Картахену (Испания), за который И.А.Бурмистров первым среди советских моряков был удостоен звания Героя Советского Союза. По возвращении в Москву дал согласие на работу в Главном разведуправлении (ГРУ) РККА и в течение нескольких месяцев проходил специальную подготовку шифровальщика-радиста в подмосковной разведшколе. Под видом мексиканского туриста выехал из СССР в Финляндию, а далее через Швецию, Норвегию, Нидерланды – во Францию, в Париж, где легализовался как уругваец Винсенте Сьерра.

В 1940–1942 гг. А.М.Гуревич (Кент) был резидентом советской военной разведки в Бельгии, позже – во Франции. В марте 1940 г. он доложил в Центр о предстоящем нападении Германии на СССР. По заданию ГРУ осенью 1941 г. выехал в Берлин для конспиративной встречи с руководителем антифашистской организации Харро Шульце-Бойзенем; по ее итогам сообщил в Москву о готовящемся ударе противника на Кавказе и под Сталинградом, за что был удостоен благодарности Верховного главнокомандующего.

¹ См.: Полторак С.Н. Советский разведчик Кент, или Большая ложь о «маленьком шефе». СПб., 1997.

² См.: «Я вместе с Вами негодовала над сценарием»: Переписка бывших разведчиков А.М.Гуревича и М.А.Фортус о кинофильме «Салют, Мария!». 1969–1971 гг. // Исторический архив. 1999. № 4. С. 77–88.

В конце 1942 г. Кент был арестован гестапо, но своих товарищей не выдал. В результате сложного и изнурительного интеллектуального и психологического противоборства с сотрудниками германской контрразведки сумел перевербовать нескольких из них, включая криминального советника Хейнца Паннвица. В июне 1945 г. Кент не только доставил германских контрразведчиков в Москву, но и привез с собой важнейшие документы гестапо. Однако по сфабрикованному обвинению был приговорен в СССР к уголовной ответственности за измену Родине и отбыл в местах лишения свободы 12 с половиной лет. В августе 1991 г. полностью реабилитирован. В настоящее время 89-летний майор российской армии в отставке А.М. Гуревич проживает в Санкт-Петербурге.

Несколько лет назад московский историк Ю.Н.Заря, проводивший исследование в архивах ФСБ, передал А.М.Гуревичу ксерокопию документа, никогда прежде не публиковавшегося. Это письмо гауптштурмфюреру СС советнику криминальной полиции Х.Паннвицу от группенфюрера СС генерал-лейтенанта полиции Генриха Мюллера, датированное 1 февраля 1944 г.

Летом 2002 г. немецкие журналисты по поручению сына Х.Паннвица — Мишеля Паннвица, живущего сейчас в Берлине, передали А.М.Гуревичу для его личного архива ксерокопию также никогда ранее не публиковавшегося документа. Это — показания Х.Паннвица американским спецслужбам после возвращения из мест заключения в СССР, датированные 20 января 1956 г. Документ долгие десятилетия хранился в личном архиве сына Хейнца Паннвица и передача его копии А.М.Гуревичу — дань искреннего уважения мужеству бывшего советского разведчика.

С согласия А.М.Гуревича письмо Г.Мюллера и показания Х.Паннвица публикуются в настоящем номере «Исторического архива». Эти документы расширяют имеющиеся представления о событиях военного и послевоенного периодов, о роли и месте Кента в борьбе с фашизмом. В то же время некоторые положения документов требуют пояснений. Так, на первый взгляд, удивляет забота, которую проявлял группенфюрер СС Г.Мюллер по отношению к Кенту. Представляется, что это письмо — косвенное свидетельство высокого профессионализма советского разведчика, сумевшего убедить Г.Мюллера и его коллег в своей якобы лояльности и готовности к сотрудничеству с органами германской разведки.

Документы переведены И.Ю.Родионовой. Слова, подчеркнутые в показаниях Х.Паннвица, выделены курсивом. Сведения о ряде лиц, упоминаемых в документах, выявить не удалось.

Публикацию подготовил доктор исторических наук С.Н.ПОЛТОРАК.

№ 1

Письмо Г.Мюллера¹ — Х.Паннвицу²

Берлин

1 февраля 1944 г.

Начальнику службы безопасности и СД гауптштурмфюреру
СС советнику криминальной полиции Паннвицу Париж

Относительно дела Кента, затронутого в нашей личной беседе в Берлине 28 января 1944 г., сообщая Вам следующее:

Считаю своим долгом обеспечивать Кента и проявлять необходимую заботу о нем, исходя из успехов, достигнутых в выполнении поставленных перед ним задач.

Без сомнения, первоочередным делом представляется его размещение на территории Германии; я также предполагаю переселение его жены и ребенка. Кенту следует гарантировать достойное обеспечение в соответствии с большими возможностями, которые будут предоставлены [ему нашим] государством после окончания войны.

Под этим, я, естественно, подразумеваю денежные выплаты, назначаемые с учетом значимости выполненной «Кентом» работы. Он ни в коем случае не должен беспокоиться, что служба безопасности проявит мелочность в этом отношении.

Хайль Гитлер!

Генрих Мюллер
Группенфюрер СС.
Генерал-лейтенант полиции

Личный архив А.М.Гуревича.

№ 2

Показания Х.Паннвица американским спецслужбам

20 января 1956 г.

Тема: Хайнц Паннвиц, бывший Kriminalrat, в настоящее время проживает по адресу Ludwigsburg- Eglosheim, Kreuyeskerstr.,23, женат, четверо детей.

1. 12 января 1956 г. Паннвиц прибыл с транспортом в Херлесаузен из СССР. Его отпустили в его резиденцию в Людвигсбурге 14 января 1956 г. Первый допрос состоялся в присутствии референта Штуттгарта в понедельник, 16 января 1956 г.

2. В феврале 1939 г. Паннвиц, будучи сотрудником криминальной полиции, сдал экзамен на звание криминального комиссара в Институте полиции в Шарлоттенбурге.

После оккупации Чехословакии он был назначен в Прагу. После того, как был застрелен Гейдрих³, Паннвиц возглавил специальный комитет криминальной полиции. Поскольку ему успешно удавалось вылавливать убийц, его досрочно повысили в звании, присвоив ему звание Kriminalrat. Одновременно с этим криминальная полиция прикрепила Паннвица к Секретной государственной полиции. С этого времени его деятельность была направлена на борьбу с чешским Сопротивлением. Поскольку при выполнении этой работы он преследовал не только полицейские, но и политические цели, он находился в оппозиции со своим начальником. В результате Паннвиц подал рапорт в Германские вооруженные силы и был переведен в Бранденбургский полк.

Однако через четыре месяца, по запросу RSHA^а, его снова отозвали из Германских вооруженных сил. В особом комитете его проинструктировали, что он должен принять на себя обязанности главы секретной

^а RSHA (Reichssicherheitshauptamt) – Главное управление имперской безопасности.

службы в Брюсселе по борьбе с советской разведкой, которой был арестован во Франции («Кент», «Фриц»), и руководить одной из линий радиосвязи с Москвой по принципу «радиоигры». Позднее Паннвиц также руководил Отто Треппером⁴, главой советской секретной службы во Франции, а после того, как Треппер бежал (15 сентября 1943 г.), также руководил операциями по его поиску.

3. В результате радиоигры через Кента германский абвер^а получил информацию о том, что бывший латышский генерал Sollja⁵ по поручению советской секретной службы принимал участие в движении Сопротивления французских коммунистов. Паннвиц использовал эти знания и построил сеть радиосвязи, которая должна была извне снабжать центральную штаб-квартиру французского коммунистического Сопротивления информацией о перемещении немецких войск и т.п. Таким образом, стало возможным использовать нескольких французских радистов, которые на тот момент поставляли информацию в центральную штаб-квартиру.

После того, как в результате вступления западных объединенных вооруженных сил часть радистов была захвачена ими, Паннвиц, который фактически был «центральной штаб-квартирой», передал информацию радистам о том, что западные объединенные вооруженные силы собираются строить антикоммунистический режим в либеральной Франции и что «центральная штаб-квартира» установила непосредственную связь с Москвой. Теперь Москва была заинтересована во всех новостях, касающихся западных объединенных вооруженных сил.

Коммунистические радисты исполнили эти приказы и передавали информацию о западных объединенных вооруженных силах. Радиоцентром руководил *Ordnungspolizei*. Радист Хеллдорф, который обслуживал две линии, выдал секретные данные своей любовнице-французенке и просил ее предупредить движение французского Сопротивления. Однако женщина проинформировала об этом германскую службу безопасности. После этого начальник радиста — Хауптманн Гебель — допросил Хеллдорфа, обвинив его в измене. Во время разговора Хеллдорф выхватил пистолет и выстрелил Гебелю прямо в сердце. Умиравший Хауптманн Гебель выхватил пистолет из стола и сделал пять выстрелов в Хеллдорфа, которые оказались для него смертельными. Из-за измены Хеллдорфа большинство радиоперехватов, которые планировались для использования в качестве сети I, пришлось разрушить.

После эвакуации Парижа генерал Sollja продолжал поддерживать свою сеть агентов в этом городе. Паннвиц заявил, что в июне 1945 г. он видел генерала Sollja в здании советского посольства в Париже.

4. Во время постоянно расширяющейся оккупации Франции западными силами, Паннвиц руководил радиоигрой с Кентом так, как будто Кент фактически находился с немецкими войсками, направляющимися на Восток и посылал радиосообщения о перемещениях немецких войск; когда войска вышли за границы Германии, сообщал в своих

^а Абвер (Abwehr) — военная разведка и контрразведка фашистской Германии.

когда войска вышли за границы Германии, сообщал в своих радиосообщениях о моральном состоянии и настроениях в немецкой армии.

5. В ноябре 1944 г. Паннвиц вместе с Кентом, его секретаршей и Хеллой Кемпа и радистом *Ordnungspolizei* Германом Стлука добрались до местечка Hornberg (Черный Лес), предыдущей станции управления сетью West of Office VI, которая была размещена здесь. В это время станцией управления сетью West руководил Биклер, штандартенфюрер СС.

Примечание:

А. Хелла Кемпа вернулась из Советского Союза в Германию в октябре 1955 г. и, по утверждению Паннвица, в настоящее время госпитализирована в клинику в Геттингене.

Б. 6 декабря 1955 г. Герман Стлука (Hermann Stlouka) был выдворен из Советского Союза в Вену через советскую зону. На настоящий момент его адрес: Vienna III, Marokkaner Gasse 4a.

В. Биклер и его семья живут в Италии. Один из его сыновей занимается импортом зерна в Гамбург. Адрес семьи Биклеров можно узнать в Министерстве иностранных дел.

6. В Блуденце (Bludenz) с помощью местного техника СД были организованы аварийные помещения. Отсюда Паннвиц продолжил радиопроигру с Москвой.

Паннвиц хранил письмо, подписанное Гиммлером⁶ и Йоделем⁷, которое давало ему самые высокие полномочия. Таким образом, Паннвицу разрешалось оставаться во фронтовой зоне, не подвергаясь проверкам со стороны немецких вооруженных сил или полицейских патрулей.

Службам немецких вооруженных сил и гражданским службам были даны указания оказывать Паннвицу и сопровождающим его лицам всевозможную помощь.

Примерно в декабре 1944 г. Паннвиц послал в Москву радиосообщение, утверждающее, что Кент установил связи с противниками лидеров СС на немецкой территории. На следующий день из Москвы было получено сообщение, информирующее о том, что этот факт чрезвычайно интересен и что Кент должен немедленно передать фамилии. Однако Паннвиц не получил из Берлина разрешения от Мюллера, бывшего группенфюрера, и Гиммлера. Ему не разрешили передать фамилии якобы противников СС. Во время обсуждений, которые имели место между Паннвицем и Гиммлером в Эльзасе, он пытался изменить мнение Гиммлера. Гиммлер якобы соглашался, но отказывался назвать имена, мотивируя это тем, что ему никогда не получить на это разрешение Гитлера⁸. Для того чтобы решить проблему с запросом Москвы, который был передан Кенту, Паннвиц послал радиосообщение, в котором были указаны подложные имена – Паннвиц (Паулсен), Хелла Кемпа и радист Стлука (Stlouka).

7. 3-го мая Паннвиц, Кент и Хелла Кемпа пришли в коттедж около швейцарской границы. Резервная радиоустановка была привезена в коттедж с первым транспортом. Через несколько дней французский отряд, возглавляемый техником СД, появился, чтобы захватить группу Паннвица.

8. Кент объяснил французам, что он русский майор и выполняет специальную миссию советской секретной службы и что Паннвиц, Хелла Кемпа и радист Стлука являются членами немецкого движения Сопротивления и в течение некоторого времени работали в качестве его агентов. Для подтверждения своих слов он представил французам текст радиосообщения, которое было получено из Москвы. После этого Паннвицу и его группе разрешили на некоторое время остаться в лыжном домике. Через два дня Паннвицу и Кенту было предложено приехать к французскому генералу в Блуденц, Паннвицу были предложены билеты в Блуденц, причем было дано единственное указание не покидать город, пока не будут получены дальнейшие указания французского верховного командующего в Линдау.

Через некоторое время Паннвиц и его группа предстали перед французским верховным командующим в Линдау, а затем отправлены в Париж, через Страсбург, специальным транспортом. Паннвиц утверждал, что французы оставили ему все документы, оружие и даже деньги.

9. В советском посольстве в Париже группа Паннвица предстала перед советским генералом, который возглавлял комитет по репатриации. Кент назвал свое настоящее имя, остальные члены группы назвали вымышленные имена, которые были указаны в радиосообщении, переданном в Москву. Советское посольство разместило группу Паннвица и Кента около бульвара Ланн (Lannes) (в бывшем Латвийском представительстве). Члены группы могли свободно передвигаться. Хелла Кемпа и радист Стлука якобы ходили в Париже за покупками без охраны.

Но стремясь не быть узанными и во избежание раскрытия вымышленной истории, Кент и Паннвиц предпочитали не покидать виллу.

10. Через непродолжительный период времени вся группа Паннвица была погружена в Париже в специальный самолет и направлена в Москву. Группа прибыла в Москву 7 июня 1945 г. Вся группа была отправлена на Лубянку.

11. Сразу по прибытии Паннвица допросил бывший глава СМЕРША генерал-полковник Абакумов⁹. Паннвиц называл свое настоящее имя и подтвердил имена Хеллы Кемпа и радиста Стлука.

Паннвиц утверждал, что после ареста Кента заботился о нем и в разговорах с ним осознал общую ситуацию и понял, что Германию можно спасти только путем установления связей с Советским Союзом. Здесь Паннвиц подчеркнул правдивость отчетов, которые он посылал в Москву в виде радиосообщений, содержащих информацию о перемещениях немецких войск и морального состояния в Германии.

Далее Паннвиц сообщил советским специалистам фамилии лидеров СС — противников нацистского режима, в том числе он указал следующие фамилии:

- штандартенфюрер СС Стеймле ((Steimle) из отдела VI;
- штандартенфюрер СС Биклер (Bickler);
- штандартенфюрер СС Эллерсiek (Ellersiek).

Далее, в качестве доказательства, Паннвиц ссылаясь на документы, полученные от Кента.

12. Согласно утверждениям Паннвица, это были следующие материалы:

А. Досье «Кент»

В этом досье содержались все рабочие материалы, которые собрал Паннвиц в то время, когда он руководил работой Кента. Паннвиц тщательно стер все заметки, подтверждающие факты сотрудничества Кента при раскрытии других агентов советской секретной службы^а. Паннвиц хотел доказать русским, что Кент не совершил предательства.

И наоборот, Паннвиц оставил в досье все заметки, которые подтверждали тот факт, что Треппер выдал нескольких своих агентов немцамку авверу.

Б. Операция «Феникс»

Паннвиц утверждал, что в апреле 1945 г. документы об операции «Феникс» были переданы ему бывшим штандартенфюрером Стеймле (Steimle) из отдела VI по специальному указанию бывшего главы отдела СС Шелленберга¹⁰ для использования в том случае, когда будет установлен регулярный контакт с советскими органами.

Секретная служба германской полиции безопасности во Франции поддерживала связи с Центральным Комитетом Коммунистической партии Франции, а также с оберестом Фабри (Fabri) (другом Петена¹¹), представителем руководства французского национального движения Сопротивления.

Секретная служба тщательно изучила все связи. Члены движения Сопротивления, возглавляемые Фабри, были приглашены в апреле 1944 г. на совещание в американское посольство в Мадриде. Трое или четверо представителей движения уехали из Франции в Мадрид. Во время совещания, которым руководил посол США в Испании г-н Моррисон (Morrison) (?), специальный комиссар президента Рузвельта¹², представителям французского Сопротивления был задан вопрос относительно того, будет ли *средний класс* движения французского Сопротивления настолько сильным, чтобы установить во Франции после освобождения правительство *среднего класса*. Представитель Америки утверждал, что они получили информацию о том, что среди французского Сопротивления имеются очень сильные коммунистические элементы и что они опасаются, что после освобождения страны, в результате вступления Объединенных сил, под влиянием Англии, во Франции будет установлено коммунистическое правительство. Опираясь на свой опыт на Сицилии, Америка хотела при любых обстоятельствах избежать повторения такой ситуации. Скорее, они предпочли бы отказаться от вступления на территорию Франции.

^а Это утверждение не соответствует действительности, т.к. ни один известный Кенту разведчик после его ареста противником задержан не был (С.П.).

Французские представители утверждали, что они не располагают достаточными данными, чтобы ответить на вопросы американских представителей и предложили провести еще одно совещание. Исходя из того факта, что по крайней мере два члена французской делегации были членами немецкой секретной службы, документы были составлены таким образом, чтобы доказать, что в движении французского Сопротивления в значительной степени преобладали коммунистические элементы. Из Мадрида документы были переданы Рузвельту. Рузвельт по радиопочте запросил, является ли Фабри французским офицером, с которым он ранее беседовал по случаю мирных переговоров в Версале (1918). Если это так, он приглашал обереста Фабри посетить его в США. Фабри испугался и отказался ехать.

Примечание. Согласно утверждению Паннвица, операция «Феникс» (совещание в Мадриде) фактически имела место. В апреле 1944 г. американским представителям преднамеренно был вручен материал, преувеличивающий мощь Коммунистической партии Франции в расчете на то, что это предотвратит действия западного альянса.

В апреле 1945 г. Паннвиц получил от Шелленберга, главы VI отдела, оригинальное досье по операции «Феникс», которая была инициирована Гиммлером и Гитлером с тем, чтобы внести непонимание между восточными и западными объединенными силами, что окажется полезным для будущей Германии.

Паннвиц утверждал, что штандартенфюрер СС Стеймле (Steimle) из отдела VI хранил оригинальную версию досье по операции «Феникс». Паннвиц также утверждал, что генерал-полковник Абакумов был очень заинтересован в информации, предоставляемой Паннвицем, и более того, он утверждал, что, по его мнению, этот материал должен носить провокационный характер, поскольку, по его мнению, дружественные отношения между Россией и Англией таковы, что по крайней мере на ближайшие 50 лет войны можно не ожидать. Тем не менее, Паннвиц считал, что он спокойно может заявить, что операция «Феникс» была связана с Молотовым¹³.

Примечание. Согласно утверждениям Паннвица, генерал-полковник Абакумов был назначен министром МГБ позднее. В 1953 г. он был расстрелян вместе с Берией¹⁴.

В. Как только Паннвиц услышал о захвате американских летчиков, которые были сбиты, он встретился с ними и вел с ними длинные идеологические переговоры, в результате которых он спросил их мнение об альянсе между западными вооруженными силами и Советским Союзом. В большинстве случаев мнение американских летчиков свелось к критике тесных связей между американским правительством и Москвой. Паннвиц написал отчеты об этих разговорах, иногда используя критические высказывания радиосообщения в Москву и постоянно пытаясь посеять непонимание между Востоком и Западом.

Время от времени Паннвиц и Кент, который бегло говорил по-английски, принимали участие в допросах американских пилотов. Кент своими сообщениями в Москву подтверждал правильность утверждений Паннвица, тем самым отводя подозрения в том, что Паннвиц был послан немецкой секретной службой в Москву как провокатор.

**Chef der Sicherheitspolizei
und des SD**

15

Berlin SW 11, den 1. Februar 1944
Dönhofs-Strasse 8
Fernsprecher: 12 00 40

A 2 - B.Nr. 180/43 gKs.

Über Räumlichkeiten vorliegender Geschäftszweige u. Daten anzugeben

An den

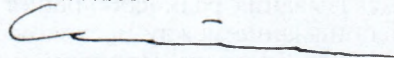
Befehlshaber der Sicherheitspolizei
und des SD

z.Hd.v.#-Hauptsturmführer Kriminalrat Pannwitz
Paris.

Bezugnehmend auf die persönliche Unterredung mit mir in Berlin am 28. Januar 1944 in Sachen "K e n t" teile ich Ihnen folgendes mit:

Selbstverständlich erachte ich es als meine Pflicht "K e n t" nach zufriedenstellender Durchführung der ihm gestellten Aufgaben ausreichend zu versorgen und zu betreuen. Als erste Maßnahme sehe ich natürlich seine Hereinnahme ins Reichsgebiet an, wobei ich auch an die Übersiedlung seiner Frau und des Kindes denke. Bei den vielen Möglichkeiten, die sich nach Kriegsende im Reich bieten werden, dürfte es ein Leichtes sein, "K e n t" zweckentsprechend unterzubringen und seine Versorgung sicherzustellen. Darüber hinaus habe ich natürlich eine Anerkennungsprämie, die sich nach dem Umfang der von "K e n t" geleisteten Arbeit richten wird, in Aussicht genommen. Er soll sich keineswegs Sorgen machen, dass die Sicherheitspolizei in dieser Hinsicht ihm gegenüber kleinlich verfahren wird.

Heil Hitler!

#-Gruppenführer
und Generalleutnant der Polizei.

Письмо Г.Мюллера Х.Паннвицу. 1 февраля 1944 г.

By J.C. NARA Date 10/14/11

200156

SECRET

20 January 1956
DECLASSIFIED
 Authority NWD 88101
 By M-Y NARA Date 6/1/89

Note for the Record

Subject: Heinz PANNWITZ, former Kriminalrat, presently residing in Ludwigsburg-Eglosheim, Kreuzeckerstr. 23, married, 4 children.

1. On 12 January 1956, PANNWITZ arrived in Herleshausen with a transport from the USSR. PANNWITZ was released to his residence in Ludwigsburg on 14 January 1956. For the first time he was interrogated in the presence of the Referent II/C-Stuttgart, on Monday, 16 January 1956.
2. In February 1939, PANNWITZ as a member of the general criminal police, passed his examination as a Kriminal-Kommissar at the Police Institute in Charlottenburg.

Following the occupation of the CSR, he was assigned to Prague. After HEYDRICH had been shot, PANNWITZ headed the special committee of the criminal police. Since he was successful in seizing the murderers, he was prematurely promoted Kriminalrat. At the same time, the criminal police assigned PANNWITZ to the Secret State Police. Thereafter, he was engaged in fighting the Czech resistance movement. Since he did not only carry out this work with a police but also with a political instinct, he was in opposition to his commander. Thereupon PANNWITZ reported to the German Armed Forces and was inducted with the Brandenburg Regiment.

However, four months later, upon the request of the RSHA, he was again withdrawn from the German Armed Forces and within the framework of a special committee, was instructed to take care of the Chief of the Soviet intelligence service in Brussels who meantime was arrested in France ("KENT, Fritz"), and to direct one of KENT's former radio lines with Moscow by "radio double operations". At a later date, PANNWITZ also handled Otto TREPPER, Chief of the Soviet intelligence service in France, and after the latter's escape (15 September 1943), also directed the tracing measures.

3. Through the radio double operations with KENT, the German Abwehr gained information on the fact that the former Latvian General SOLLJA (2) was engaged in activities of the French Communist resistance movement on behalf of the Soviet intelligence service. PANNWITZ made use of this knowledge and built up a radio network which outwardly was to furnish a central headquarters of the Communist resistance movement information on German troop movements etc. Thus it was possible to employ a few Communist radio operators who currently supplied the central headquarters with information.

After some of the radio operators had been captured by the Western Allied Armed Forces subsequent to the invasion, PANNWITZ who was the "central headquarters", passed an information to the radio agents that the Western Allies were going to build up an anti-Communist regime in liberated France and that the "central headquarters" now

SECRET

Паннвиц хранил все отчеты о допросах американских летчиков как своего рода доказательства и взял их с собой в Москву.

Г.Паннвиц утверждал, что в апреле 1945 г. снабжал его [Кента] информацией для передачи советским органам, заявляя, что во время поражения южно-восточного фронта отдел VI инструктировал все полевые службы (и в первую очередь службы Румынии) отступать по мере продвижения советских войск и по возможности устанавливать связи с английскими секретными службами. Весь материал должен быть передан в агентства Великобритании.

13. Паннвиц утверждал, что его идеи посеять зерна раздора между западными союзниками и Россией ради единственно возможного шанса спасти Германию, были в большей части основаны на разговорах, которые он имел с фрау Мелиттой Вейдеманн (Mellita Weidemann) (теперь Munich). Фрау Вейдеманн была из Тифлиса и бежала оттуда в Германию, где она почти сразу примкнула к движению нацистов. В 1931 г. она приняла участие в бунте Стеннеса (Stennes), будучи его последовательницей, и была исключена из партии. Позднее благодаря тесным связям с Геббельсом¹⁵ она стала членом Антикоминтерна и близким соратником Эрта (Ehrt). Фрау Вейдеманн организовала «политический салон», который часто посещали высшие чины СС. Она также была одной из тех, кто смягчил настроения Гитлера в связи с использованием армии Власова¹⁶ на Восточном фронте.

Паннвиц утверждал, что примерно в 1944 г. он представил Кента фрау Вейдеманн в Берлине.

Примечание. ИаМ имеет информацию о фрау Мелитте Вейдеманн (Mellita Weidemann).

14. С 7 июня 1945 г. по декабрь 1948 г. Паннвиц содержался на Лубянке и в Лефортовской тюрьме в Москве.

В 1947 г. сидел в одной камере вместе с Денмелем (Abwehr-Oberst Dehmel), который через некоторое время был переведен в Мюнхен (Munich-Aibling).

Паннвиц утверждал, что октябрь 1945 г. был для него самым тяжелым периодом. Именно тогда советские органы хотели узнать от него имена агентов, которые работали на немецкую секретную службу в московских штаб-квартирах. По мнению советских органов, хорошие результаты, которые были достигнуты немецким абвером в борьбе с советской секретной службой по всей Европе, были обусловлены не только эффективной работой немецких секретных служб. Учитывая потери советской секретной службы, следовало предположить, что в московских штаб-квартирах должен был быть предатель. Поскольку Паннвиц ничего не смог сказать по этому поводу, с ним якобы плохо обращались. По утверждениям Паннвица, та же судьба постигла бывшего д-ра Шмитта (Legationarat Dr. Schmitt). Д-р Шмитт вернулся в Штуттгарт в октябре 1955 г. Он был сотрудником дипломатического представительства, во главе которого стоял SCHNURRE, и сотрудником немецкого посольства в Москве. Шмитта постоянно допрашивали советские орга-

ны, подвергая его серьезным пыткам, они стремились получить от него ответ на вопрос, кто были немецкие резиденты в Москве.

15. В 1949 г. после того, как «тройкой» он был приговорен к 25 годам заключения, Паннвица перевели в лагерь «Инту-1» к югу от Воркуты.

Находясь в Воркуте, он работал на шахте. Здесь он видел бунты в лагерях Воркутинского района.

Паннвиц утверждал, что бывший советский полковник-лейтенант (?), который был вместе с ним в лагере «Инта-1», организовывал эти бунты. После того, как представители других национальностей дали согласие, он вступил в контакт с Паннвицем, убеждая, что 35 немцев, которые содержались в лагере «Инта -1», также приняли участие в бунте. Паннвиц утверждал, что по его мнению эта операция должна провалиться и убедил полковника, что он не должен вступать в непосредственный контакт ни с одним немцем, содержащимся в лагере, с просьбой участвовать в организации беспорядков, но он должен рассматривать Паннвица как связного с немецкими осужденными. Паннвиц утверждал, что благодаря такому прозорливому решению он достиг того, что немцы, находящиеся в лагере, не приняли участия в беспорядках, которые были подавлены на следующий день. Паннвиц утверждал, что может назвать в качестве свидетелей двух осужденных (бывших офицеров), которые вернулись в Германию.

16. В июле 1950 г. Паннвица неожиданно перевели из лагеря «Инта-1» в Бутырскую тюрьму в Москве. Он боялся, что его привезли в Москву, потому что он знал о бунте в воркутинском лагере. Однако в Москве обсуждалась совсем другая тема. Причина того, что его привезли в Москву, заключалась в том, что советские органы хотели получить информацию о связях Бемелбурга (бывшего Kriminalrat Voemelburg) из парижского VdS с Центральным Комитетом Коммунистической партии Франции. Паннвиц заявил, что в это время МорисТорма (Mauric Thogта) находился в Москве и что он содержался в Бутырской тюрьме в одной из камер «для высокопоставленных лиц».

Паннвиц утверждал, что он объяснял советским органам свою уверенность в том, что Бемелбург поддерживал секретные связи с Центральным Комитетом Коммунистической партии Франции, и что по понятным причинам он никогда не интересовался источниками Бемелбурга.

17. С июля 1950 г. по 1951 г. Паннвиц содержался в Бутырской тюрьме в Москве и в январе 1952 г. его снова отправили в лагерь Инта - 3. Здесь он оставался до 22 ноября 1954 г.

18. С 22 ноября 1954 г. по 18 февраля 1955 г. он содержался в лагере Инта.

19. С 18 февраля 1955 г. по 6 января 1956 г. — в лагере 8/2 (Luchow Beswodnaje).

20. 6 ноября 1956 г. начало отправления в Германию. 12 января 1956 г. прибытие в Херлесхаузен (Herleshausen).

21. *Отто Треннер* (настоящее имя).

Полковник НКВД^а. Жена и двое детей живут в Москве. По утверждениям Треппера, он был разведен. Треппер функционировал как «резидент» советской секретной службы во Франции, был схвачен немецкой полицией безопасности, но в Париже 15 сентября 1943 г. ему удалось убежать от своего охранника, Берга (бывшего Obersekretær Berg).

Паннвиц утверждал, что советские специалисты заявили при обсуждении бегства Берга следующее: «Мы знаем детали побега. Берг — наш агент. Берг помог Трепперу бежать».

Паннвиц контролировал поиски Треппера, которые, однако, до эвакуации из Франции не дали никаких результатов. Предполагается, что Треппер оставался во Франции после своего побега 15 сентября 1943 г.

Паннвиц утверждал, что Треппер скрывался у своей возлюбленной, фрау Винтер (Winter) (муж фрау Винтер был якобы американским гражданином). У Винтер был ребенок от Треппера. После того, как арестовали фрау Винтер, у нее нашли письма и заметки, которые она прятала в интимной части тела. Среди писем было письмо Антонии Лион-Смит (Antonia Lion-Smith), английской подданной, в котором упоминалась фрау Спаак (Spraak). На основании этого письма Антония Лион-Смит (Antonia Lion-Smith) и фрау Спаак (Spraak) были арестованы. Антония Лион-Смит (Antonia Lion-Smith) была дочерью английского бригадного генерала и, по мнению Паннвица, не зная истинных фактов, она была втянута в дело Треппера фрау Спаак. Фрау Спаак утверждала, что она занималась исключительно поддержкой и вывозом евреев.

Фрау Спаак была невесткой премьер-министра Спаака¹⁷, который бежал в Англию. Нет сомнения, что она сотрудничала с советскими секретными службами. Фрау Спаак снабдила Треппера французскими франками в сумме 150 000. 00. Она также была знакома с радистом Треппера и его женой, и помогла бежать этому радисту.

Паннвиц утверждал, что он знал из допросов в Москве, что псевдонимом фрау Спаак в Москве было слово «Intelligent».

Примерно в марте 1945 г. Треппер прибыл в Москву через Африку.

Когда Кент с группой Паннвица прибыл в Москву (7 июня 1945 г.), Треппер находился в московской тюрьме. По своему собственному убеждению, Треппер назвал Кента предателем и инкриминировал ему серьезные проступки. Кент, с помощью Паннвица, старался сопротивляться предъявляемым обвинениям и, в свою очередь, обвинял Треппера.

Паннвиц утверждал, что еще в 1953 г. Треппер наверняка находился в московской тюрьме и в качестве свидетеля назвал Ганса-Поля Павелски (Hans-Paul Pawelski).

Отец: Винцент Павелски (Vinzent Pawelski), проживающий по адресу Emsdorf 105, Ktreis Marburg/Lahn.

Паннвиц утверждал, что 6 декабря 1955 г. был депортирован из Советского Союза с транспортом заключенных лагеря 8/2 и просил оставить его в советской зоне.

^а Л.Треппер не был офицером Красной армии или НКВД и, следовательно, не имел звания полковника (С.П.).

В течение нескольких месяцев Павелски сидел в московской тюрьме в одной камере вместе с Треппером, и позднее рассказывал об этом Паннвицу в лагере 8/2.

Паннвиц считает, что Павелски – законченный мошенник, который также предавал немецких товарищей в Советском Союзе. Согласно его утверждениям, Павелски был посажен в тюрьму советскими органами, поскольку он работал на французскую и американскую секретные службы.

В качестве свидетеля, который может подтвердить такую репутацию Павелски, Паннвиц назвал обереста Денмеля (Dehmel).

22. Кент.

Согласно информации Паннвица, которая стала известна в Москве, настоящее имя Кента – Гуревич (Gurewitsch).

Кент – еврей по национальности, родом из Ленинграда, был майором НКВД^а.

Будучи завербованным советскими секретными службами, Кент сначала работал в гостинице в Ленинграде и одновременно посещал языковую школу^б. После этого он прошел обучение в шпионской школе в Москве. Для выполнения своего первого задания Кент получил паспорт одного из государств Южной Америки (Уругвай, Парагвай). Его направили в Брюссель, где он принял руководство советской разведслужбой под прикрытием фирмы Simexco (переведенной в столицу).

С 7 июня и примерно до начала 1948 г. Кент сидел в московских тюрьмах, затем был переведен в лагерь в Воркуту, где он находился до 1955 г.

Паннвиц назвал своего радиста, о котором уже говорилось выше. Это Германн Стлука (Hermann Stlouka), который сейчас проживает по адресу Vienna 3, Marokkaner Gasse 4a, в качестве свидетеля, который может подтвердить, что Кент находился в Воркуте до конца 1955 г.

Примечание. Позднее Паннвиц напишет специальный отчет, касающийся Кента.

23. Подключаясь к линиям передач, немецкие радиослужбы получали многочисленные сообщения, которые агент «Red-3» передавал из Швейцарии в Москву¹⁸. Многие из этих сообщений можно было расшифровать. Однако Паннвиц утверждал, что примерно 450 сообщений не было расшифровано, поскольку не удалось найти шифровальную книгу.

Паннвиц утверждал, что Кент получил шифровальную книгу для передачи в «Red-3» во время своего пребывания на Лейпцигской ярмарке (весенняя ярмарка 1942 г.). Согласно инструкциям, полученным из Москвы, на обратном пути из Лейпцига Кент вступил в контакт с Нанго Schulze-Boysen¹⁹ в Берлине, чтобы помочь ему установить радиосвязь с Москвой. Согласно утверждениям Паннвица, во время ареста Кент при-

^а До ареста в июне 1945 г. А.М.Гуревич имел воинское звание капитана Красной армии (С.П.).

^б Имеется в виду институт «Интурист» (С.П.).

знал, что он провез шифровальную книгу из Лейпцига в Швейцарию, через Брюссель, хотя всегда утверждал, что не видел этой книги.

Паннвиц утверждал, что по результатам допросов в Москве, он теперь совершенно уверен, что в то время Кент знал название книги. Паннвиц утверждал, что книга называлась «Das war im September». Эта книга о гражданской войне в Испании. Она была написана на немецком языке, однако не на правильном немецком. Скорее всего, она была напечатана издательством «Иностранный язык» (?) в Киеве.

24. *Rado*.

На основании допросов в Москве Паннвиц якобы сделал вывод, что Rado, глава группы «Red-3», был членом Британского Королевского географического общества. Согласно утверждениям русских, Rado был несколько раз в Лондоне во время войны.

25. *Kalinski, Michael, Abraham* (?) или Михайлович.

В 1951 г. Паннвиц сидел в московской тюрьме в одной камере с Калинским (*Kalinski*). Основываясь на своих сведениях о Калинском, Паннвиц считал, что Калинский работал в качестве агента-provokatora советской секретной службы.

Калинский — польский еврей. В 1939 г. он бежал из Польши в Советский Союз и ему было присвоено звание офицера армии Андерса²⁰, которая образовывалась в то время.

Когда армия Андерса вышла за пределы Советского Союза, чтобы участвовать в военных действиях, Калинский остался как военный атташе польской демократической армии в Советском Союзе. Калинский утверждал, что он был арестован советскими органами в 1944 г.

По утверждениям Калинского, его сестра замужем за британским подданным и живет в Палестине в городе, название которого переводится с иврита на немецкий как «Ворота надежды».

Паннвиц утверждает, что в декабре 1955 г. он прочитал в газете «*Neues Deutschland*», что помощник польского военного атташе Калинский был арестован в Западном Берлине. Паннвиц не может утверждать, что это тот же человек, с которым он сидел в одной камере. Однако он считает, что должен привлечь внимание к Калинскому.

26. *Джон (John)*.

Паннвиц придерживается того мнения, что западногерманской секретной службе следует поинтересоваться Джоном. Джон — рижский немец, родился примерно в 1914 г. Во время войны он был в звании *Obersturmfuehrer* или *Hauptsturm Obersturmfuehrer* или членом *SD/Office VI/Zerpelin*. Паннвиц познакомился с Джоном в московской тюрьме в 1947 г., и допускает, что Джон связан с советскими органами.

27. *Шеффер (Schaeffer)*.

Шеффер родом из Бреслау. Во время войны он был *Sonderfuehrer «K»*. Основываясь на своем опыте, полученном в лагерях, Паннвиц не сомневается, что Шеффер шпионит в пользу Советского Союза. Шеффер якобы вернулся в Германию в 1953 г.

28. *Ганс Мюллер (Hans Mueller)*.

Во время войны Мюллер в качестве комиссара криминальной полиции (Kriminalkommissar) активно участвовал в борьбе с «Rote Kapelle» (Red Chapel). Он был членом RSYA, Section IV A 2.

Паннвиц утверждал, что в 1953 г. во время одного из допросов, проводимых советскими органами, ему была показана фотография Ганса Мюллера в смокинге. На основании этой фотографии советские органы утверждали, что он был «американским агентом».

29. *SS-Gruppenführer Heinrich Myller (Группенфюрер СС Генрих Мюллер)*. Бывший шеф VI отдела (Гестапо).

Согласно информации, которую Паннвиц якобы получил от советских органов во время допросов в Москве, Генрих Мюллер, бывший шеф гестапо, застрелился в подземном туннеле, который ведет из канцелярии Рейха к станции Kaiserhof. Сообщалось, что русские с уверенностью идентифицировали его тело.

30. *Заключение*:

Паннвиц является чрезвычайно способным человеком, который поддерживал тесные личные связи как в Германии, так и за ее пределами. Он всегда хотел участвовать в «большой политике».

Утверждения Паннвица о его задержании и переводе в Москву будут проверены путем допроса свидетелей (Хеллы Кемпы, радиста Стлуки). Паннвиц энергично отрицает, что его готовили для сотрудничества с советской секретной службой.

В ответ на вопрос, почему советские органы не провели экстрадицию Паннвица в ЧССР^а, Паннвиц ответил следующее.

Советские органы угрожали Паннвицу такой экстрадицией и смертным приговором, который ожидал бы его в ЧССР. Столкнувшись с подобными угрозами, Паннвиц горячо просил об экстрадиции, одновременно уверяя, что судебное разбирательство, которое будет проведено против него в ЧССР, определенно дискредитируют коммунистическое движение. Он собирался объяснить чешскому суду, что коммунистическое движение Соппротивления в Чехословакии не могло избавиться от Гейдриха. Для этого потребовалось вмешательство представителей среднего класса чехословацкого движения Соппротивления, которых активно поддерживала Великобритания. После этого вопрос об экстрадиции больше не поднимался.

Паннвиц честно признает, что они вместе с Кентом настойчиво следовали легенде, подробно изложенной в приведенном выше отчете, так как любыми средствами хотели избежать захвата французскими силами или силами союзников, и последующей экстрадиции в ЧССР, которую он имел все основания ожидать. Паннвиц верил, что советские власти не должны казнить его, потому что он лояльно обращался с Кентом и предоставлял правдивый материал. В настоящее время в беседах Паннвиц подчеркивает, что события показали, что он был прав и что,

^а Х.Паннвиц был организатором уничтожения поселка Лидице и других военных преступлений в Чехословакии (С.П.).

возможно, его миссия хотя бы немного помогла разрушить непонимание между Западом и Востоком.

Уже в течение первых шести месяцев нахождения в заключении Паннвиц интенсивно занимался русским языком, и поскольку он хорошо знал русский менталитет и идеологию благодаря общению с Кентом, ему якобы удалось разработать образ жизни для себя самого и многих немецких заключенных, который помог им выжить.

Паннвиц работал на шахтах в Воркуте. Позднее он участвовал в строительных проектах. В течение нескольких лет, до поступления в криминальную полицию, он работал в строительстве. Таким образом, он умел читать технические чертежи, которые советские заключенные в воркутинских лагерях не могли понять.

Во время допросов Паннвиц постоянно просил, чтобы его признания стали известны по возможности маленькой группе людей, в противном случае он боялся, что к нему будут применены суровые меры наказания. Позднее он просил, чтобы детали операции «Феникс» не были сообщены союзникам, поскольку они еще могли выдвинуть против него обвинения.

Паннвиц также обратился с запросом к государственному секретарю *Vinkenhorst*, с которым он смог установить связь через друзей. Позднее он обратился с просьбой о предоставлении возможности посетить США. Паннвиц утверждал, что в США у него есть друг профессор, брат которого якобы является послом США в Советском Союзе. Наконец, Паннвиц рассчитывал приехать в Советский Союз как представитель немецкого промышленного предприятия, как только между Федеративной Республикой и Советским Союзом будет заключен коммерческий договор.

Личный архив А.М.Гуревича.

Примечания

¹ *Мюллер Генрих* (1900–1945?) – шеф гестапо, группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции.

² *Паннвиц Хейнц* (1911–?) – криминальный советник, гауптштурмфюрер СС. В 1942 г. возглавлял комиссию по расследованию убийства в Чехословакии Р.Гейдриха. Лично руководил захватом участников этого покушения. Руководитель зондеркоманды «Красная капелла». Завербован Кентом и работал в интересах советской военной разведки. С 1945 по 1956 г. находился в заключении в СССР. После освобождения работал на спецслужбы США.

³ *Гейдрих Рейнгард* (1904–1942) – один из руководителей СС, обергруппенфюрер СС, генерал полиции.

⁴ *Треппер Леопольд* (псевдонимы Лео, Отто) (1904–1982) – член Компартии Палестины с 1929 г. Окончил Коммунистический университет нацменьшинств Запада в Москве (1935). С июля 1938 г. до мая 1940 г. – резидент советской военной разведки в Бельгии. После оккупации Бельгии Германией проживал в Париже, где руководил новой резидентурой, добывал ценную развединформацию. 24 ноября 1942 г. был арестован в Париже гестапо, но 13 сентября 1943 г. бежал из-под стражи и по каналам Компартии Франции предупредил московское руководство о провале. До освобождения Парижа в августе 1944 г. нахо-

дился на нелегальном положении в столице Франции. В январе 1945 г. выехал в СССР. В 1947 г. был приговорен к 15 годам тюремного заключения. Освобожден в мае 1954 г. С 1957 г. проживал на родине, в Польше, под именем Леопольда Домбы, возглавлял культурно-просветительную организацию польских евреев. В сентябре 1973 г. эмигрировал во Францию, затем в Израиль. Скончался в Иерусалиме. Автор книги «Большая игра» (Париж, 1975; М., 1990).

⁵ *Sollja* – вероятно, имеется в виду Озолс Вольдемар (Владимир Антонович) (1884–1949), латыш, бывший штабс-капитан российской армии, участник Первой мировой войны. Воевал в Испании на стороне республиканской армии в звании генерала. С 1940 по 1945 г. участвовал в движении Сопротивления во Франции. Под оперативным псевдонимом Золя возглавлял одну из советских военных резидентур во Франции. В мае–июле 1945 г. работал в советском торгпредстве в Париже. С осени 1945 г. до 1949 г. работал доцентом Латвийского государственного университета и Рижского педагогического института, где преподавал военную географию и геодезию.

⁶ *Гиммлер Генрих* (1900–1945) – один из главных политических и военных деятелей нацистской Германии, рейхсфюрер СС.

⁷ *Йодль Альфред* (1890–1946) – генерал-полковник, начальник оперативного отдела Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии. На Нюрнбергском процессе был приговорен к смертной казне. Повешен.

⁸ *Гитлер Адольф* (1889–1945) – руководитель нацистской партии (фюрер), с 1933 г. рейхсканцлер, в 1934 г. объединил этот пост и пост президента.

⁹ *Абакумов В.С.* (1908–1954) – в 1943–1946 гг. начальник Главного управления контрразведки «Смерш» наркомата обороны (министерства Вооруженных Сил) СССР; в 1946–1951 гг. министр госбезопасности СССР. Генерал-полковник.

¹⁰ *Шелленберг Вальтер* (1910–1952) – один из руководителей германской разведки, бригаденфюрер СС, генерал-майор войск СС.

¹¹ *Петен Анри Филипп* (1856–1951) – французский военный и государственный деятель, маршал. Был военным министром Франции, послом Франции в Испании, заместителем премьер-министра, премьер-министром. С июля 1940 по август 1944 г. – глава государства (до апреля 1942 г. одновременно глава правительства пронацистского режима «Виши»). Проводил политику сотрудничества с оккупационными нацистскими властями. В 1945 г. приговорен Верховным судом к смертной казни, замененной пожизненным заключением.

¹² *Рузвельт Франклин Делано* (1882–1945) – президент США с 1933 г. С начала Второй мировой войны выступал за поддержку Великобритании, Франции, а затем и СССР в их борьбе с фашистской Германией.

¹³ *Молотов В.М.* (1890–1986) – член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) – КПСС в 1926–1957 гг., в 1941–1942 и в 1946–1953 гг. заместитель председателя, в 1942–1946 гг. и с 1953 г. первый заместитель председателя Совнаркома (Совмина) СССР, в 1939–1949 гг. и с 1953 г. нарком (министр) иностранных дел СССР.

¹⁴ *Берия Л.П.* (1899–1953) – член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) – КПСС в 1946–1953 гг.; с 1938 г. нарком внутренних дел СССР, одновременно с февраля 1941 г. заместитель председателя Совнаркома (Совмина) СССР. Маршал Советского Союза.

¹⁵ *Геббельс Пауль Йозеф* (1897–1945) – политический и государственный деятель Германии, рейхсleiter, с 1933 г. министр Имперского министерства народного просвещения и пропаганды.

¹⁶ *Власов А.А.* (1901–1946) – с ноября 1941 г. командир 20-й армией Юго-Западного фронта, затем командир 2-й ударной армией на Ленинградском фронте, заместитель командующего войсками Волховского фронта. Генерал-лейтенант. В июле 1942 г. сдался в плен немцам, стал сотрудничать с ними.

¹⁷ *Спаак Поль Анри* (1899–1972) – премьер-министр Бельгии в 1938–1939, 1946, 1947–1949 гг., один из лидеров Бельгийской социалистической партии.

¹⁸ Имеется в виду *Радо Шайдор* (1891–1981) – венгерский коммунист; в 1936–1944 гг. возглавлял в Швейцарии разведгруппу «Дора», работавшую на советскую военную разведку. Картограф, географ. Доктор географических и экономических наук.

¹⁹ *Шульце-Байзен Харре* – один из руководителей подпольной антифашистской организации в Берлине («Красная капелла»). В 1942 г. была раскрыта гестапо.

²⁰ *Андерс Владислав* (1892–1970) – польский генерал, командующий польской армией, сформированной в СССР в 1941–1942 гг.

«РАДИ ПРАВДЫ НЕ ПОЖАЛЕЮ НИ ЗАРУБЕЖНОЙ, НИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ»

Конфликт в Свято-Сергиевском богословском институте
в переписке Г.П.Федотова. 1939 г.*

№ 21

Письмо Г.П.Федотова — жене

1 марта 1939 г.

Дорогая Ляличка.

Вчера из твоего письма я увидел, какой причинил тебе вред своим паническим. Прости меня. Объясняется все моим нервным состоянием и бессонницей. У тебя должно быть нервы не в лучшем состоянии. Когда кончится вся эта история, чтобы мы могли спать спокойно? Я пишу свою книгу, но как медленно. Сказывается усталость. Хотелось бы скорее тебя увидеть и пожить с тобой спокойно. Ведь, ты мой единственный друг.

Можно тебя попросить проставлять даты на письмах. Мне иногда кажется, что посланные раньше приходят позже, и это меня сбивает.

Расскажу тебе о странном вечере, который провел вчера. Это было у П. Томсона, — вернее в его «иезуитском» обществе для retreats (когда люди уединяются на некоторое время для молитвы — С. Б.). Меня поразила роскошь этого особняка, где живут 4—5 священников, 2 часовни и комнаты для говельщиков. У отцов страшно католический вид. В часовне над алтарем икона Лойолы...

Обед подали в огромной столовой, на столе серебряные подсвечники с 4 овцами. Когда потушили электричество, забытый свет свечей переносил далеко в Пушкинские времена. Хотя стоит пост, ужин был очень сытный, с мясом, с винами, две горничные подавали. У меня было тяжелое чувство от всего этого богатства. После пирожного, все стоя выпили за короля — The King — английский обычай. А мне казалось, что Томсон аскет, измодивший себя. И, м[ожет] б[ыть], это верно, как в XVII в. — соединяют роскошь с самоумерщвлением.

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 2003. № 1. С. 73—88; № 3. С. 63—87.

Он возымел высокое мнение о моей учености, и т. к. читает мою статью о славянском языке (статья Федотова «Славянский или русский язык в богослужении», опубликованная в журнале «Путь» № 57 за 1938 г. — С.Б.), то предложил мне в компании переводить англиканскую литургию на русский.

Что это был за доклад о.Георгия⁵⁴, о котором ты пишешь несколько раз, и почему он говорил обо мне?

Получила ли ты жалование в Институте? Ты писала мне, что Ил[ья] Ис[идорович]⁵⁵ с неохотой дал деньги. Но было условлено, что он продает фунты за франки. Т.к. франков не было, то, м[ожет] б[ыть], ему, действительно, было трудно давать в долг. Очень жаль мне, что Нина пострадала из-за волнений. Я теперь обещаю относиться к ее музыке так же серьезно, как она к моей чести.

А как Ада Дмитр[иевна]⁵⁶? Защищает ли она свою газету?

Целую крепко и еще раз прошу прощения.

Г.Ф.

№ 22

Письмо Г.П.Федотова — жене

6 марта 1939 г.

Милая Ляля, что с тобой? Со вторника нет от тебя ни строчки. То писала каждый день, а то вдруг замолчала. Здорова ли ты? Я начинаю беспокоиться — а ты знаешь, как я на этот счет мнителен.

За последние дни были только письма от Жени⁵⁷ и от Мари⁵⁸. Косвенно заключаю, что Правление во вторник не пришло ни к какому решению. *Pas de nouvelles — bonnes nouvelles*^a. Но я начинаю думать, что они и не примут никакого решения, это самый легкий выход для них из тупика. Но для меня это значит, что порицание не снято, как и запрещение писать, что конфликт перманентный, и что в любой момент (после любой статьи моей или «Возр[ождения]») я могу ждать новых неприятностей. Это состояние неопределенности мне очень тяжело, но делать нечего. Ни я не собираюсь подавать прошение об отставке, ни они, кажется, меня выгонят. Во всяком случае, я доволен, что мой ответ был таким определенным.

На прошлой неделе я кончил, наконец, свое Введение (остались еще кое-какие поправки и дополнения). Сегодня принимаюсь за следующую главу. Это моя работа очень трудна и рискованна — в некотором роде она напоминает меровингских епископов, с которыми я не справился⁵⁹. Конечно, книгу я напишу, но вопрос в том, будет ли это научное исследование (типа диссертации), или просто интересная книга, ставящая проблемы, но не решающая их. Когда я ехал сюда, у меня было чувство решающей авантюры — или пан, или пропал.

^a Нет новостей — значит, хорошие новости (фр.).

Здесь англичане еще не знают о моей истории, да вероятно, и большинство русских. Я, впрочем, мало кого вижу — только из Fellowship'a. Здесь ко мне относятся очень хорошо. Не могу не удержаться от злорадного сообщения, что о.Георгия, кажется, все терпеть не могут.

Здесь уже пахнет весной. Фруктовые деревья зацвели в садах, и даже во дворе Британского музея некоторые кусты покрылись веточками. Оказался миндаль. Но весна не мешает простужаться — главным образом в своей комнате, а также на сквозняках, устраиваемых гостеприимными хозяевами (и при этом русскими! Во где тушинцы!)

Я получил «Путь», надеюсь, что Нине выдали гонорар — сколько?

А как с жалованием Богословского института? Очень скучаю без тебя, так хотелось бы тебя видеть. Напиши Наде, чтобы она нашла тебе что-нибудь (т. е. нам вместе). Я, конечно, говорил ей, она находит, что трудно, но сделает, что можно. А ты, все-таки, напиши ей. У нее, бедной, все болит сердце. Зубы уже все вырваны, а английские врачи ничего другого не умеют. Не дай Бог им попасться в лапы!

Пиши почаще, мне очень нужна твоя поддержка. Хоть открытки, или даже от Нины. Нет ни слова от Ил[ьи] Ис[идоровича]. Точно все его журналы провалились. Что «Новый град»?

Целую Вас.

Ваш Г.Федотов

№ 23

Письмо В.В.Зеньковского и Г.В.Флоровского — Г.П.Федотову

7 марта 1939 г.

Дорогой Георгий Петрович.

Обращаемся к Вам с настоящим письмом по поручению всей нашей профессорской коллегии, т. е. не официально, а в порядке товарищеского общения. Наше общее чувство по поводу Вашего письма, присланного в Правление, было такое, что его не следует и невозможно обсуждать официально. Поэтому все мы решили вступить с Вами в переписку в порядке неофициальном, и это поручение возложено на нас обоих.

Мы должны начать с того, что Ваше письмо повергло нас в очень тяжелое и горестное недоумение и скорбь. Мы всячески хотели бы содействовать мирному и скорому разрешению недоразумения, возникшего между нами, — и с этой целью пишем Вам как нашему товарищу, как ответственному члену руководящей Богословским институтом группы. Мы надеемся, что и Вы ищете мирного исхода из создавшегося положения.

Прежде всего, необходимо устранить недоразумения, которые мешают взаимному пониманию. Вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что на осуждение членов Правления о Вашей публицистической деятельности имели влияние выпады «Возрождения». Эти выпады были поводом

к тому, чтобы выразить наше отношение к Вашим публицистическим выступлениям, которые давно нас тревожат. Во всяком случае, в нашем распоряжении были и есть свидетельства того, что люди, которые решительно осуждают «Возрождение» и даже испытывают отвращение к нему, чрезвычайно болезненно переживают и Ваши публицистические выступления. Боимся, что Вы, вращаясь в слишком узком кругу близких Вам людей, вообще не ощущаете того, как остро воспринимается различными кругами русского общества Ваша публицистика. Мы не можем думать, что Вы относитесь без всякого внимания к русской эмиграции, что увлеченный партийной психологией Вы относите к мракобесам и остальным людям всех, кто не солидарен с Вами.

Но тут возникает второе недоразумение, выраженное Вами в одной фразе Вашего письма, что «Ваша публицистическая деятельность сама по себе суду Правления не подлежит». Тут есть и недоразумение и, может быть, действительное и серьезное разногласие между нами. Прежде всего, поскольку внеинститутская деятельность профессоров может наносить ущерб Институту, Правление может и должно иметь суждение о ней. Конечно, мы вовсе не претендуем на непогрешимость в наших суждениях, но в меру нашего разумения мы не можем не входить в обсуждение всего, что колеблет основы нашего существования. Можно *in abstracto*^a допустить и такой случай, что Правление, будучи совершенно солидарно с кем-либо из нас в нашей внеинститутской деятельности, все же будет категорически просить это лицо воздержаться от этой деятельности. Нельзя не считаться с тем, что весь мир, а русская эмиграция в особенности, проходит сейчас исключительно тревожную и острую фазу, что всюду бушуют страсти, и поэтому такого рода конфликты могут иметь место. И если бы мы были даже совершенно солидарны с Вашими публицистическими выступлениями, мы все равно должны были бы иметь суждение о них, если бы, по нашему разумению, они расшатывали положение Института. Конечно, и здесь мы можем впасть в ошибку, но само по себе право и обязанность Правления блюсти Институт и охранять его благополучие не может быть оспариваемо. Кстати сказать, Вы сами признавали это в эпизоде со статьями В.Н.Ильина⁶⁰.

Но помимо этого у всех нас или почти у всех нас есть глубокое убеждение, что внеинститутская деятельность профессоров Института *имеет свои границы*, что, войдя в состав работников Института, мы добровольно подчиняем себя этому. Однако мы никак не можем (как то делаете Вы в письме) отождествлять понятие *политической* и *церковно-общественной* работы. Эти понятия, конечно, совершенно различны; можно категорически утверждать, что церковно-общественная деятельность не включает в себя сферы политики, — по особой специфичности последней, а также по особому значению ее в современной жизни. И если мы все, как деятели Института, защищаем для себя свободу в церковно-общественной работе, то как раз в сфере политики мы полагаем, что при нынешней ситуации активная и особенно — боевая поли-

^a Отвлеченно (лат.).

тическая работа очень трудно соединима с ответственным служением Церкви через участие в Бог[ословском] инст[итуте]. Это особенно верно для русской эмиграции, в которой задача Церкви заключается в том, чтобы освободить затуманенное страстями сознание русских людей от всего, что духовно снижает и ослабляет их благодаря политической борьбе. Мы вовсе не хотим этим отрезать для нас всех путь политической работы вообще, но думаем, что при нынешней ситуации боевая политическая работа (в форме публицистической или иной деятельности) всегда будет разрушительно действовать на жизнь Института.

Мы высказываем это убеждение не только по Вашему адресу, но и по адресу нас самих. Вы очень ошибаетесь, если в этом убеждении усмотрите нечто, специально направленное против Вас или продиктованное духом политической борьбы. Мы сознательно не входим здесь в конкретную оценку Вашей публицистики, но, констатируя бесспорный факт, что она носит боевой характер и разжигает страсти, мы считаем это уже достаточным, чтобы поднять тревогу. Кстати сказать, самое суждение о Вашей публицистике было в Правление по инициативе митрополита.

Странно, чтобы не сказать больше, прозвучало для нас то, что Вы усматриваете у нас тенденцию «разрушать свободу церковно-общественной работы». В этом письме, которое служит целям нахождения мирного исхода из возникшего положения, мы будем заниматься реабилитацией Правления в вопросе защиты свободы или в охране нашего достоинства. Правда, приведенным словам лучше было бы не фигурировать в Вашем письме, написанном ведь не отдельному лицу, а целой коллегии, для которой охрана свободы и достоинства не менее дорога, чем Вам. Но не будем входить здесь в эту полемику, — мы хотим способствовать восстановлению нормальных отношений между нами, а не заострения их. Мы действительно хотим и искренне стремимся к тому, чтобы настоящее недоразумение было улажено. Стремясь к этому, мы ждем, что и Вы проявите волю к этому и мы вновь будем работать совместно во имя Церкви и во славу нашей школы, все добровольно подчиняясь тем ограничениям, которые вытекают из интересов дела. Одно для нас бесспорно: внеинститутская работа нас всех не может быть абсолютно свободной, она не должна идти в разрез с работой Института и условиями его существования, — а в оценке того, есть ли налицо реальный, а не раздутый нарочито факт — Правлению, а не отдельным его членам принадлежит право окончательного решения.

В ожидании, что голос наш дойдет до Вас со всей искренностью нашего стремления к мирной совместной работе, пишем это письмо по уполномочию коллег и остаемся искренними Вашими друзьями.

В.В.Зеньковский

Георгий В.Флоровский

№ 24

Письмо В.В. Зеньковского — Г.П. Федотову

[После 7 марта 1939 г.]⁶¹

Дорогой Георгий Петрович.

В дополнение к письму, которое мы вместе с о.Георгием послали Вам по поручению всех коллег, хочу написать еще несколько слов от себя лично.

Как ясно из нашего письма, в Правлении сошлись на том, что рассматривать официально Ваше письмо мы не будем — его обсуждение в порядке официальном только ухудшило бы положение, ибо тон письма и отдельные выражения в нем вызывают резко отношение и защищать Вас в этом было бы крайне трудно. Кроме *немногих* членов Правления значительное большинство Правления готово внести поправки, или просто оговорки, или просто изменить прежнюю резолюцию Правления, но пока Ваше письмо в Правление Вами не смягчено или не взято обратно, трудно это сделать. Впрочем, склонность к тому, чтобы найти мирный исход так велика, что можно *было бы* и без этого добиться перемены, если бы мы сами были уверены, что у Вас есть склонность к мирному исходу. Ваши здешние друзья, которым, к сожалению, даже официальные материалы (напр[имер], Ваше письмо в Правление) были известны раньше, чем нам, создают здесь неблагоприятную обстановку. До нас доходят разные слухи, — и правда мы не знаем, не создалось ли у Вас такого психологического отчуждения от Института, что Вы уже не хотите остаться в нем? Необходимо, чтобы мы почувствовали, что Вы хотите мирного исхода, — хотя бы это было выражено в письме ко мне и о.Георгию. С другой стороны, мы не знаем, признаете ли Вы тот принцип, который выражен в нашем письме, что мы считаем правильным принцип абсолютной свободы во внеинститутских выступлениях наших. Вы сами его признавали в эпизоде с Ильиным, но сейчас? Во всяком случае, хочу Вас заверить, что мы ищем мирного исхода, хотим мирного сотрудничества с Вами. От Вас теперь зависит предпринять что-либо, чтобы могло возникнуть это мирное сотрудничество.

Вся история эта была крайне болезненно пережита Правлением, которое Вы напрасно — простите, что прямо пишу об этом — обидели. Обстановка, в которой мы (благодаря горячности мит(рополи)та) обсуждали впервые вопрос, была сама по себе тягостна, но когда наш, если угодно, внутренний спор, стал предметом совещания и обсуждений у лиц, посторонних Институту — это создало мучительную обстановку. Я не говорю, конечно, о письме митрополита, написанном абсолютно по его личному почину без обсуждения с нами, ни его содержания, ни самой посылки его: мы не можем быть ответственны за него. Что же касается наших отношений к Вам, зачем в это впутаны посторонние лица?⁶² Зачем из внутриинститутского эпизода (как бы не смотреть на его сущность) было сделано церковно-общественное событие?

Что особенно нам грустно, это то, что Вы не нашли нужным почитаться с мнением Правления, что Вы усмотрели в его резолюции (не говоря о ней по существу) влияние отвратительной для всех газеты, отнюдь не менее отвратительной, чем для Вас, если для всех, то, по крайней мере, для *значительного* большинства.

Пишу это все, чтобы осветить Вам психологию коллег. Вы сами знаете хорошо, сколько разных тяжестей, унижений проходим и проходили мы, оберегая Институт. М[ожет] быть, мы и преувеличиваем порою, но все-таки мы стояли и будем стоять на защите церковной свободы. Но не сердитесь – видеть попрание свободы в том, что при настоящих условиях мы просим друг друга воздержаться от писания боевых статей – очень трудно...

Я пишу Вам с полной откровенностью и искренностью, ибо только при этом можно вернуться обеим сторонам к необходимому для сотрудничества уважению. Ото всей души хочу верить, что интересы Института будут Вам ближе других дел и что мы сможем найти *modus vivendi* друг с другом.

Ваш В.Зеньковский

№ 25

Письмо Г.П.Федотова – жене

9 марта 1939 г.

Милая Ляля!

Сейчас написал о Сергию дружеское письмо. Как ужасно то, что с ним произошло. Если даже операция удастся, надолго ли? Что ты думаешь?

От Правления нет никаких писем, но я не беспокоюсь больше. Отвечу им мягко, но отрицательно.

Ты до сих пор не ответила мне насчет жалованья, а между тем это меня волнует. Как вы живете, и отдан ли долг Ил[ье] Ис[идоровичу]?

И еще, пожалуйста, ответь, что с поручением Над[ежды] Дан[иловны]? Она просила тебя купить ей какой-то календарь. Теперь, когда ты освободилась, сделай это поскорее.

Я рад вместе с тобой твоей свободе, и еще больше тому, что ты ощущаешь как возвращение молодости. Как хорошо было бы, если бы эта счастливая гроза, среди всех других последствий, закрепила бы это наше помолодение. Тебе нужно готовить какой-нибудь реферат, вести кружок и вообще как-нибудь проявить себя, чтобы с тобой считались не только как с героиней, но и с работницей, т. е. с интеллектуальной личиной.

Стоит ли наших студентов увлекать политикой, я не знаю. Умеренно, – т.е. примирить их с левыми. Для Дубревского⁶³ страшно важно включиться в науку. Какие бои там, т.е. в библейской критике, предсто-

^a Способ мирного сосуществования (лат.).

ят ему, он и не подозревает. Надо внушать ему, что его роль — заменить предателей Карташева⁶⁴ и Сове⁶⁵ на библейском фронте.

Когда выходит «Нов[ая] Р[оссия]» с моей статьей, и к какому сроку нужна следующая? Прямо несчастье, что у меня нет политической темы. Если случайно увидишься с Керенским, поговори с ним, как он насчет религиозно-философских тем: религия и политика. Аполитизм Церкви и т.п., о чем мне и хочется писать и легко. Английская политическая жизнь меня не радует. Нигде ни свежей мысли, ни воли к действию. Денег много, только и хватает, что вооружаться и готовиться к обороне от воздушных налетов.

Среди моих новых знакомых я очень оценил Левенсона⁶⁶ (приятель Сени)⁶⁷, которого я знал в Петербурге, милый, скромный и очень знающий; м[ежду] пр[очим] знаток старого Лондона, и если ты приедешь, он нас будет водить.

Твой приезд, по-моему, зависит от Нади⁶⁸, которая и больна и по уши занята своим колледжем (новым). Пиши ей.

Я живу так себе. В библиотеке довольно утомительно, а в комнате холодно. По ночам простужаю нос, а отсюда все гриппы. Слава Богу, что погода сравнительно теплая.

Крепко Вас обеих целую.

Ваш Г. Федотов

№ 26

Письмо Г.П.Федотова — жене

13 марта 1939 г.

Милая Ляля.

Я получил, наконец, долгожданное письмо от коллег, подписанное Зеньковским и Флоровским, и еще отдельное письмо Зеньковского... Оно принесло мне большое разочарование. Не только не видно ни малейших следов «раскаяния», но они настаивают на своем праве контролировать политические выступления профессоров, поскольку от них может произойти вред для Института. Составлены оба письма, я думаю, одним Зеньковским, и его пошлость сквозит в каждом слове. В своем частном письме, которое ничуть не «ласковее» общего (в сущности, оба проникнуты горечью обиды), он ждет от меня ответа: хочу ли я остаться в Институте, и если да, то на какие уступки я могу пойти. Свою резолюцию они не сняли, и Зеньковский говорит только о возможности ее изменения, в случае моих уступок. Мой ответ они отказываются рассматривать официально.

Не знаю, о чем это говорит: о желании от меня отделаться, о своей незаконности (ввиду позиции Милюкова) или просто о раздражении, вызванном моим ответом.

Моя тактика мне представляется в следующем виде. На их принципиальные рассуждения я должен ответить такими же, в защиту свободы политики, а Зеньковскому в частном письме предложить свои условия:

1. От публицистики не отказываюсь.
2. В Институте остаюсь, пока меня не выгонят.
3. Настаиваю на полной отмене резолюции.
4. Обещаю как угодно смягчить или вовсе взять назад свой ответ, если получу от них обещание по пункту первому.

Как ты об этом думаешь? Ответ немедленно. Я подожду твоего ответа, хотя в нем не сомневаюсь. Как это все досадно, мучительно и отнимает силы и конца этому не видно.

От тебя давно что-то нет писем, я в них очень нуждаюсь. Ты теперь стала свободнее, пиши почаще.

Здесь никаких новостей. Живу пополам с грехом. На днях вместе с о.Львом выступал в Fellowship с речью о кресте. Я повторил свою старую французскую тему о кресте в Культуре. Кажется, удачно.

Здесь на моей стороне Саблин и клан Зерновых (Кульман и Лига Наций!). В старых барынях, зато, чувствую врагов. Duddington⁶⁹ звала обедать, но специально, чтобы спорить о славянском языке.

Здесь Керенский, но я еще его не видал. Последний № «Н[овой] Р[оссии]», наполовину мне посвященный, кажется, дает мне тему для статьи.

Статьи Дубревского и Жени [Ламперта]⁷⁰ мне доставили удовольствие. Я им напишу. Целую Вас обеих.

Жорж

Что о.Сергий?

№ 27

Письмо Г.П.Федотова — жене

18–20 марта 1939 г.

Милая Ляля.

Только сейчас написал ответ коллегам, которое стоило мне немало нервов и бессонницы. На неделю — на две спокоен, а там, что Бог даст.

О твоей Юле Сусловой⁷¹ я говорил с Наумовым⁷² и Левертовым⁷³. Утешительного мало. Наумов, как и жених (по-видимому), бестолковы. Надо толкать в *Note Office* ПЕРЕВОД?. Левертов обещал просмотреть поданную ему справку и, м[ожет] б[ыть], написать письмо, чтобы ускорить дело? Но не наверное, и я сомневаюсь, что он будет хлопотать — таких случаев множество. Завтра увижу Керенского, скажу ему. Он в понедельник возвращается в Париж, ты можешь увидеть его и попросить. Но, м[ожет] б[ыть], самое верное теперь Софина протекция. Английскую визу, кажется, обещали, вопрос только во времени, т. е. в отсрочке высылки.

Сегодня я был на литургии Левертова и после завтракал со всей паствой (человек 20) в ресторане. Много молодежи из общения о.Льва, которые мне понравились.

Познакомился с обоими Франками (другой, историк, Сергей тоже тут), и они обещали позвать меня к сестре на семейный вечер⁷⁴. Сергей

рассказывал много утешительного о Германии и о кружке своих друзей, где читают мои статьи. Оказались нечаянные единомышленники. Сергей сам сделал попытку меня разыскать и поговорить. Очень неглуп и хорошо настроен.

Вчера же провел вечер у Duddington. Оказалось, что напрасно подозревал их в недоброжелательстве и реакционности. Это все моя мнительность. Говорили очень дружески и во всем согласны (кроме славянского языка).

Но какие это все мелочи, сравнительно с катастрофой в Европе! Сегодня, по слухам, Гитлер идет на Румынию, и Англия готова дать отпор. Не сегодня-завтра может вспыхнуть война. Я чувствую страшное раздвоение. По-прежнему верю, война — конец всему, но какая-то нравственная тяжесть снимается с души. Это слабость, — конечно, за мгновение нравственного удовлетворения придется расплачиваться — и как ужасно. Могу только благодарить Бога, что я не настоящий политик и никогда за собой не веду. Но возможность войны ставит передо мной личный вопрос — о возвращении в Париж. Вряд ли можно будет заниматься наукой. Придется так или иначе работать или воевать, и, конечно, лучше сделать это во Франции, чем здесь. Мне будет невыносимо тяжело проводить эти страшные дни вдали от вас. Просто наука в голову не полезет. Думать каждый час о бомбах и т.д. Надо будет возвращаться при первой возможности — а она, м[ожет] б[ыть], не так скоро и представится.

Мне хочется сказать тебе — перед возможной войной и после моей маленькой личной драмы, как я счастлив, что вновь духовно нашел тебя. Правда, за это не жаль было бы и вылететь из Института. Это одно искупает для меня всю горечь прошедшего. Надо только суметь и дальше жить так, чтобы не растратить зря приобретенный капитал уважения и любви — на пустяках и мелочах «домашнего очага». Хотелось бы пожить с тобою в Англии, но пока возможности еще не вижу. Все отвечают уклончиво. Но Бог даст, что-нибудь и представится.

Вчера завтракал с Керенским и его сыном. Знаешь, как он назвал тебя в своем письме — «тигрицей». Сговорились, что я буду отвечать Ивановичу⁷⁵ и вообще он ничего не имеет против принципиальных статей, которые для меня легче, чем политические отклики на события. Он не верит в войну, и сегодняшние газеты это, кажется, подтверждают. Румыния отступает, Франция, я думаю, совсем не готова, и Гитлер возьмет всю Вост[очную] Европу. Но это большой риск. Каждый день может начаться драка.

Получил твое большое письмо. Тебе, милая, не стоит волноваться из-за Правления. В конце концов, они сдадутся. Эта куриная политика Зеньковского. Сейчас он ищет компромисса между двумя половинами Правления и забывает обо всем. Потом вспоминает и о Бердяеве. С Андерсоном, я думаю, ты держишь правильную линию, если только не обидела его. Трудность в том, чтобы не иметь вид угрожающей (и шантажирующей) стороны. Правление, конечно, верит в то, что нами орга-

низуется мировой комплот против него и если страх действует на Зеньковских, то на бесноватых он не действует.

О терме^а не беспокойся. Конечно, попрошу у Ил[ьи] Ис[идоровича]. Напиши подробнее о Всеволоде⁷⁶, и финансовые также. Я с ними пойду к Тат. Алекс⁷⁷.

Расскажи о ссоре с Ереминой⁷⁸, которая меня огорчила.
Целую вас.

Г. Федотов

№ 28

Письмо Г.П.Федотова – жене

29 марта 1939 г.

Дорогая Ляля.

Могу тебе сообщить приятные новости – впрочем, для меня, а для тебя не знаю. У меня есть для тебя два приглашения в Лондон, каждое на один месяц. Значит, ты сможешь провести здесь июнь-июль или май-июнь, а то и три месяца, если хочешь.

Несколько недель тому назад неизвестный мне м-р Вильсон⁷⁹, служащий Британского музея, пригласил меня и Надю на завтрак. Оказалось, что от кого-то из ее знакомых (сам он ее не знал) он слышал, что она хочет устроить русского профессора, и он пригласил нас познакомиться. Он совсем молодой человек, как и его жена, оба очень милые. Живут совсем рядом с музеем, что мне очень важно. После второго завтрака он пригласил меня на три месяца, прибавил, что слышал, что ко мне хочет приехать жена летом, и что на один месяц они рады принять и ее. Я не понял, какое значение имеет ограничение времени, думают ли они и кормить нас, об этом разговора не было, и я буду отказываться, если зайдет речь.

А потом я наводил справки в том дешевом пансионе, где живет Наумов. Его хозяйка, член Fellowship, приглашает на один месяц бесплатно, а потом за обычную плату – т.е. по 5 фунтов в месяц с человека (кажется). Это нас вполне устроило бы. Остались бы деньги и на Ниночку, если бы она приехала летом в Англию (что будет дороже, чем во Франции (по опыту Зои⁸⁰)).

Итак, за лето я спокоен (но война, но Институт), и очень рад, что проведу его с тобой. Только, как бы тебе не было скучно здесь, одной целый день и без всякого дела. Но, м[ожет] б[ыть], ты тоже возьмешь карточку для Британского музея и займешься чем-нибудь. Не хочешь ли помогать мне делать выписки? Или изучишь что-нибудь сама для докладов в Fellowship.

От коллег ни слова пока. Я думаю, и не будет, до поправки о.Сергия. Предложение м.Марии и Ил[ьи] Ис[идоровича] взять на себя переговоры (я его не получал еще) совершенно неприемлемо. Вас[илий]

^а Терме – обычно, ежеквартальная плата (фр.).

Вас[ильевич] Зеньковский горько жаловался, что я впутал в институтские дела посторонних людей. Но я согласен ждать.

Получил большое письмо от Вадима⁸¹. Главное содержание его не очень утешительно. Он доказывает, что не пригоден для науки, хотя и любит ее. Надо бы выяснить, не переутомлен ли он. Я почти уверен, что аскетизмом (и упрямством) он довел себя до острого малокровия. У него, ведь, бывали обмороки. Если в этом источник его сомнения, то ему надо просто летом отдохнуть и откормиться. Не можешь ли ты выяснить эту медицинскую часть вопроса? Должно быть, на него очень трудно воздействовать, упрям как черт. Но если будет объективный материал, в виде медицинского диагноза, то общими силами, м[ожет] б[ыть], удастся что-нибудь сделать. А сейчас он просит ничего не предпринимать в Англии, и даже отказаться за него, если что-нибудь сделано.

Как Ниночкин концерт в воскресенье? Надеюсь, что она не струсит. Здесь я три раза был в концертах. В Лондоне музыка первый сорт, прекрасные оркестры, и масса гастролеров, но все страшно дорого. А за дешевую цену и музыка посредственная. Впрочем, раз я был очень доволен, но пришлось стоять все время. Кажется, первый раз в жизни я оценил дирижера Veacham (англичанин)⁸². По этой части мой главный советчик — Наумов. А вообще я больше других вижусь теперь с молодым Франком. С ним мы завтракаем в Lyons'e⁸³. Хотя его мирозерцание приблизительно папашино, но мы находим много общего, начиная с политического положения. Он верующий, православный, но противник «земного рая». Однако, поддается моим аргументам, как будто.

Патрик Томсон (Нина знает) познакомил меня с одной русской дамой, которая 4 года назад выпущена из советской тюрьмы (мужа расстреляли). Дама очень милая. Мы втроем занимаемся переводом английской литургии на русский язык (главным образом для Fellowship).

Наденьку, к сожалению, вижу теперь очень редко. То она прихварывает, то ли разъезжает.

Погода здесь сейчас отвратительная. Холодно и сыро. Все простужены — и я также.

Работа продвигается очень медленно. Весь материал для меня новый и трудный для обработки. Дай Бог, собрать здесь половину, остальное — для Парижа.

Крепко Вас целую, мои дорогие. Очень рад за вашу австриячку⁸⁴, которая получила визу.

Ваш Г. Федотов

№ 29

Письмо Г.П.Федотова — жене

3 апр[еля] 1939 г.

Милая Ляля.

Очень тебя жалею по случаю твоей болезни. Это так бывает редко, что ты ложишься в постель, что должно быть серьезно. И стоило боль-

ной стирать у Бахрушиных!⁸⁵ Надеюсь, что, по крайней мере, на Страстной ты поправишься.

У нас опять отвратительная погода, и я немного простужен, но чуть-чуть. Я рад, что ты стремишься в Лондон, а то я уж очень соскучился. Только надо иметь в виду медленность визы, и подавать прошение за полтора месяца. Если хочешь к июню, то в середине апреля. Непременно надо быть вместе в годовщину нашей свадьбы — это 20 лет!

Я не знаю, откуда ты взяла, что Widrington меня пригласил на Пасху. Никто не пригласил, и я, вероятно, останусь в Лондоне. В Париже сейчас мисс Ридлей⁸⁶, гостит у Зерновых, на подворье при встрече можешь сказать о Нине, я и здесь говорю.

Вчера мельком видел Зою, которая теперь живет с Наденькой. Первое впечатление — без перемен. Встречаю ее у церкви: «Куда Вы? — Я потеряла перчатку». Так и не нашла.

О.Николай Бер⁸⁷ приезжает из деревни, исповедует и говорит проповеди. Но еще не служит. Ходит с трудом, и очень поседел. Тут из-за рукоположения Феокрита⁸⁸ была большая дамская война: семейство о.Николая и его духовные дочери очень обиделись, и до недавних пор ему никто даже не говорил. Но он отнесся, как должно. Чего обижаться? Это было бы совсем глупо.

Прислать ли тебе «Соврем[енные] записки»? № не интересный. А за Адамовича⁸⁹ спасибо. Стихи прекрасные и некоторые волнуют.

Роман Яновского⁹⁰ в «Русских зап[исках]» бесконечно лучше его старых вещей.

Но так же враждебен мне своей тенденций — аскетико-цинической. Все, что он пишет, — в пользу концлагерей. Duddington'ы пригласили меня на Пасху к ним разговляться и ночевать. Это решает как-никак трудную проблему пасхальной ночи. Все-таки для меня будет грустная Пасха без вас.

А ты побывай в церкви у м.Марии. Не все же дело в певчих. Надо быть ближе к своим. А что в Движении? Молиться с гитлеровцами...

Я разделяю твое отношение к Эйснеру⁹¹. Не нужно делать различия между гитлеровцами и сталинцами.

Не знаю ничего, что делается на Лурмель и на авеню де Версай⁹². Если ты бываешь там, то напиши. — Получил неожиданное выражение сочувствия от Шаховской⁹³ из Брюсселя. Целую тебя и Нину, хотя она с тобой дурно поступает.

Ваш Г.Ф

№ 30

Письмо Г.П.Федотова — жене и дочери Нине

8 апр[еля] 1939 г.

Христос Воскресе! Дорогие мои!

Поздравляю Вас, христосуюсь и горько жалею, что врозь встречаем Пасху в этом году. Надеюсь, что она не омрачена у вас дурными известиями об о.Сергии.

Для меня Страстная – вернее, конец ее, проходит в счастливом умилении. Давно так не было хорошо в церкви. Я исповедывался у о.Льва и причащался в пятницу, на Благовещение. У него я исповедывался первый раз, и очень был утешен. Не могу себе простить, что все откладывал – из ложного стыда, и ни разу не причащался в Великом Посту. Что касается церкви, то с четверга поет и хор, но мне он мало что прибавляет. Хор здесь дает даже концерты, но мне его претенциозность не нравится. А обычно псаломщик тянет с Надей, а о.Владимир подпевает: вот у кого чудный голос, и получается недурно.

Здесь страшно сокращают; я рад, конечно, но, по-моему, сокращают не очень умно. Так, в пятницу был выпущен весь плач Богоматери.

О.Николай присутствует теперь на всех службах, кое-что и сам читает и говорит проповеди, к несчастью.

Зоя, кажется, глубоко тронута Страстным богослужением.

За эти дни растаял лед и с Ариадной Владимировной [Тырковой-Вильямс], слава Богу.

Пасхальную ночь я у Деддингтонов, а днем на Пасху приглашен к Наташе, быв[шей] Франк⁹⁴, теперь Скорер. Интересно посмотреть на них с мужем, он у нее коммунист!

А бедного Наумова в церкви не видно. Он, кажется, в жестоком гриппе.

Погода холодная и не обещает исправиться на Пасху. Это значит, что когда я дома (а библиотека теперь закрыта), то лежу под 3-мя одеялами и чихаю.

У меня было маленькое несчастье, которое в Англии принимает большие размеры. Сломалась оправа у очков, и пришлось переменить. 7 с половиной шиллингов – 76 франков! Я беспокоюсь за свой бюджет. Как-то ты здесь справишься с курением? Надо сокращаться понемногу. Кстати, не пора ли после Пасхи начинать хлопоты о визе? Напиши мне, когда ты пойдешь в консульство, чтобы я здесь попросил похлопотать. Еще раз целую обеих.

Ваш Г.Федотов

№ 31

Письмо Г.П.Федотова – жене

15 апреля 1939 г.

Милая Ляля.

Прежде всего выражаю свое удовольствие по поводу того, что ты не раздумала ехать в Англию, как я, было склонен был думать по некоторым твоим и Нининым намекам. Мне это было очень грустно думать. Теперь, что касается английской визы, то тебе незачем ссылаться на приглашение англичан (как я и не ссылался). Ты едешь к мужу и будешь жить на его счет (на счет его жалования). Адрес может меняться: в самом деле, я не знаю еще, где когда буду жить. Пока дай теперь им мой теперешний адрес, о.Lewis (хотя я заявил ему, что в конце апреля

уезжаю к Вильсонам). Имя англичанина, который будет хлопотать в Home Office – Oliver Tomkins⁹⁵. Адрес: Annadale, North End Road, Golders Green, London, N.W.11.

У нас потеплело. Я не мерзну в своей комнате и наслаждаюсь солнцем, если не теплом.

Теперь мне хотелось бы серьезно поговорить с тобой об И[лье] И[сидоровиче Фондаменском]. Ближайший повод: он мне не отвечает на мой вопрос о «Нов[ом] граде». Собирается ли он его выпускать? Если можешь получить от него ответ по этому поводу, напиши мне. Но вообще он меня беспокоит. За все время он почти ничего не писал мне, а, если писал, то деловым, почти военным тоном. (Правда, и я его не очень баловал).

Я хотел бы для себя выяснить, нужно ли в этом видеть личное охлаждение или знак его общего духовного состояния.

Если первое (охлаждение), то не сыграло ли здесь свою роль мое поведение в моем кризисе: то, что я не обратился к нему за советом и косвенно проявил недоверие (я писал, что поддержка друзей была для меня неожиданной). Или за этим стоит накопившееся политическое расхождение (Мюнхен)?

Или ревность к «Ордену»⁹⁶, к которому я отношусь прохладно?

Но, может быть, за всем этим стоит его собственный break down^a. Он и в Париже производил на меня впечатление полумертвого, который с трудом носит маску. Потерял ли он веру в спасение Европы? (Тогда я и предполагаю, ему неловко притворяться передо мной, и он предпочитает не разговаривать). Напиши мне о своем впечатлении, только постарайся быть справедливой и не мстить за разные обиды.

Другой больной (и действительно больной) вопрос – о войне. Хотя теперь и нет оснований для паники, но нужно думать о личном поведении. Из твоих писем я заключаю, что ты предполагаешь, что можно будет во время войны заниматься личными делами, наукой и т.д. Во всяком случае, не для мужчины. Первое, что мне надо будет сделать, это отдать себя в распоряжение военных властей. Они уже сами рассудят, куда поставить. Для objection de CONSCIENCE^b я чувствую себя слишком грешным: это было бы почти лицемерием. А для уклонения – нет, теперь не стоит цепляться за жизнь, надо разделить с французами их судьбу. Но с французами. Поэтому немедленно возвращаться. Т.е., если бы мы все трое были здесь в Англии, можно было бы записаться и здесь. А врозь я не согласен.

Пишу тебе об этом, чтобы столкнуться с тобой заранее. Я думаю, что тебе и Нине надо будет идти или в сестры, или на военный завод – вообще, куда пойдут француженки. Ведь альтернатива – или концлагерь, или презрение и месть соседей. Т[ак] что Дурдан⁹⁷ – это для одного Мичео. Вчера был доклад М.В.Брайкевича⁹⁸ (отца): «Религия и демократия», связанный с моими статьями в «Нов[ой] Р[оссии]». Старик

^a Буквально – нервный крах (англ.).

^b Отказ от военной службы по религиозным убеждениям (фр.).

стал верующий, очень хороший старик. Мы с ним объединились. Ариадна⁹⁹ показала себя стервой.

Пасхальную ночь провели у Деддингтонов большой кампанией: Надя, Зоя, о.Лев. Было хорошо, а днем я был у Наташи Франк-Скорер. Муж ее симпатичный, но коммунист. Впрочем, говорить с ним не пришлось. Представь, у них нет общего языка, и они объясняются по-немецки и по-французски.

Зоя завтра уезжает в деревню гостить. На мой взгляд, она очень мало изменилась. Такая же пессимистическая и безразличная, точно из ваты. Не знаю, что ее больше всего интересует и чем она будет заниматься. Боюсь, что при таком безволии из ее способностей ничего не выйдет.

Прости, что доверенность посылаю тебе, а не Жене. Но ему писать не собираюсь, и жалко марки.

Целую вас обеих крепко.

Твой Жорж

№ 32

Письмо митрополита Евлогия – Г.П.Федотову

Париж

20 апреля 1939 г.

Георгию Петровичу Федотову.

Христос Воскресе!

Многоуважаемый Георгий Петрович.

Считаю долгом сообщить Вам, что Правление Института, ознакомившись в заседании своем от 30 марта с.г. с возникшей между Вами и коллегами профессорами Института перепиской по поводу постановления Правления от 8 февраля сего года, заключающего в себе обращение к Вам с предложением воздержаться в дальнейшей своей публицистической деятельности от помянутых в том постановлении выступлений, не нашло оснований к пересмотру его и определило вышеуказанное постановление подтвердить.

Уважающий Вас

митрополит Евлогий

№ 33

Письмо Г.П.Федотова – жене

25 апр[еля] 1939 г.

Милая Лялечка.

Как жалко Петю¹⁰⁰, такое несчастье, хотя этого мы и ждали. По привычке искать виновников, ищешь вину и его, и М[арии] С[ергеевны]¹⁰¹. Но об этом сейчас надо забыть, и постараться страдать с ней. Жалею и тебя, которой на время приходится жить чужим горем.

А вот и свое — если не горе, то опять неприятности. Пришло долгожданное письмо от Правления. Хуже и быть не могло. Я ничего не понимаю. Коля Зернов неделю тому назад был в Париже и подтверждает общее впечатление, что настроение было примирительное, и что никто не хочет моего ухода. Или они идиоты, или вопрос о самолюбии для них дороже Института. Учреждение не может признать своей вины. Что же делать? Мне казалось, что возможен лишь один выход для меня: написать кратко и по возможности вежливо, что я не могу подчиниться. Пусть делают, что хотят. Коля советует написать, что я прошу отложить дальнейшие переговоры до осени, до моего возвращения. Он надеется, что тогда все успокоится. Я думаю, что тут дело не в страстности, которая уже прошла, а в коллективном самолюбии, которое останется. Что ты об этом думаешь?

Второй вопрос, который ты должна помочь мне решить — в какой мере сейчас вмешивать в это дело «Пр[авославное] д[ело]» и «Лигу». Мне думается, что пока еще время для частных разговоров с митрополитом — Демидова, м.Марии. Понимают ли они, чем они рискуют? М[ожет] б[ыть], нет. Я думаю, что шум придется поднимать, когда меня уволят (если решатся на это). А сейчас выждать. Итак, вот градации: 1) моя просьба подождать до осени; 2) мой отказ — без шума, но с давлением; 3) мой отказ с шумом, но вполголоса (без заграницы). Выбери, посоветовавшись с м.Марией и, если хочешь, с Илюшей. Постановление или письмо митрополита не оглашай ни в коем случае, покажи друзьям, и верни мне.

Опять пойдут бессонные ночи, ожидание неприятных писем и проч[ее]. Как хотелось поскорее видеть тебя в Лондоне. Вдвоем с тобой все было бы легко.

Но что ты пишешь о Пьянове, ужасно меня огорчает. Почему бы тебе не попробовать поговорить с ним? Ведь, нельзя сомневаться в его доброй воле. Он груб, глуп и упрям, но воля его добрая — т.е. побуждения самые благородные. Мать Мария тоже может быть несправедлива к нему в разных делах. По-моему, прежде чем начинать борьбу на жизнь, и выбирать позицию, следует попробовать все пути примирения. Убедить Пьянова извиниться перед графом и отказаться от Нуази¹⁰². Что касается других его преступлений, то я согласен с тобой насчет Иванова¹⁰³, защищаю мисс Ридлей, как переводчицу. Она много переводила, меня в частности, и неплохо, как мне казалось (Я, конечно, в английском стиле не судья).

Последний week end провел в Виндзоре у Кларка и Ксении¹⁰⁴. В ней чувствую по-прежнему единомышленницу, хотя она всецело погружена в хозяйство и сад. Но я не думаю, чтобы это ее удовлетворило надолго. Кларк в состоянии разочарования, он обжегся на социальном христианстве (или христианском коммунизме), и сейчас, кажется, живет иронией и садом.

Я чувствую, как много горечи прибавилось за эту зиму у меня. И жизнь не радует, как и тебя. Только по музыке скучаю. Смерть представляется все отчетливее. М[ожет] б[ыть], душа готовится к войне. Че-

рез несколько дней все наши заботы и страсти могут разлететься, как пыль перед бурей.

Хлопочи о паспорте, а я буду нажимать. Очень боюсь, что будут задерживать месяцами.

Целую Нину и тебя.

Ваш Г.Ф.

От Цетлина получил ордер на 6 фунтов.

№ 34

Письмо Г.П.Федотова — жене¹⁰⁵

28 апр[еля] 1939 г.

Милая Лялечка.

Я, должно быть, очень тебя расстроил своим письмом. В утешение могу сообщить, что о бессоннице я писал напрасно. Сплю превосходно, и вообще, как ни досадно это новое вторжение темных сил в мою жизнь, я переношу его гораздо легче. К моему большому удовольствию, Кларки пригласили меня гостить на целую неделю в Виндзор. Библиотека будет как раз закрыта от 1 до 6 мая, и я у них отдохну — с завтрашнего дня. В течение этой недели мой адрес будет: с/o The rev. O. Fielding Clarke, The Chaplain's House, Hotel Lane, Windsor. А с 6-го мая: с/o Mr Wilson, 31 Tavendish^a Square, London W.C.1.

Коля Зернов предлагает мне новый вариант моей защиты: запросить Правление, чего собственно (точно) они от меня требуют, ввиду совершенной неясности текста. Он советует это для того, чтобы затянуть переписку и выиграть время. Он озабочен судьбой Института и боится скандала. Пробовал мне предлагать компромиссы, но теперь оставил. Говорит, что отстаивать свободу — и в политике — необходимо, не знаю, насколько он здесь искренен. Но главное, оставить Правлению мост к отступлению. Сам он обещается написать Ник[олаю] Ник[олаевичу Бердяеву]. Не знаю, что ты об этом думаешь. Мне ужасно неприятна переписка с Правлением, особенно после того, как они опять перешли от писем к резолюциям. Но относительно варианта с отсрочкой до осени (первое предложение Зернова), я теперь думаю, что оно может быть дурно истолковано: как желание получить летнее жалование. Нормально, чтобы персональные вопросы о преподавательском составе решались весной, а не осенью, перед самым началом учебного года.

Но, м[ожет] б[ыть], ты мне сообщишь какой-нибудь материал, объясняющий, как надо понимать Правленческую штучку и, следовательно, как к ней относиться.

Здесь опять стоят холода совершенно зимние. Надеюсь, что они не испортят мне и эту поездку.

^a Описка Г.П.Федотова. Правильно: Tavistock.

Не забудь написать мне, подала ли ты прошение о визе, а, если нет, сделай это поскорее. Томкинс уже звонил в Home Office, о чем-то запрашивал по поводу тебя. Позвонит еще раз, или напишет, когда ты подашь прошение.

Наденька эти дни очень нежна ко мне, и старается утешить. Но единомышленников у меня здесь нет кроме Ксении. А душою отдыхаю за чаем в беседах с Левенсоном. Только он по части религии — пас, мы с ним обсуждаем политические события. Писал ли я тебе, что был вместе с ним на заседании парламента, и был растроган простотой и серьезностью тона: совсем земское собрание в старой России.

Просил мисс Ридлей устроить Нину в одно место, без переездов. Она обещала позаботиться. Напиши мне, не слышала ли какой-нибудь критики моей статьи в «Совр[еменных] зап[исках]»¹⁰⁶. Мне важно: ведь я сделал определенное предложение. Кстати, когда следующий №, и писать ли?

Целую и прошу теперь опять писать почаще.

Твой Жорж

№ 35

Письмо Г.П.Федотова — жене

29 апр[еля] 1939 г.

Милая Лялечка.

Я теперь живу мыслью о твоём приезде и все боюсь, что английская виза придет слишком поздно. Умоляю тебя, если ты еще не сделала этого, подать просьбу в British Passport Office. Теперь, с массой беженцев, канцелярии работают страшно медленно, и часто отказывают.

Что мне не пишешь? Я совсем не знаю, что нового у тебя, как вы живете? Илья Исидорович наконец-то написал мне. Но я не вижу из его письма, помог ли он тебе заплатить терм. Вижу еще, что Цетлины в Париже и это беспокоит меня насчет жалованья. Мне деньги нужны поскорее. Или Цетлин мне пришлет сюда ордер на свое бюро, или, что проще, переведи мне по почте. Это последняя неделя, что я на старом месте. Окончательно о дне переезда еще не знаю — выясню сегодня. Немного беспокоюсь думать о новых людях, новых отношениях. С тобой они наладились бы сами собой.

Сегодня еду в Винздор к Ксении на week end. Очень рад встрече с ней и с Кларком, надеюсь найти единомышленников. Повезу ей «Православное дело», в котором вторая статья м.Марии для меня новость, т.к. мне ее не прислали, то масса ошибок, но, при некоторой сумбурности, статья хороша по духу.

Очень прошу тебя, как только получишь эту рукопись, позвонить Зензинову¹⁰⁷ и сказать, что она пришла и узнать, к какому дню ее переписать. На будущее время хорошо, если ты мне будешь напоминать о сроках для статей, а то я забываю.

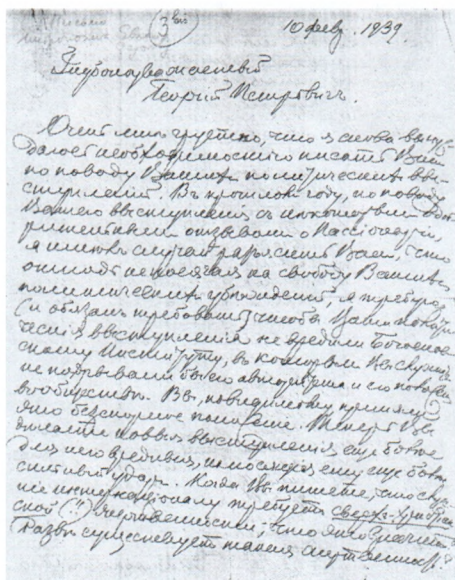
Г.П.Федотов — гимназист. 1903 г.

Г.П.Федотов (сидит второй слева) среди студентов Петербургского технологического института. 1905 г.

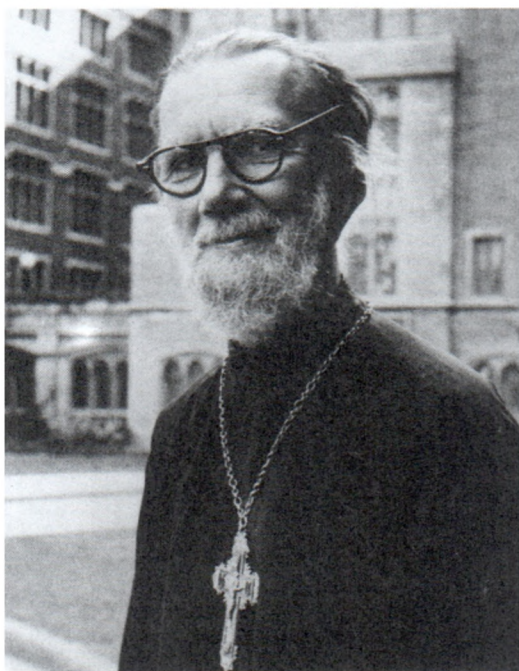
Отец Сергей Булгаков. 1930-е гг.

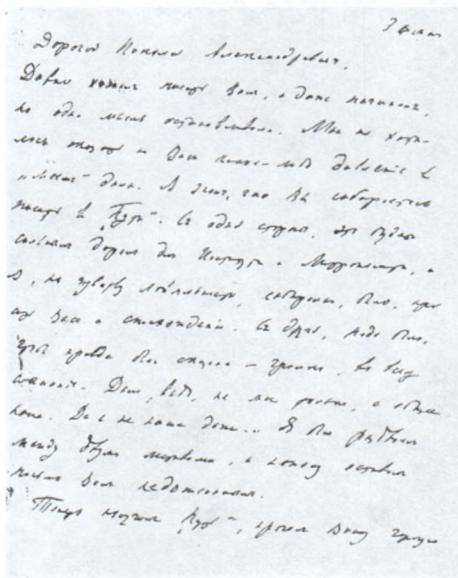
Письмо митрополита Евлогия Г.П.Федотову. 10 февраля 1939 г.

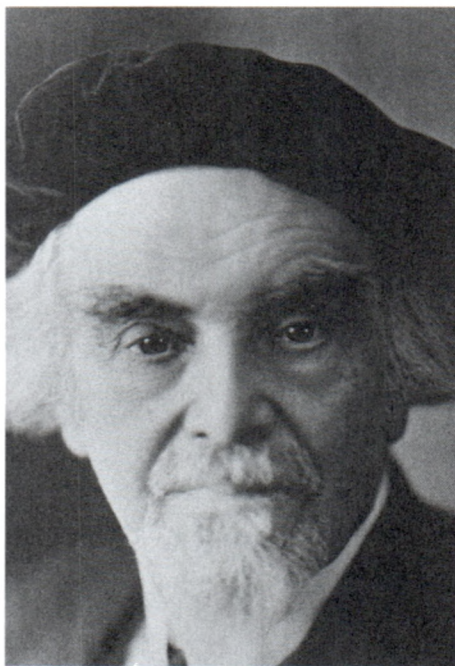
Митрополит Евлогий (Георгиевский).
Конец 1930-х гг.

Отец Георгий Флоровский.
1970-е гг.

Письмо Г.П.Федотова Н.А.Бердяеву.
30 мая 1939 г.

Н.А.Бердяев. 1940-е гг.

Г.П.Федотов.
Конец 1940-х гг.

Г. П. ФЕДОТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

-МАРТИС-
SAM & SAM
1996

Г. П. ФЕДОТОВ

ТОМ
ПЕРВЫЙ

Абеляр

Статьи
1911-1925 гг.

-МАРТИС-
SAM & SAM
1996

Из людей здесь мне больше всего по душе Левенсон, друг Штейна, о котором я писал тебе. С ним у нас часто бывают разговоры за чаем: о политике и об истории, и на более интимные темы. Хорошо будет гулять с ним вдвоем, — он так знает Лондон. На днях молодые Франки водили меня в богемное кафе в Soho¹⁰⁸, но ничего веселого не было, даже спиртных напитков. Виктор не глуп, а Вася просто очарователен. Как сошел Ниночкин концерт? (уже давно). И ее день рождения? Неужели ей уже 23 года?

Целую обоих крепко, крепко.

Ваш Г. Федотов

№ 36
Письмо Г.П.Федотова — жене

[1 мая 1939 г.]

Милая Ляля.

Пишу тебе на Винздора от Кларков, где я уже третий день. Очень меня тепло принимают, я чувствую себя «как дома», т.е., вернее, ни в каком доме никогда за мною так не ухаживали, — но единственно только все портит погода. Сплошной дождь! Не знаю, удастся ли мне погулять. Во всяком случае, смогу отдохнуть.

Посмотри внимательно проект ответа. Мое первое письмо Правлению я, ведь, прислал тебе на просмотр, и ты за него отвечаешь так же, как и я. Тогда «Париж» единодушно его одобрил, а теперь ты выражаешь свое недовольство¹⁰⁹. Т.к. от этого письма зависит, м[ожет] б[ыть], все наше будущее, то, пожалуйста, возьми его на свою ответственность. (Я, во всяком случае, упрекать не буду: у меня скорее фаталистическое отношение к событиям.)

Однако, прежде, чем решать, м[ожет] б[ыть], ты могла бы еще навести справки в Институте об их намерениях. Меня интересует единственно о.Сергий: поправляется ли он, вернется ли к преподаванию, будет ли сопротивляться моему увольнению? Я так хорошо вижу ту грозу, которая может обрушиться на Институт в случае скандала, что удивляюсь, как они не предвидят ее. Мне кажется честнее, чтобы они были предупреждены. Да и жаль Института все-таки, особенно, конечно, студентов. Что ты давно не пишешь о Жене и Вадиме? Поговори с ними. Как рукоположение Жени? Нельзя ли предложить его кандидатуру в «Православное дело»? Я что-то не представляю себе о.Дмитрия¹¹⁰ в новом сане.

Твой приезд в Англию нужно устроить во что бы то ни стало. Иначе ты надорвешься и умрешь. Практически я уверен, что на новой квартире у меня будут экономии, и что нам двоим будет достаточно десяти фунтов. Сейчас не могу сказать определенно, пока не переехал к Вильсонам. Наденька, которая настаивает на твоём приезде, обещает взаимы 1 фунт на дорогу.

Что касается биотерапии, я думаю, что, в случае моего увольнения, евреи¹¹¹ тебя устроят на службу, если понадобится. А это лето тебе надо отдохнуть непременно. А главное, нам надо быть вместе в эти дни, решающие для нас, а, может быть, для всего мира.

Хотя сейчас у меня больше веры в то, что удастся избежать войны.

Я ничего не обещал Ник[олаю] Ал[ександровичу Бердяеву] для майского «Пути». Рецензия для меня значит — выбросить две недели из моего ограниченного времени. Я не читаю серьезных книг, кроме относящихся к моей работе. Но я напишу ему давно задуманную статью об этике¹¹². По существу, это будет мой ответ о.Сергию и всему его направлению.

Вчера, в воскресенье, тут были родственники Брайкевич. Какая хорошая, дружная, культурная семья. Жаль, не было отца — он был в Париже. Я так мечтаю, что у нас с тобой будет близкий по духу home в Лондоне.

Я здесь до субботы 6[-го]. Если успеешь, напиши сюда. А дальше: с/o Wilson 31, Tavendish¹¹³ Square, London W.C.1. «Посл[едние] нов[ости]» здесь получают. Поэтому не присылай номеров до 4-го мая включительно. Целую тебя и Ниночку.

Твой Жорж

№ 37

Письмо Г.П.Федотова — жене

8 мая 1939 г.

Дорогая Лялечка.

Твоя открытка меня, конечно, очень обрадовала. Последнюю неделю в Виндзоре я уже свыкся с мыслью об уходе из Института. Признаюсь, о возвращении в него думаю без удовольствия. Но, конечно, это лучший исход. Только — что весь сей сон значит? Мне мой пессимизм подсказывает, что угроза бердяевской статьи произвела свое действие. Но, если сама статья появится, результат может быть для меня обратный. Я сегодня же пишу Н[иколаю] Александровичу и попрошу его считаться с мнением твоим и м[атери] Марии.

Посылаю тебе статью для «Пути». М[ожет] б[ыть], она велика или опоздала. Но ты, во всяком случае, перепиши ее и постарайся получить за нее аванс. 200 франков пригодятся на дорогу. Я сейчас живу мыслью о нашем свидании. Не беспокойся о деньгах. Если надо будет, 1 фунт я вышлю (от Нади). Я думаю, что ты дождешься майского жалования. Мои новые хозяева (которых я еще не видел) ждут тебя к июню. Конечно, им все равно, но, как я понял со слов Нади, они немного стесняются дамы, твоих возможных требований, убогости постели (довольно узкая, но вроде нашей) и т.д. А может быть, сомневаются в заочном знакомстве. Но я совершенно уверен в твоей способности ладить с людьми. Ты будешь говорить с ними по-русски, или читать, и я уверен,

что мы все четверо прекрасно сойдемся. Только ты дай заранее знать о времени твоего приезда, чтобы я мог предупредить их.

Как я только уехал из Виндзора, начались чудные, почти летние дни. Теперь бы гулять с тобою по Лондону.

Подожди плакать о Сталине. М[ожет] б[ыть], его политика вовсе не так плоха. Англия хочет загреть жар чужими руками, чтобы Россия за нее воевала. Она должна тоже защищать Россию, требование союза совершенно справедливо. Вообще война несколько отодвинулась... А ты плакать! Крепко целую, жду письма от м.Марии и проч.

Твой Жорж

Что «Нов[ая] Р[оссия]? Я не получил последней статьи.
Когда следующий №?

№ 38

Письмо Г.П.Федотова — в Правление Православного Богословского института

20 мая 1939 г.

Я очень сожалею, что мои доводы, изложенные в личной переписке с профессорами Института, не произвели на них впечатления и были оставлены ими без ответа. Для меня они сохраняют, конечно, всю свою нравственную и религиозную силу. Вторичное постановление Правления вынуждает меня формулировать точнее мое отношение к моей публицистической деятельности.

Я считаю, что в этой своей деятельности я совершенно свободен и несу ответственность лишь перед своей совестью.

Само собою разумеется, что в качестве профессора Богословского института я вместе с другими профессорами несу ответственность за его судьбу и потому и в своей внеакадемической деятельности буду стараться, как и всегда старался, оберегать его интересы и доброе имя.

Но, конечно, слагаю с себя всякую ответственность за искажение моих мыслей и выражений.

Член Правления

Г.Федотов

№ 39

Письмо Г.П.Федотова — жене

26 мая 1939 г.

Милая Лялочка.

Что-то от тебя давно нет вестей. Неизвестно, получила ли ты визу. Начинается томление — как бы оно не продлилось все лето. Пожалуйста, держи меня в курсе дела хотя бы открытками.

Если все благополучно, и ты скоро приедешь, то я советую тебе ехать не с вечерним, а с утренним поездом: 1) избавишься от бессонной ночи, 2) полюбуешься морем, 3) и я тебя, наверное, встречу. Если же ты приедешь утром (в четыре часа!), то, вероятно, не сразу сойдешь с парохода, и вообще неизвестно, когда будешь в Лондоне. Да и к семи часам ехать на станцию очень рано.

Погода последние дни стала дивная. Хорошо бы гулять по вечерам. В парках столько цветов.

Здесь получены списки едущих в High Leigh¹⁴. Ни нас, ни Нины там нет. Едут все «победители» с женами: и Ксения Ивановна, и г-жа Зандер¹⁵. Будет и о.Кассиан и Женя¹⁶. Не очень-то мне улыбается нынешний съезд. По малодушию предпочел бы не ехать вовсе. Да уж надо. Зернов везет нас с тобой из сумм на нерусскую православную делегацию, но я обещал ему заплатить по одному фунту за человека. А Нина, верно, не попадает на съезд.

В моих молодых хозяевах я не разочаровался, и хотел бы, чтобы и ты поскорее с ними познакомилась.

Кто, после твоего отъезда, согласен держать меня в курсе парижских дел: м[ать] Мария, Илюша? Я согласен регулярно отвечать на письма.

27 мая 1939 г.

Вчера получил твою открытку. Может быть, тебе следует сходить еще раз в Pas[port] Office, — м[ожет] б[ыть], они получили визу и задерживают ответ. Когда будешь писать мне, не забудь указать, в какой день ты подала прошение.

Сегодня пришел «Путь». Я доволен статьей Н[иколая] А[лександровича]¹⁷. Она не имеет характер неистовый, все правда. Изложение несколько скачущее, как всегда, но гвозди забиваются крепко. Не знаю, какие это будет иметь последствия, но я все-таки доволен, что статья появилась. Испытываю нравственное удовлетворение, что кто-то сказал правду, и — это уже личное — кто-то заступился за мою честь. Перед Бог[ословским] и [нститутом] чувствую себя чистым. Эта сволочь была предупреждена, и у них было довольно времени, сколько месяцев, чтобы почиститься. Мне хочется написать Н[иколаю] А[лександровичу] и поблагодарить его.

Руднев меня обижает. Просит статью в 1 лист. Должно быть, остался недоволен последней статьей. И срок 15 июня. Я хочу предложить тебе: нельзя ли отдать ему статью об этике, если, конечно, Н[иколай] А[лександрович] согласен. Для «Пути» я напишу еще. Мне хотелось бы, чтобы эта статья появилась скорее, т.к. это мой ответ о.Сергию. А в «Путь» не хочет ли Н.А. статью «Плоть и свобода» на ту же тему о крахе православного возрождения (Розанов — Булгаков; Соловьев — Бердяев)?

Слушаете ли вы по радио Бетховенские концерты Тосканини из Лондона? Это мое самое большое наслаждение, т.е. по радио, так как концерты неимоверно дороги, и билеты проданы с февраля месяца. Вчера слушал Missa solemnis¹⁸ со смешанным чувством. Ничего похо-

жего на мессу и на христианство. Разве конец, — вернее sanctus¹¹⁹. Но это меня приподняло. Я изнемогаю над своей работой, но не отчаиваюсь. Знаю, что мне есть, что сказать, и что это связано со всем, что мир сейчас переживает, и от чего мы гибнем. Но я устал, да и борьба с источниками не легка (нет нужных книг). М[ежду] прочим, я начал читать рукописи русские в Бр[итанском] м[узее]. Здесь интересного мало, но это дает чувство русской жизни. Я в первый раз в жизни это испытываю, для историка это основной опыт (на 53 г. жизни — рукописи, на 50 г. — музыка, на 40 г. — велосипед)! Не нужно отчаиваться в старости.

Крепко целую

Жорж

№ 40

Письмо Г.П.Федотова — Н.А.Бердаеву

*C/o A.D.Wilson, 3
1.Tavistock Sq.
London W.C. 1.*

30 мая 1939 г.

Дорогой Николай Александрович.

Давно хотел написать Вам, и даже начинал, но одна мысль останавливала. Мне не хотелось оказать на Вас какое-либо давление в «моем» деле. Я знал, что Вы собираетесь писать в «Пути». С одной стороны, это будет сильным ударом для Института и митрополита, и я, по чувству лояльности, собирался, было, просить Вас о снисхождении. С другой, надо было, чтобы правда была сказана — громко, во всеуслышание. Дело, ведь, не мое только, а общее наше. Да и не наше даже... Я был раздвоен между двумя мотивами, и потому оставил письмо Вам недописанным.

Теперь получил «Путь», прочел Вашу горячую статью и хочу Вам сказать спасибо. Не знаю, какие она может иметь последствия — для Института и для меня. Но хорошо, что есть человек, который, когда говорит, думает о правде, а не о последствиях. Это Ваше призвание и место в мире. Я горько жалею, что не имею такого права, и, будучи на 1/2 или на 3/4 существом социальным, должен влачить гирию каторжника. С какой бы радостью сейчас ушел из Института и почувствовал бы себя совершенно свободным! Но! — столько разных но... «Православное дело» с первого же дня конфликта стало на ту точку зрения, что я должен остаться в Институте. Да и студентов жаль, среди них есть настоящие друзья, которых я приобрел недавно. Но признаюсь откровенно, в глубине души я был бы рад, если бы Ваша статья переполнила чашу, и меня уволили бы из Института. Право, об этом мечтаю. Невыносимо думать, что осенью буду сидеть за столом с этими бесчестными людьми.

Ваша статья очень хорошо написана. Единственно, что можно по поводу нее возразить (и что мне пришло в голову только после разговора с нашим общим другом Н.Д.Городецкой): она доказывает слишком много, и защищает не только свободу, но и «левую» свободу. Это сужа-

ет круг лиц, на сочувствие которых можно было бы рассчитывать. Взять хотя бы Надежду Даниловну. В ней нет ничего левого, по традиции она принадлежит скорее к правому лагерю, но она понимает свободу, и нам сочувствует. Если устраивать Союз защиты христ[ианской] свободы, то нельзя обойтись без таких людей (как напр[имер] Франк, Вышеславцев, Струве). А левых православных христиан — вообще кот наплакал, и с ними никаких союзов устраивать нельзя.

Ваша сила не в союзах, а в одиночестве, и я Вам завидую. М[ожет] б[ыть], когда-нибудь и я завоюю себя право на личную свободу, а пока буду тянуть цепь социального послушания.

Так хорошо бы увидеться с Вами. Ваш кламарский дом теперь представляется каким-то замком последних рыцарей (Монсальвадор). Будьте только благоразумны, берегите свои силы, старайтесь не тратить их на вспышки гнева, хотя бы праведного. Надеюсь, что летом Вам удастся отдохнуть и полечиться. А с осени будем вести общую борьбу, плечо к плечу.

Сердечный привет Лидии и Евгении Юдифовне¹²⁰. Еще раз спасибо.
Ваш преданный

№ 41

Письмо Г.П.Федотова — жене

1 июня 1939 г.

Милая Ляля.

Ты не едешь и не пишешь, и мои нервы начали сдавать. Нет ничего хуже ожидания — для меня, и почти каждое лето повторяется эта пытка. Ты не виновата, разумеется, разве, может быть, тем, что поздно подала прошение. Жду от тебя ответа, чтобы писать Томкинсу. Да и не знаю, насколько его звонки помогут, если министерство так завалено беженскими бумагами.

От усталости или от нервов, но я почти не могу писать. Драгоценное время уходит зря, на чтение. Мне почему-то кажется, что твой приезд чему-то поможет, внесет какой-то порядок в жизнь: по вечерам будем гулять, и голова отдохнет от книг. А главное, так хотелось бы поговорить обо всем, — вернее, даже не поговорить, а почувствовать согласие в главном. А больше всего мне хотелось бы очутиться сейчас где-нибудь во французской глуши, с велосипедом, и выдуть из мозгов всю засевшую там дрянь. Надеюсь на август. Что будет зимой? Останусь ли я в Институте? Вероятно, это решится в июне, недели через две. Если останусь, какая трудная жизнь: быть «тов[аришем] председ[ателя]» Общ[ества] защиты свободы и сидеть в Институте с врагами. Ты права: надо уйти из Правления, на это у меня не хватит ни выдержки, ни нервов. Остается митрополит и личные отношения. Ах, теперь бы начать новую жизнь — совершенно новую. Силы еще есть — последние — писать то, что думаешь, все, что думаешь, и только то, что думаешь. Мечты! Очень бы мне хотелось повидать Ниночку. Ты пишешь, что она ве-

села и счастлива, а мне, когда я о ней думаю, становится так жаль ее. Не по личным причинам, а просто по тому, что жизнь тяжела. И даже это не так. А что кончается старостью и смертью. Это очень странно. Но именно теперь, когда все больше думаю о смерти, она кажется страшнее для Нины. Именно на этом факте я убедился, что люблю ее. Любовь к беззащитности, к обреченности. И ты ничем не можешь помочь. Ну, это вздор. Напиши непременно, когда предполагается ее приезд, и от чего и от кого он зависит.

Маленькая поправка: в Оксфорд нас приглашают на 2 недели. Следовательно, после отъезда остается еще одна неделя в Лондоне. Барышни Сполдинг¹²¹ просят сказать, когда мы приедем: т.е. сейчас же после съезда — числа 6-го июля — до 20, потом неделя в Лондоне, или неделя в Лондоне 6—13, а потом Оксфорд, откуда прямо во Францию (моя виза кончается 27 июля). Что ты думаешь? Напиши.

Но я надеюсь, что вместо письма увижу тебя самое — усталую, похудевшую, никуда не годную и все-таки милее всех. Я уверен, что ты отдохнешь и поправишься, — можешь спать сколько угодно. Только не надейся на тепло, тут так переменчиво, за один день климат меняется по несколько раз.

Ну, крепко вас целую.

Жорж

№ 42

Письмо Г.П.Федотова — жене

[Июнь 1939 г.]

Дорогая Ляля.

Я написал Томкинсу, говорил с Ридлей, остается вооружиться терпением. Я сам ждал визы с месяц. Если ты подала прошение 12 мая, то есть надежда получить в середине июня. Очень обидно, теперь стоят чудные дни, и уже деревья отцветают. Мое состояние объясняется в значительной мере усталостью. Я не могу больше работать, т.е. целый день, и должен проводить много времени в садах. А т.к. я один не могу много предаваться созерцанию, и не получил достаточной тренировки в умной молитве, то должен читать что-нибудь, а как раз от книг голова ломается. С тобой мы хорошо бы гуляли и отдыхали.

Теперь, в воскресенье, провел один целый день в Кью Гарденс¹²² и, несмотря на роман в кармане, сегодня чувствую себя значительно лучше.

Ты знаешь, я написал Бердяеву после его статьи. Она показалась мне не такой резкой, как я ожидал, и все в ней было правда. Я благодарил его, хотя сказал, что так говорить правду может он благодаря его одиночеству, а я обречен нести социальные цепи, хотя мне это и очень тяжело.

Узнав о буре негодования, вызванной его статьей, я решил, что в Институте мне не быть. От меня потребуют, так или иначе, отречения от Бердяева, особенно в связи с Лигой Христ[ианской] свободы¹²³. Я не

могу пойти на предательство по отношению к Н[иколаю] А[лександровичу]. Вчера мне уже казалось, что мое будущее предрешено. Сегодня ты пишешь, что в Институте мое дело считается ликвидированным. Опять неизвестность. Я уверен, что сейчас меня не уволят. Но осенью мое положение будет отвратительное.

Зеньковский меня удивил своей поспешностью. Я не думаю, чтобы этот человек способен поддаваться аффектам. Он естественно клонится, куда ветер дует, но обыкновенно не теряет меры, стараясь сохранить и в подлости остаток благородства. Он должен понимать, что война с Бердяевым может стоить жизни Институту. Или он лучше меня знает настроение заграничных кругов? В метеорологии мне с ним не сравниться.

Но что мне вовсе не нравится, это перепечатка бердяевской статьи у Керенского. И по существу: не к чему перед евреями развешивать позор Правления, и тактически. Все убеждены, что я член редакции «Н[овой] Р[оссии]» и что я отвечаю за помещение статьи. Придется ли мне дезавуировать Керенского? Писать, что я не отвечаю? Это глупо и по отношению к Б[ердяеву] не корректно.

Положение м.Марии хуже моего. Из монашества в отставку не выходят, и на карту поставлено «Правос[лавное] дело».

Мисс Ридлей говорит, что для Нины есть возможность устроиться в Deith (это на западе Англии небольшой старый городок)¹²⁴, но что она ищет лучшего, поближе к Лондону. Я не знаю, какие преимущества дает близость к Л[ондону]. Только билет. Что ты думаешь?

Мне опять не прислали «Нов[ой] Рос[сии]». И я опять не знаю, писать ли и когда?

Помнишь, что я просил тебя сделать для «Совр[еменных] зап[исок]». У меня нет для Руднева другой статьи, кроме того, что написал для «Пути». Если обе стороны согласны на переуступку, это меня очень устраивает. Но Руднев торопит с ответом. Что Женя?

Целую.

Твой Жорж

Целую Ниночку.

№ 43

Письмо Г.П.Федотова — жене

[июнь 1939 г.]

Дорогая Ляля.

Два дня тому назад пришел ответ от Томкинса, который написал еще раз в министерство и уверен в скором получении визы. Не знаю, прав ли он, но я приободрился. На случай, если ты, действительно, приедешь неожиданно, исправляю мой предложенный маршрут, чтобы было проще найти мой дом. От угла Tottenham Court Rd и Euston Rd, где ты слезешь с автобуса 29, иди направо по Euston Rd до церкви (св. Панкратия) и тут сверни опять направо по Upper Woburn Place, по ко-

торому дойдешь до моего сквера (Tavistock Sq.). Здесь тоже иди направо до № 31. Если хочешь, можешь по Euston и проехать на любом автобусе до т[ак] наз[ываемой] Euston Station, напротив церкви.

Мои милые хозяева принимают большое участие в нашей судьбе и ожидают тебя с нетерпением. Из твоих парижских рассказах самое грустное, конечно, это развал «нашей» группы. Если отчасти тут виновен Ник[олай] Ал[ександрович Бердяев], то все-таки главная вина падает на православную печать, которая с самого начала дезертировала, и Руднев даже перекинулся к Зеньковскому. Неужели теперь и Фондаминский разрушает фронт? Без печати, по-моему, не стоит и начинать Лиги. С одним «Православным делом» она не будет иметь никакого влияния, и «Прав[ославное] дело» может потопить. По-моему, Лига окончател- но провалилась, лучше не начинать ее.

Керенский совершил два преступления: во-первых, перепечатал статью Н.А.[Бердяева], которая вовсе не предназначалась для американских евреев, а во-вторых, дезертировал из Лиги (с Фондаминским?).

Я ничего не имею против остаться втроем с тобой и Н.А. — даже вдвоем, в крайнем случае. Душою я с «Прав[ославным] д[елом]», их очень люблю, но они должны быть сейчас осторожны, м.Мария несет риск побольше моего. Когда ты приедешь, можно будет на время позабыть про парижские дела.

Здесь я давно не видел никого из русских, т.к. не было службы прошлое воскресенье, и я не знаю еще, какова реакция на статью Бердяева.

Стоят очень жаркие дни, и вчера от удушья я с головной болью лежал в парке; но это, конечно, не надолго. Уже сегодня прохладнее, т.е. в меру тепло.

Что ты скажешь насчет политики? С Русским союзом, кажется, выходит по-моему, несмотря на единодушный протест «Нов[ой] Рос[сии]» еще недавно и на Алексеева¹²⁵, который с боем прикрывает отступление. Алексеев — у них он единственный человек с политической головой, но я опять расхожусь с ним на 180 градусов — и для России, и для Европы. Насколько я ощущаю, он впал в реакцию — оттого, как Керенский, верит в интернационализм Сталина. Ведь иначе пришлось бы записать Сталина в евразийцы, а это очень неприятно. В сущности, Алексеев настоящий сталинец, но, боясь смотреть правде в глаза, предпочитает не видеть настоящего Сталина.

После статьи в «Нов[ой] Р[оссии]» как убога речь генерала Деникина на банкете. У этого человека никакой мысли, одно благородство, но надеющиеся вопреки очевидности.

Кривицкий¹²⁶ полностью подтвердил мое, или наше с тобою, понимание испанских событий, — а не Керенского. Сталин в Испании играл не в пользу революции, а в пользу своей России, хотя и гнусно играл. Но это уже гнуснейший национализм, во вкусе Макиавелли и абсолютизма. От этого человека действительно пахнет тираном XVI века, это по сходству с Ближним Востоком, к которому он принадлежит.

Когда едет Ниночка, и какие пожелания могу я сделать на ее счет у мисс Ридлей?

Целую Вас крепко.

Ваш Г.Ф.

Если паче чаяния получишь визу скоро, прошу тебя выехать утром из Парижа 10.29 (или около того). Приезжаешь в Лондон на Victoria St[ation] в 18.12 (переезд Диепп — Ньюхэвен). Если не успеешь мне написать, и я тебя не встречу, то оставь тяжелые вещи на хранение (Cloak Room) 3, и приезжай на автобусе № 29. Его конечная станция как раз Виктория, на площади вокзала. За три пенса доедешь до Euston Rd, от туда до нас пять минут ходьбы. По Euston Rd направо, и, перейдя Gower St, в первую улицу еще направо. Спрашивай Tavistock Square. Там целая сеть маленьких переулков, но это в двух шагах от Euston Rd. В № 31 тебе придется позвонить (у меня есть ключ) и спросить кв. Вильсонов. Это верхняя половина дома (2—3 этаж по англ.). У них вторая дверь, звони еще раз. В 7-м часу кто-нибудь всегда дома. Я сам прихожу не раньше 9, а то и в 11. Лучше напиши или телеграфируй.

Г.Ф.

Тебе надо договориться о получении и пересылке денег с Евг[ением] Михайловичем, или как ты сама решишь.

Г.Ф.

№ 44

Письмо Г.П.Федотова — Н.А.Бердяеву

21 июня 1939 г.

Дорогой Николай Александрович.

Я не знаю, нужно ли Вам отвечать Правлению сейчас или выждать опубликования документов. Если Вы решитесь отвечать сейчас, то, по моему, оставляя в стороне вопрос об ультиматуме, письмо Правления достаточно противоречиво (как и его резолюция) и дает Вам прекрасный материал для критики. С одной стороны, не посягаем на публицистику Г.Федотова, с другой просим (!) воздержаться от того, что приносит вред Институту. Средняя посылка: — гнев «Возрождения» — вред Институту. Это глупо до последней степени и Вы можете ограничиться указанием этого противоречия, оставив дальнейшее до опубликования документов.

Что касается «ультиматума», то Вы правы по существу, и даже слово было упомянуто, но в частном письме, на которое ссылаться сейчас невозможно.

Если они действительно опубликуют документы с моими ответами, это будет для них позором: они распишутся и в своей бедности, и в получении пощечины. Не понимаю, как они могли об этом заикаться. Очевидно, они навлекли гнев Юпитера.

Что касается моего участия в полемике, то пока я считаю удобным воздержаться. Я выступлю в том случае, если 1)они опубликуют неточно или неполно, и 2)если они позволят нападки на меня в своем комментарии. Если нет, я считаю, что моих ответов Правлению более, чем достаточно. Их опубликование даст мне самое большое удовлетворение.

Мое поведение определяется двумя противоположными соображениями: не уступать в главном и не доводить до разрыва. Если разрыв наступит, то пусть это будет не по моей вине. Поэтому в борьбе я должен ограничиваться самой необходимой обороной.

Не думайте только, Николай Александрович, что я могу Вас предать. Если кто-нибудь надеется на то, чтобы нас разделить (так, по видимому, рассчитывают в Институте), то это не пройдет. На этот счет я не оставляю ни у кого никаких сомнений. Но Вы можете себе позволить в борьбе то, чего я пока не могу.

По поводу некоторых реакций на Вашу статью. Для Вас, может быть, будет ценно узнать, что и о.Сергий и Франк по существу с ней согласны, находят только резкой по форме, и о.Сергий боится осложнений. А вот одна реакция, меня даже удивившая. Привожу дословно из письма ко мне Саблина:

Прочел замечательную статью Б[ердяева] в газете Керенского. Я ставлю ее в уровень с толстовским «Не могу молчать». Жалею, что статья эта появилась в журналах сравнительно мало читаемых. Таковую статью следовало бы распространить в сотнях тысяч экземпляров. В самом деле, пора начать борьбу за реформацию, мало того — ЗА РЕВОЛЮЦИЮ в православной церкви. В моем доме многие ее читали и все одобрили, — «ибо Б[ердяев] сказал правду».

Саблин показал мне и письмо, которое он в феврале написал митрополиту по моему делу. Очень резкое письмо, которое должно было произвести впечатление.

Ну, а большинство, я думаю, перепугано.

Желаю Вам поправиться и поменьше сейчас думать о нашем болоте и лягушачьем переполохе. Ко мне приехала, наконец, Елена Николаевна, и я тоже готов на время забыть о лягушках.

Шлю всем Вашим самый горячий привет.

Искренне Ваш

Г. Федотов

№ 45

Заявление Правления Православного Богословского института

[Июнь 1939 г.]

М.Г. г-н Редактор

Правление Богословского института в Париже просит Вас дать место в Вашем органе следующему заявлению.

В журнале «Путь» (№ 59) Н.А.Бердяев напечатал статью с резкими и несправедливыми нападками на Православную церковь и на Бого-

словский институт, в частности. Эта статья, с предисловием еще более резким, была затем перепечатана в «Новой России» и цитируется другими газетами. Правление Богословского института считает себя вынужденным указать на то, что вся статья Н.А.Бердяева основана на совершенно неверном изложении фактов. Совершенно неверно, прежде всего, что проф[ессору] Федотову был, якобы, предъявлен какой-то «ультиматум». Неверно и то, что от него требовали прекращения публицистической деятельности и отказа от политической работы. Неверно и то, что проф. Федотову Правление вменяло в обязанность придерживаться каких-либо политических воззрений. Правление имело лишь суждение о политической публицистике проф[ессора] Федотова, возбуждавшей соблазн во многих верующих, и просило проф[ессора] Федотова в дальнейшем воздерживаться от выступлений, могущих повредить Богословскому институту.

В виду того, что все это дело, вопреки желанию Правления, было передано широкой огласке, Правление считает необходимым в ближайшее время напечатать все относящиеся к этому делу подлинные документы.

Настоящее заявление рассылается во все повременные издания.

Правление Православного Богословского института

№ 46

Письмо В.В.Зеньковского — Г.П.Федотову

23 июня 1939 г.

Дорогой Георгий Петрович.

Простите, что тревожу Вас все по тому же злосчастному делу. Мы все очень надеялись, что время окончательно сгладит наши расхождения с Вами и что осенью мы снова будем работать вместе. Оттого мы не отвечали ни официально, ни официально на Ваши два последних письма, чтобы своими замечаниями и возражениями не заострять вопроса. Но увы — Н.А.Бердяев своей статьей, оскорбительной для нас и пустившей в оборот неверные сведения (об ультиматуме и т.п.) вновь заострил положение. Однако и после статьи Бердяева, мы, обсудив положение, решили на его вызов не отвечать. Я только лично послал письмо Н[иколаю] А[лександровичу], что ввиду оскорбительных слов по адресу профессуры, я решительно отказываюсь от сотрудничества с ним и по Р[елигиозно]-ф[илософской] академии и в «Пути».

Увы, на этом деле не кончилось. Редакция «Н[овой] Р[оссии]» перепечатала всю статью Бердяева, да еще снабдив предисловием, идущим дальше обвинений Б[ердяева] — а в то же время мы получили ряд запросов (большинство из Эстонии), неужели верно, что мы прогоняем Вас из Института. (Это вроде слуха, циркулировавшего в Париже в конце мая, что мы перестали выдавать деньги Е[лене] Н[иколаевне] — это как раз было тогда, когда в кассе не было ничего и нам, после больших

усилий, выдали — конечно, и Е[лене] Н[иколаевне], четверть жалования...).

Все это побудило нас к двум мерам: 1)мы послали во все газеты (и в «Путь» и в «Н[овую] Р[оссию]») письма с опровержением главных неверных сведений в статье, 2)чтобы не быть голословными, мы решили напечатать подлинные тексты: текст постановления Правления и тексты писем (официальных). (Кстати, «Посл[едние] Нов[ости]» отказались напечатать наше письмо по двум предлогам: 1)наше письмо голословно, ибо не содержит точного текста постановления Правл[ения], 2)они не писали ничего против Института, не видят надобности печатать наше опровержение).

По плану брошюры нам следовало бы напечатать Ваше большое письмо (не в Правление, а коллегии профессоров), но напечатать его целиком а) мы не можем без Вашего согласия на то, ибо это все же частное письмо, в) в письме Вашем есть много суждений, могущих породить лишние недоразумения, — они не являются аргументацией у Вас, а просто написаны «между прочим». Как пример, приведу то, что письмо кончается словами «собака лает, ветер носит». Поэтому, если Вы дадите согласие на напечатание Вашего письма, то сообщите, согласны ли на то, чтобы выделить в письме самую аргументацию, опустив все, что не имеет прямого отношения к ней, но задевает ряд людей.

Очень прошу Вас немедленно мне ответить по моему личному адресу.
Преданный Вам

В.Зеньковский

№ 47

Письмо С.Булгакова — Г.П.Федотову

19 июля 1939 г.

Дорогой Георгий Петрович.

Я был очень обрадован Вашим письмом, благодарю Вас и Е[лену] Н[иколаевну] за Ваши добрые чувства ко мне и плачу за них взаимностью, которая никогда не прекращалась. И тем не менее, не скрою, что оно и было тяжело своим настроением, хотя и «иреническим», но не «агапическим»^а, как по отношению к людям, которых я люблю на протяжении долгих лет, а особенно теперь, так и по отношению к общему положению нашего дела, вверенного нам Богом со всей за него ответственностью. Я уходил в болезнь, когда начинались наши несчастные недоразумения, которые, я уверен, разрешились бы на месте, если бы нас не разделяло расстояние. В том умирании, в котором я находился, стоя перед лицом Божиим, для меня совершенно перестало существовать это недоразумение. Я не только забыл его, как несуществующее, но оно обличилось в этой своей ничтожности, растаяло, как воск от лица огня. Не примите этого за надмение или равнодушие, свидетельствую по ис-

^а Буквально: «миролюбивым, но не полным духовной любви» (греч.).

тине, что я в своем смертном одиночестве любил всех какой-то радостной любовью, каждого по-своему, и Вас любил, и не переставал и не перестаю Вас любить, но тогда еще иначе, чем всегда, в Боге, радостно. Поэтому, когда я уже стал возвращаться к жизни и стал узнавать прошедшее и происходящее за это время, то я испытывал скорбное недомогание: неужели это продолжается и люди живут этим? Это основное чувство остается у меня и теперь. Можно и должно увидеть жизнь так, что это взаимное разжение и разжигание перестанет существовать, а с этим погаснет и сам костер. И это есть главное, что я хотел бы внести в начавшуюся распря, где оказались «стороны». Я знаю, что меня легко обвинить в маниловщине и сентиментальной уклончивости от ответственности, — пускай, но я чувствую здесь только одно: надо остановиться. Прошу взаимной амнистии. Конечно, главная трудность в осуществлении мира, победы иренизма, заключаются в новом продолжении новых взаимных обвинений, которые waren besser ungeschrieben geblieben^a, и к устранению их возможностей и должны быть приложены во всех направлениях усилия всех сторонников иренизма. Я боюсь, что перед новыми искушениями продолжающейся полемики иреническое настроение бессильно будет спасти положение, а каковы будут последствия для нашего дела, которое мы все любим, трудно предусмотреть. Таковы мои настроения, которые я позволяю себе выразить в ответ на Ваше письмо.

Сам я далеко не могу быть уверен, насколько я окажусь способен принять активное участие в продолжении работы в Институте, как бы я сам этого не хотел. Во всяком случае, в теперешнем состоянии об этом еще не может быть и речи, хотя я могу кое-что царапать и читать. Я даже не могу сейчас пригласить Вас к себе, п[отому] ч[то] от напряжения у меня появляется кровь у горла, с которой я никак еще не могу справиться, и это есть первое предварительное условие для возвращения и работы преподавания (не говоря уже о голосе). Поэтому нашу личную встречу придется на некоторое время еще отложить. Во всяком случае, трудности наши «хотя велики», но не неодолимы, была бы лишь с обеих сторон добрая воля. Я не могу настаивать, чтобы Вы оставались в Правлении, если Вам этого не хочется, или если Вы чувствуете потребность сделать этот жест. Но лично я буду об этом особенно жалеть, п[отому] ч[то] Ваше отсутствие — при наличии в Правлении всех других профессоров — будет именно для меня особенно чувствительно, а кроме того, при личном общении скорее могут быть изживаемы, а вместе и устраняемы, неизбежные неточности и недоразумения, от которых не свободна, насколько могу судить, и последняя Ваша информация. А между тем, такая неточность содействует ненужному обострению.

Еще раз прошу Вас принять выражение моей любви и уважения к Вам. Но всем нам нужно себя взаимно проверять и в этой проверке избегать неизбежной односторонности влияний.

Ваш прот. С. Булгаков

^a Лучше бы оставались ненаписанными (нем.).

Сравнительно еще недавно я стал владеть пером вместо карандаша, и простите мне мою нескладицу. — Благодарю Вас за согласие участвовать в комитете по изданию «Невесты Агнца»¹²⁷. Я имею сведения о все ухудшающемся состоянии здоровья владыки митрополита. Еще сегодня он писал, что к глухоте и прежним недугам прибавилась рвота, которую связывают с каким-то мозговым кровоизлиянием, хотя непосредственно не угрожающим, но требующим внимания и лечения. Кажется, его посылают на юг.

Послесловие С.С.Бычкова

Данная переписка впервые публикуется полностью. Первая попытка была предпринята в 1996 г. парижской исследовательницей Даниэль Бон. В журнале «Звезда» № 10 ею было опубликовано 19 писем, в том числе как письма самого Г.П.Федотова, так и несколько писем к нему. Часть писем дана в отрывках. Вторая — летом 2002 г. профессором Н.А.Струве и Т.В.Викторовой. В журнале «Вестник русского христианского движения» № 184 (Париж-Нью-Йорк-Москва) было опубликовано 18 писем. Эта публикация особенно ценна тем, что впервые увидели свет письма монахини Марии (Скобцовой) и Ф.Т.Пьянова к Федотову. Они помогают глубже понять противостояние, возникшее между профессурой Свято-Сергиевского богословского института и единомышленниками Г.П.Федотова. Публикация еще раз подтверждает правоту оценки, данной в свое время Свято-Сергиевскому институту его выпускником, профессором-протопресвитером Александром Шмеманом: «...это не была какая-то единая школа мысли с общепринятой программой».

Как уже отмечалось, переписка Г.П.Федотова была расшифрована Г.Я.Аронсоном. Это был титанический труд, поскольку почерк Федотова крайне труден для прочтения. Однако, многие слова, особенно иностранные, остались нерасшифрованными. После смерти Г.П.Федотова его бумагами занялась вдова, Елена Николаевна. Она еще раз внимательно просмотрела расшифровки Аронсона и внесла необходимые поправки и примечания. Эта копия переписки с ее правкой хранится в семейном архиве Федотовых и была любезно предоставлена нам его внучкой — Татьяной Рожанковской-Коли. Пользуемся случаем, чтобы еще раз поблагодарить Т.Ф.Рожанковскую за возможность сверить рукопись из Бахметьевского архива с копией из семейного архива.

Примечания

⁵⁴ Речь идет об о.Георгии Флоровском.

⁵⁵ Имеется в виду Илья Исидорович Фондаминский.

⁵⁶ Имеется в виду Ада Дмитриевна Ольденбург, жена Сергея Сергеевича Ольденбурга, сотрудника газеты «Возрождение». Их дочь Зоя была близкой подругой Нины Федотовой. Упоминается в дальнейших письмах.

⁵⁷ Имеется в виду Е.Ламперт.

⁵⁸ Речь, по-видимому, идет об англичанке Мари Уайт, подруге жены Федотова.

⁵⁹ В 1914–1915 гг. Г.П.Федотов собирал материалы для магистерской диссертации о меровингских епископах, но война помешала завершению работы. В студенческие годы он написал исследование «Святые епископы меровингской эпохи».

⁶⁰ Речь идет о публикации русским мыслителем В.Н.Ильиным (1891–1974) статьи в газете «Возрождение» «Идеологическое возвращенчество» от 1 февраля 1935 г. в защиту о. Сергия Булгакова, а также статьи от 7 декабря 1935 г. под псевдонимом «П.Сазонович». Опубликовав свои статьи в светской прессе, В.Н.Ильин сделал, таким образом, скандал вокруг учения о.Сергия достоянием общественности. За это получил порицание профессуры Богословского института.

⁶¹ Письмо от 7 марта было написано в основном о.Георгием Флоровским. В.В.Зеньковский, желая смягчить жесткость тона, написал еще одно письмо. Позже, уже после 2-й мировой войны, о.Георгий вспоминал: «Когда я был в Париже, между мной и Зеньковским всегда возникла напряженность. Я считал, что проблемы нужно ставить остро, а он все проблемы ставил мягко, ужасно мягко. И вы оказывались совершенно погрязшим в каком-то киселе. Зеньковский, со своей стороны, говорил, что я слишком определен, крут, резок и не допускаю возможности ошибки. Но вы же знаете мой темперамент. Я считаю резкость добродетелью» (Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 234).

⁶² В.В.Зеньковский упрекает Г.П.Федотова в том, что он вовлек в скандал своих единомышленников по «Православному делу», и прежде всего монахиню Марию (Скобцову).

⁶³ *Дубревский Вадим* – студент Свято-Сергиевского Богословского института.

⁶⁴ *Карташев В.* (1875–1960) – профессор библеистики Свято-Сергиевского Богословского института. Подготовил первый православный учебник по курсу Священного Писания Ветхого Завета, который, к сожалению, до сих пор не издан. Предателем его Федотов называл, видимо, потому, что Карташев весьма осторожно относился к ветхозаветной библейской критике, получившей особое развитие в протестантском богословии. Однако, в актовой речи 13 февраля 1944 г., которая прозвучала в Свято-Сергиевском Богословском институте, он учел все достижения ветхозаветной критики. Через три года эта речь была издана отдельной книгой – «Ветхозаветная библейская критика». Его коллега по Богословскому институту, епископ Кассиан (Безобразов) вспоминал об этой актовой речи: «На нее болезненно реагировал и такой бесстрашный человек, как покойный митрополит Евлогий. Владыка был, конечно, не прав. Можно соглашаться или не соглашаться с теми конкретными результатами, к которым пришла или приходила библейская наука в Западной Европе. Теория Велльгаузена о происхождении Пятикнижия вызывает и чисто научные возражения. Но нельзя отрицать за ученым богословом право критического исследования, искания человеческих истоков богодухновенных писаний. Тем более, что верность Антона Владимировича Халкидонскому догмату утверждает не только право человеческого начала, но и примат Божественного. Этим приматом Божественного отмечено все служение Антона Владимировича. Ему верна и библейская работа. С какою силой она проступает в этой книжке, которая вызвала столько толков!» (Еп. Кассиан Безобразов. Антон Владимирович Карташов // Православная мысль. Париж, 1957. № 11).

⁶⁵ *Сове Борис Иванович* (1899–1962) – русский православный библеист и специалист по литургике. Окончил Свято-Сергиевский Богословский институт, был оставлен профессорским стипендиатом по Ветхому завету. Продолжил обу-

чение в Оксфордском университете, после чего стал доцентом Богословского института. В 1936 г. представил свои «Тезисы по Священному Писанию Ветхого Завета» на I Конгрессе православных богословов в Афинах. Шесть пунктов его доклада не утратили своей актуальности и поныне. Последнее его пожелание о создании в Иерусалиме общеправославного Библейского и Археологического института так и осталось неосуществленным. С 1939 г. жил в Хельсинки, занимаясь в основном литургическими проблемами.

⁶⁶ *Левенсон Георгий Николаевич* (1886–1962) – специалист по банковскому делу, сотрудник Лондонского филиала Парижского банка.

⁶⁷ Видимо, речь идет о Семене Ивановиче Штейне (1873–1951), историке, старом друге Федотова. Он покинул Россию в 1920 г. и обосновался в Берлине.

⁶⁸ Имеется в виду Н. Городецкая.

⁶⁹ *Duddington Наталья Александровна* (1886–1972) – дочь писателя А.И. Эртеля (1855–1908). С 1907 г. вторая жена англиканского священника Джона Найтингейла Дадингтона. Много переводила с русского на английский.

⁷⁰ Непонятно, о какой статье Дубревского идет речь. Статья Ламперта, скорее всего, – «Пути Израиля» (Новый град. 1939. № 14).

⁷¹ Неустановленное лицо.

⁷² Речь идет, по-видимому, об Алексее Петровиче Наумове (умер в Лондоне в 1969 г.), члене российского благотворительного общества.

⁷³ Скорее всего, имеется в виду англиканский священник Пол Филипп Лервертофф (1878–1954).

⁷⁴ Речь идет о сыновьях русского философа и богослова Семена Людвиговича Франка (1878–1950) – Викторе (1909–1972) и Василии (1920–1996), а также о его дочери Наталье (по первому мужу Скорер, по второму – Норман) (1910–1999). Ее первый муж, Поль Скорер, погиб в морском сражении в 1943 г. Был еще один сын – Алексей (1912–1969). Но сына Сергея не было. Скорее всего, это описка Федотова.

⁷⁵ Имеется в виду *Португейс Стефан Иванович* (1881–1944) – журналист, публицист. Писал под псевдонимами Ст. Иванович, а также В.И. Талин.

⁷⁶ Неустановленное лицо.

⁷⁷ Неустановленное лицо.

⁷⁸ Неустановленное лицо.

⁷⁹ Имеется в виду *Арчибальд Дункан Вильсон* (1911–1983) – будущий посол Великобритании в СССР (1968–1971). В 1939 г. сотрудник Британского музея. Жена – Элизабет, урожденная Флеминг.

⁸⁰ Речь идет о Зое Ольденбург.

⁸¹ Имеется в виду Вадим Дубревский, студент Свято-Сергиевского Богословского института, которого по-отечески опекал Федотов. Елена Николаевна Федотова относилась к Вадиму как к сыну. Федотов еще в 1940 г. пытался разгадать грядущий путь Вадима. В письме из США от 30 мая 1940 г. он писал Елене Николаевне: «Здесь, у Черновых, мы читаем Гоголя. Мне стало ясно, что его гипербола, искажившая образ мира, была причиной его болезни. А гипербола Вадима способна сделать из него чекиста».

⁸² *Томас Бичем* – знаменитый английский дирижер.

⁸³ Недорогое кафе в Лондоне.

⁸⁴ Неустановленное лицо.

⁸⁵ *Бахрушины* – ветвь известной московской купеческой семьи Бахрушиных (А.А. Бахрушин был основателем театрального музея), после революции оказавшихся в эмиграции. Об одном из них упоминает Борис Лосский: «...уже истый член РХСД Бахрушин...» (Борис Лосский. В русской Праге (1922–1927) // Минувшее. 1994. № 16. С. 30).

⁸⁶ Мисс Ридлей — будущая жена Е.Ламперта.

⁸⁷ Бер Николай (1879—1940) — второй священник, затем настоятель православного храма святого Филиппа в Лондоне. Принадлежал к юрисдикции митрополита Евлогия.

⁸⁸ Имеется в виду о.Владимир Феокритов, сменивший на посту настоятеля о.Николая Бера в храме святого Филиппа в Лондоне. Был одновременно и священником храма преподобного Сергия. В 1945 г. перешел в юрисдикцию Московского патриархата.

⁸⁹ *Адамович Георгий Викторович* (1892—1972) — видный эмигрантский поэт, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Входил в дореволюционный период в «Цех поэтов», друг Николая Гумилева и Георгия Иванова. В 1922 г. покинул Россию. Обосновался в Париже, сотрудничал почти со всеми эмигрантскими периодическими изданиями. Получил известность как критик. Его критические статьи позже были собраны в сборники: «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк, 1955); «О книгах и авторах» (Мюнхен—Париж, 1966); «Комментарии» (Вашингтон, 1967). Адамович был составителем первой эмигрантской поэтической антологии «Якорь». В письме скорее всего речь идет о третьей книге его стихов — «На Западе» (Париж, 1939).

⁹⁰ *Яновский Василий Семенович* (1906—1989) — русско- и англоязычный писатель, врач-венеролог по профессии. Писательскую деятельность начинал в Париже, где дебютировал талантливой повестью «Колесо». Г.П.Федотов упоминает роман Яновского «Портативное бессмертие», который публиковался в журнале «Русские записки» в 1938—1939 гг. (№№ 10, 15 и 17). Окончание романа опубликовано уже в США в «Новом журнале» в 1943 г. (№ 6). В 1942 г. Яновский переехал в США.

⁹¹ *Эйснер Алексей Владимирович* (1905—1984) — эмигрантский поэт, учился в Петербургском кадетском корпусе. После революции вместе с семьей эмигрировал из России. Окончил русский кадетский корпус в Сараево. С 1925 г. жил в Праге. В 1930-е гг. жил в Париже, участвовал в работе литературного объединения «Кочевье». Принимал участие в Гражданской войне в Испании на стороне республиканцев. В 1940 г. вернулся в СССР, был арестован, находился сначала в концлагере, затем в ссылке вплоть до 1956 г. Был реабилитирован, вернулся в Москву.

⁹² Рю де Лурмель, д. 77 — здесь с 1937 г. мать Мария устроила общежитие и столовую для русских эмигрантов. Вскоре во дворе, где раньше были конюшни, возник храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Здесь же она жила и сама. Де Версай — здесь, в доме № 130, проживал И.И.Фондаминский.

⁹³ *Шаховская Зинаида Алексеевна* (1906—2001) — поэт, прозаик, критик, журналист. В 1920 г. эмигрировала из России. Образование получила в американском колледже в Константинополе, затем продолжила в Брюсселе, в католическом монастыре Берлеймон и в протестантской школе в Париже. Последние годы жизни провела в Париже, редактировала газету «Русская мысль».

⁹⁴ Имеется в виду Наташа Франк, дочь С.Л.Франка.

⁹⁵ Речь идет об *Томкинсе Оливере Стратфорде* (1908—1992), который в 1935—1939 гг. был пастором храма св.Марии в Приттлуэлле в Лондоне. С 1945 г. стал заместителем Генерального секретаря Всемирного совета церквей. В 1938—1940 гг. был редактором «Журнал студенческого движения» («Student Movement Magazine»).

⁹⁶ Речь, скорее всего, идет о созданной И.И.Фондаминским «Лиге православной культуры». Василий Яновский, хорошо знавший Илью Исидоровича в Париже, так характеризовал эту созданную им структуру: «Теория интеллигентского ордена, творившего русскую культуру, была если не изобретением Фон-

даминского, то во всяком случае его любимым детищем. В его определение русского интеллигента укладывались все выдающиеся деятели. Тут и Новиков, и Ленин, Чернышевский, Достоевский и Федоров, Чаадаев и протопоп Аввакум. Всех их объединял жертвенный гуманизм: все они страдали за свою веру. Рыцарский орден, неорганизованно действовавший в истории...иногда совершенно открыто, иногда под влиянием насилия уходивший в подполье. И опять наступает время, когда тайный духовный орден может спасти основные ценности христианской цивилизации...» (Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 92).

⁹⁷ Doundan — городок под Парижем, недалеко от Рамбуэ.

⁹⁸ *Брайкевич Михаил Васильевич* (умер в 1940) — инженер, экономист, кадет, меценат. Товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства. в 1921 г. член русского общества в Англии по помощи голодающим. Автор книги «Созидательный план Российского национального хозяйства». В пригородах Лондона создал крупное строительное предприятие. Материально поддерживал художников — К.Сомова, К.Бакста, Б.Григорьева и других. Собрал коллекцию полотен «мирискуссников».

⁹⁹ Имеется в виду Ариадна Тыркова-Вильямс.

¹⁰⁰ Имеется в виду Петр Арбузов, который умер от туберкулеза в Швейцарии, в Давосе.

¹⁰¹ *Мария Сергеевна Арбузова* — мать Петра Арбузова, гимназическая подруга Елены Николаевны Федотовой, с которой она училась в Санкт-Петербурге. В Париже у Арбузовых был книжный магазин. С семьей Арбузовых дружила и Нина Федотова.

¹⁰² Стремясь помочь обездоленным и больным русским эмигрантам, мать Мария сумела приобрести запущенный дом и усадьбу в Нуази-ле-Гран для туберкулезных больных. О.Сергий Гаккель описывает конфликт матери Марии с Пьяновым, о котором упоминает Федотов: «Мать Мария уговорила Пьянова, чтобы он назначил одного родовитого эмигранта директором дома отдыха в Нуази-ле-Гран. Пьянов рассмотрел его кандидатуру и назначил его. Несколькими месяцами спустя Пьянов приехал из Парижа в Нуази. По дороге к дому отдыха один из местных лавочников его окликнул и напомнил ему, что хозяйственное управление дома задолжало ему крупную сумму — около 200 тысяч франков. Пьянов сразу же вернулся в Париж и проверил счет, из которого следовало, что расписка в получении денег была, якобы, дана. Потом он съездил еще раз в Нуази и уличил директора. Тот признался в растрате. Пьянов не собирался обращаться в суд. Но денег и без того не хватало и терять их таким образом было обидно. О том, чтобы оставить на своем посту директора, не могло быть и речи. Однако, когда Пьянов объяснил создавшуюся ситуацию матери Марии, она реагировала неожиданным образом: по ее мнению, Пьянов поступил «бесчеловечно». К счастью, контракт на дом был заключен не на имя матери Марии, а на имя объединения, которое она к тому времени возглавляла: остальные члены исполнительного комитета поддержали Пьянова и дело уладилось» (О.Сергий Гаккель. Мать Мария. Париж, 1980. С. 92).

¹⁰³ Неустановленное лицо.

¹⁰⁴ Англиканский священник Оливер Фильдинг Кларк (1898–1987) стоял у истоков создания Содружества святого Албания и преподобного Сергия. Принимал участие в первой англо-православной конференции в январе 1927 г. в городе Сент-Албанс. Переводчик книг Бердяева на английский язык. Ксения Брайкевич-Кларк — его жена.

¹⁰⁵ Это письмо отсутствует в Бахметьевском архиве Колумбийского университета, но сохранилось в личном архиве семьи Федотовых.

¹⁰⁶ Речь идет о статье Г.П.Федотова «Создание элиты (Письма о русской культуре)» (Современные записки. 1939. № 68).

¹⁰⁷ *Зензинов Владимир Михайлович* (1880–1953) – публицист, прозаик, общественный деятель. Сибиряк, из купеческой семьи. Окончил московскую гимназию, затем продолжил образование в университетах Берлина и Гейдельберга. Был членом партии эсеров, неоднократно арестовывался и ссылался. Вернулся в Москву в 1915 г., в 1917 г. был избран членом Учредительного собрания. Был в составе Временного Всероссийского правительства («Директории»). С 1919 г. обосновался в Париже, в 1940 г. переехал в Нью-Йорк, участвовал в создании «Нового журнала», а затем вместе с Вишняком и Авксентьевым издавал эсеровский журнал «За свободу».

¹⁰⁸ Главный увеселительный район Лондона.

¹⁰⁹ В письме от 17 мая 1939 г. группа «Православное дело» направила Федотову проект его ответа митрополиту Евлогию. Этот проект с незначительными изменениями Федотов направил Евлогию. Более подробно см. : «Письма вокруг разногласий Г.П.Федотова с Богословским институтом // ВРХД. 2002. № 184. С. 214.

¹¹⁰ Речь идет о священнике Димитрии Клепинине (1904–1944), духовнике «Православного дела», который сменил архимандрита Киприана (Керна) на приходе у матери Марии (Скобцовой) на рю Лурмель.

¹¹¹ По-видимому, речь идет об американском Еврейском рабочем комитете, который деятельно помогал русской эмиграции.

¹¹² Речь идет о статье Г.П.Федотова «В защиту этики», которая позже была опубликована в журнале «Путь» № 60 за 1940 г.

¹¹³ Должно быть: Tavistock. Это вторичная описка Г.П.Федотова. Поэтому он не получил ответное письмо Елены Николаевны.

¹¹⁴ Хай Ли – имение к северу от Лондона, в графстве Хартфордшир, где проводились экumenические встречи православных с англичанами.

¹¹⁵ Ксения Ивановна, урожденная Симонова – супруга священника Георгия Флоровского. Валентина Александровна Зандер (1893–1989), урожденная Калашникова – жена богослова Льва Зандера (1893–1964).

¹¹⁶ О.Кассиан, в миру *Безобразов Сергей Сергеевич* (1892–1965) – закончил Петербургский университет. Профессор Туркестанского университета (1918–1920). Преподавал в Петроградском Богословском институте (1921–1922). Эмигрировал из России в 1922 г. Преподавал в Белграде, затем в Богословском институте в Париже. Принял монашество (1932). Был посвящен в епископы (1947). Видный участник Русского студенческого христианского движения, Сodalитета святого Албания и преподобного Сергия. Во время войны жил в Свято-Пантелеймоновском монастыре на Афоне. После войны вернулся в Париж. Переводчик Нового Завета, богослов.

¹¹⁷ Речь идет о статье Н.А.Бердяева в журнале «Путь» № 59 за 1939 г. «Существует ли в Православии свобода мысли и совести?»

¹¹⁸ Торжественная месса (лат.) Бетховина.

¹¹⁹ «Свят», одна из частей мессы.

¹²⁰ *Лидия Юдифовна* (урожденная Трушева) (1874–1945) – супруга Н.А.Бердяева. *Евгения Юдифовна Рапп* (1875–1960) – сестра Л.Ю. Их отчества были Иудовны, поскольку их отец происходил из купеческой семьи. Чтобы устранить неблагозвучие и неприятные в русском языке ассоциации с именем Иуда, сестры стали Юдифовнами, хотя в Библии это женское имя.

¹²¹ Речь идет о двух дочерях *Генри Нормана Сполдинга* (1877–1953), который в течение ряда лет финансировал движение евразийства. Он дал деньги на учреж-

дение поста при Оксфордском университете, который длительное время занимал Н.М.Зернов.

¹²² Кью Гарденс – огромный ботанический сад в южной части Лондона.

¹²³ Замысел Г.П.Федотова, Н.А.Бердяева, И.И.Фондаминского создать подобную организацию не увенчался успехом. Бердяев писал Георгию Петровичу в 1939 г.: «Общество защиты христианской свободы, по-моему, оказалось мертворожденным. Вялость, разногласия, неимение задач. Объединение со Струве для меня было бы невозможным. Франк отказался. С Вышеславцевым неприятное столкновение» (Вестник РХД. № 124. С. 118).

¹²⁴ На самом деле речь идет о городе Bath, курорте, известным еще с римских времен.

¹²⁵ Речь идет о журналисте газеты «Возрождение» Н.Н.Алексееве (не путать с Николаем Николаевичем Алексеевым (1879–1964), который до революции был профессором права в Московском университете, затем, после эмиграции, профессором права в Праге и Берлине (1923–1931), профессором в Страсбурге, Белграде и Женеве). Журналист Алексеев был сыном жены Н.В.Вольского ((Валентинова) (1879–1964), публициста, общественного деятеля, оставившего ценнейшие воспоминания о В.И.Ульянове (Ленине), с которым был дружен в эмиграции еще в дореволюционный период) – Валентины Николаевны, от первого брака. Ее муж с двумя другими сыновьями 14 и 16 лет был расстрелян в Царицыне во время Гражданской войны. Н.Н.Алексеев был близок с А.И.Гучковым и даже, как предполагает Н.Н.Берберова, был его связным в переписке с немецким рейхсвером накануне Второй мировой войны. Во время оккупации был арестован как немецкий шпион, но был освобожден, поскольку за него ходатайствовал А.Ф.Керенский. Умер в 1942 г. Некролог был опубликован в пронацистской газете «Парижский вестник».

¹²⁶ Речь идет о советском разведчике Вальтере Кривицком (Самуиле Гершевиче Гинзбурге (1889–1941), авторе книги «Я был агентом Сталина»). В 1937 г. он отказался вернуться в СССР, скрывался во Франции, затем перебрался в США.

¹²⁷ Речь идет об издании труда о.Сергия «Невеста Агнца», посвященного богословию Церкви. Том вышел посмертно в 1945 г. в Париже.

МАСТЕРА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТИХОМИРОВ

(1893–1965)

Исполнилось 110 лет со дня рождения М.Н.Тихомирова, выдающегося русского историка необычайно широкого диапазона — хронологического, тематического, географического. В сфере его научных интересов отечественная история с X по XIX вв., история славянских народов, история Византии. Предметами исследования были проблемы социально-экономической и государственно-политической истории, история культуры, историческая география и краеведение, специальные исторические дисциплины — источниковедение, палеография, археография, историография. Он — замечательный знаток, первооткрыватель и публикатор письменных источников, а к концу жизни и собиратель их (переданная им еще при жизни Сибирскому отделению Академии наук в Новосибирске коллекция рукописей, старопечатных книг и икон едва ли не первый в советские годы дар такого масштаба), неутомимый пропагандист исторических знаний и памятниковедения, ученый-просветитель.

М.Н.Тихомиров родился в Москве, где прожил большую часть жизни. Окончил Московский университет; с возрождения его исторического факультета в 1934 г. преподавал там, в 1953 г. основал кафедру источниковедения. Автор многих учебников и учебных пособий. В науке заявил о себе уже в 1919 г. книгой «Псковский мятеж XVII века». Число печатных трудов его очень велико — около 20 только книг (среди них монографии о «Русской правде», древнерусских городах, средневековой Москве, России XVI века).

В 1946 г. М.Н.Тихомиров был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, в 1953 г. — академиком. В 1956 г. возродил Археографическую комиссию, стал ее первым председателем, основателем «Археографического ежегодника». Свидетельством международного признания научных заслуг Михаила Николаевича стало избрание его академиком АН Польши (1959), почетным членом Американской исторической ассоциации (1963).

К 70-летию ученого были изданы четыре сборника статей в его честь (случай единственный в истории отечественной исторической науки). В 1967 г. вышел сборник работ тех, кого называли «тихомировской школой» («Новое о прошлом нашей страны. Учителю — ученики»). С 1968 г. в Археографической комиссии ежегодно проводятся Тихомировские чтения. Изданы шесть томов его избранных трудов, описание личного архивного фонда ученого, значительная литература о нем (книга Е.В.Чистяковой, десятки статей, отмеченных в библиографическом указателе 1996 г. «Михаил Николаевич Тихомиров»). И в XXI веке продолжают переиздавать книги М.Н.Тихомирова, печатать материалы о классике отечественной исторической науки середины прошлого столетия.

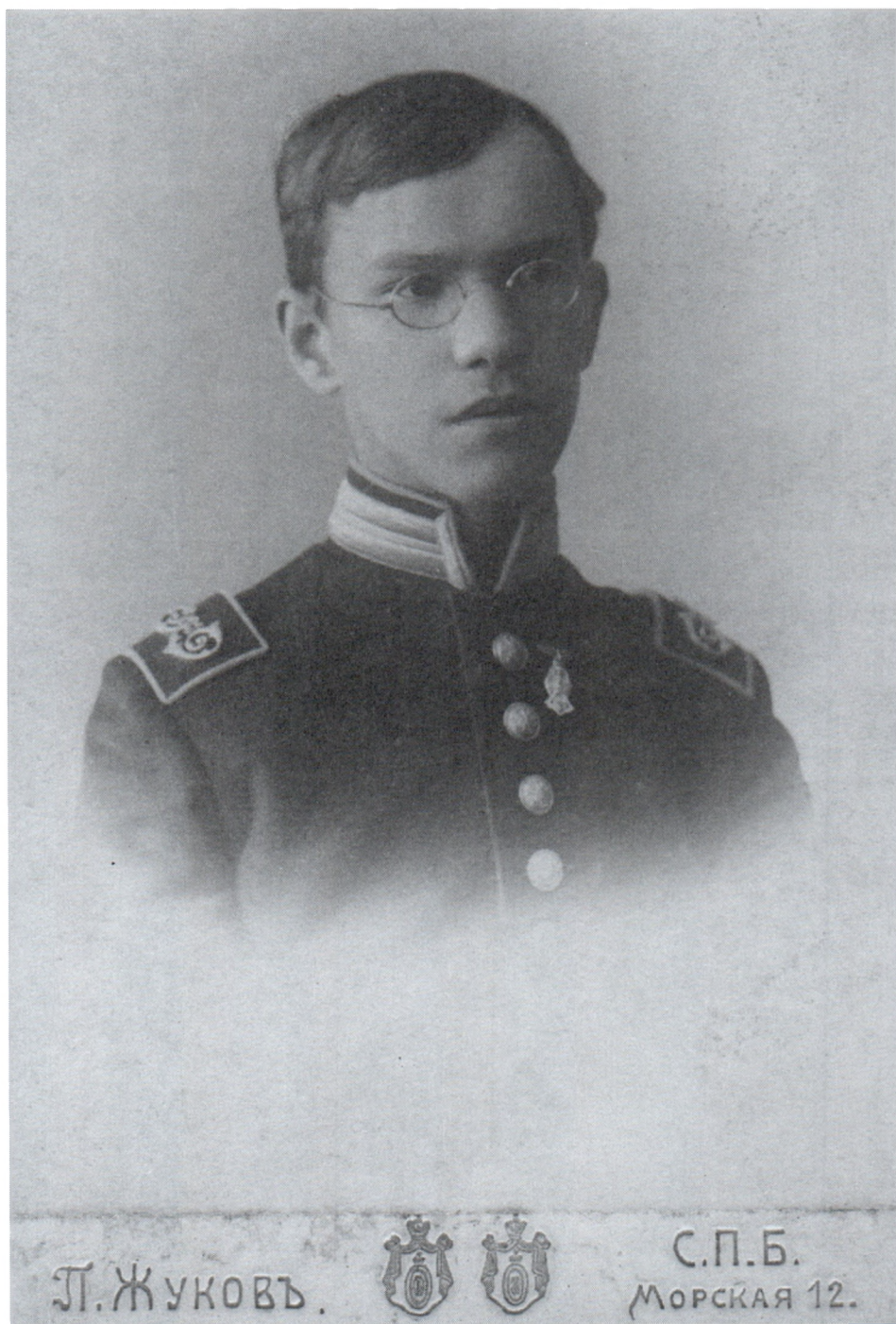
Публикуемые фотографии из фонда М.Н.Тихомирова в Архиве РАН подобраны А.В.Мельниковым и С.О.Шмидтом.

Мать и отец М.Н.Тихомирова — Мария Сергеевна и Николай Константинович

С братьями — Борисом, Сергеем и Владимиром. 1899 г.

В год окончания Петербургского коммерческого училища. 1911 г.

В Тарховке под Петербургом. 1911 г.

М.Н.Тихомиров — студент Московского университета. 1913 г.

С товарищами — студентами Московского университета

Среди работников по внешкольному образованию. Дмитров. 1920-е гг.

Среди студентов рабфака ГИТИСа. 1924 г.

В Самаре. 1923—1924 гг.

В Москве. 1933 г.

Б.Н.Тихомиров.
Репрессирован в 1930-е гг.

М.Н.Тихомиров. Весна 1941 г.

В Новгороде с археологами. М.Н.Тихомиров стоит между
Г.А.Авдусиной и А.В.Арциховским. 1947 г.

С М.Г.Рабиновичем и А.Ф.Медведевым. Москва. 1949 г.

М.Н.Тихомиров — декан истфака МГУ. Вторая половина 1940-х гг.

В квартире на Беговой улице. 1953 г.

М.Н.Тихомиров. Лето 1954 г.

Н.Н.Покровский, А.Н.Мальцев, М.Н.Тихомиров, С.Н.Покровская,
А.П.Пронштейн, Коля (Н.А.Миненков). Нальчик. 1953 г.

Портрет М.Н.Тихомирова. Худ. Ю.Б.Кафенгауз.
Не позднее 1954 г.

В гостях у В.А.Александрова.
Сентябрь 1957 г.

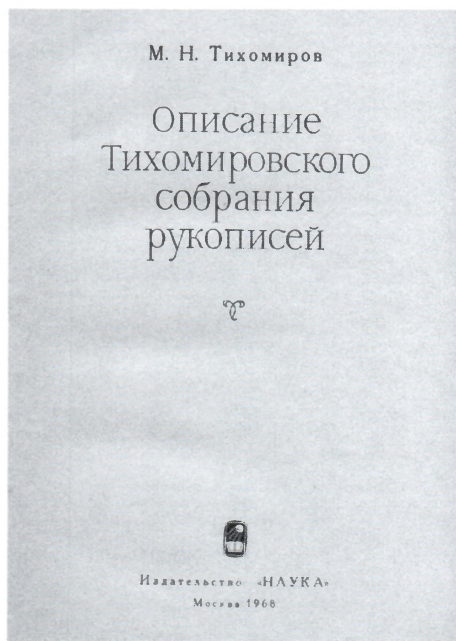
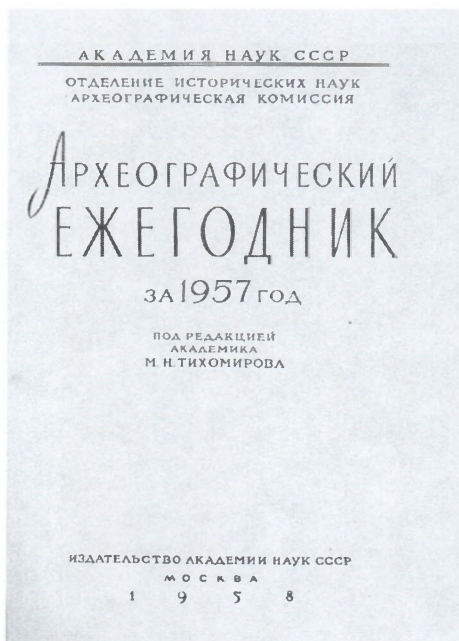
Академик М.Н.Тихомиров.
1950-е гг.

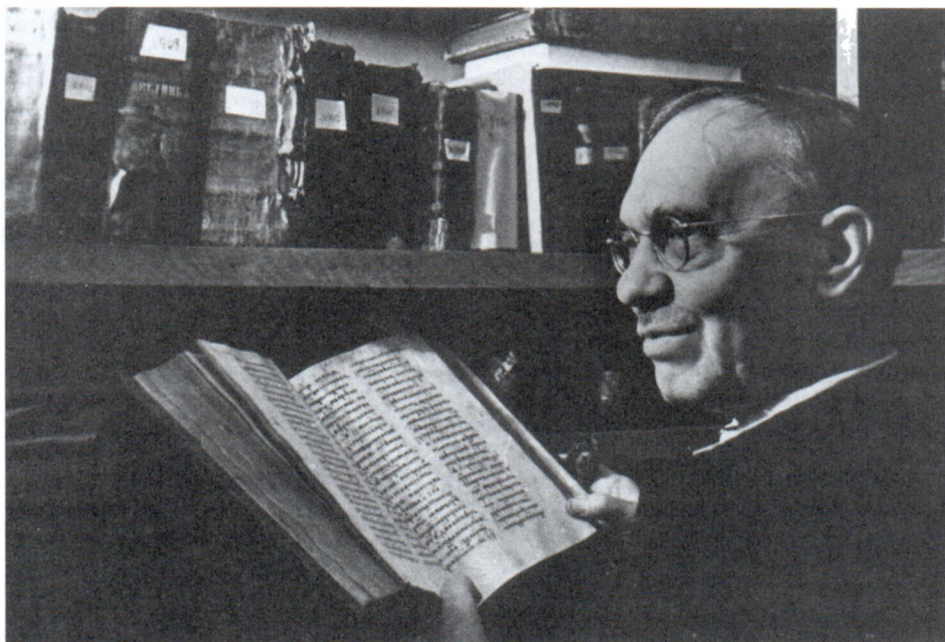
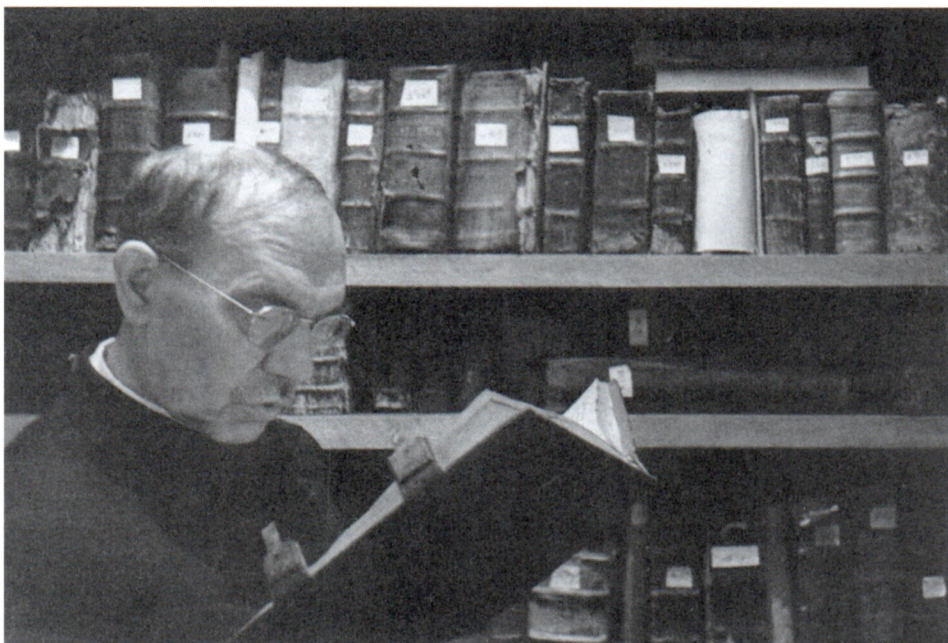

Во время поездки в Троице-Сергиеву лавру с супругами Поль и Фернаном Бродель.
Май 1958 г.

С А.И.Роговым. 1960-е гг.

«Тихомировское» собрание рукописей и старопечатных книг
в квартире на Котельнической набережной. 1962 г.

В Болдино. У могилы В.Н.Татищева.

Одна из последних фотографий. 1964 г.

Ученики М.Н.Тихомирова — участники Первых Тихомировских чтений. 1966 г.

Посмертные издания трудов М.Н.Тихомирова и книг о нем

М.Н.Тихомиров

«КАЗАЛОСЬ, ДВЕРИ РОССИИ БЫЛИ РАСПАХНУТЫ НАСТЕЖЬ, И НАМ ОСТАЕТСЯ ЛИШЬ ВОЙТИ...»

Документы по истории Армии Спасения в России.
1909–1916 гг.

26 марта 1909 г. необычное оживление царило на перроне Финляндского вокзала в Санкт-Петербурге. К одному из вагонов подошедшего пассажирского состава устремилась группа военных, празднично одетые дамы и господа почтенных лет. Первые места стремились занять корреспонденты столичных газет. Прошло несколько минут, и на прежде безлюдном перроне образовался широкий круг многочисленных зевак.

Наконец, открылись двери, и вниз по лестнице спустился высокий человек. Его нельзя было не узнать: волевое лицо с орлиным носом и твердым подбородком. Предлинная борода делала его похожим на библейского патриарха. То был основатель и руководитель Армии Спасения, генерал Уильям Бут (1829–1912)¹. Неспешно оглядев встречающих, маститый старец, которому к тому времени было 79 лет, снял головной убор. Склонив голову, он приступил к молитве, к молитве за спасение России.

Чуть позже, в сопровождении нескольких приближенных, генерал на шикарном автомобиле проследовал в гостиницу «Англетер». Из окна он наблюдал жизнь столицы империи, о которой столько читал, слышал, мечтал. Он был убежден, что рано или поздно, но наступит время, когда Армии Спасения из Великого княжества Финляндского, где она действовала два десятка лет, вступит на территорию всей Российской империи. И это время, казалось, пришло.

Уильям Бут пробыл в имперской столице два дня, наполненных всевозможными встречами, знакомствами и беседами. В первый день генерал посетил Государственную думу. Находясь в ложе для дипломатов, он наблюдал за ходом парламентских дискуссий. Затем встретился с заместителем председателя Думы бароном А.Ф. Мейендорфом². Среди прочих, обсуждался вопрос о возможности для Армии Спасения действовать в России, и Буту в этом была обещана поддержка.

Вечером в доме генерала Сабурова, симпатизировавшего деятельности Армии, Уильям Бут выступил с докладом перед значительной аудиторией. Вот как об этом впоследствии написал сопровождавший генерала секретарь Э.Д. Хиггинс: «Приглашенные постепенно проходят в залу, в половине девятого прибывает ее

¹ В российской прессе и в официальных документах XIX–XX вв. встречается различное написание имени основателя Армии Спасения. Во вступительной статье и в публикуемых документах используется – Уильям Бут (William Booth).

² Мейендорф А.Ф. – барон, заместитель председателя Государственной думы третьего созыва в 1907–1912 гг.

императорское высочество, супруга великого князя Константина³ в сопровождении своей дочери. При ее появлении все почтительно встали, и она очаровательно приветствует присутствующих. После того как все заняли свои места, генерал поднимается, чтобы произнести свою первую речь в России. Генерал очаровывает своих слушателей. Рассказ о его собственном обращении, о скромном начале Армии в восточном Лондоне, о расширении работы по всему миру и ее современном состоянии на примере событий на различных полях битв Армии, удерживал слушателей в напряженном внимании. Однако наибольший интерес пробудили слова генерала о планах, которые он имел для России. С большими надеждами он ожидал наступления того дня, когда Армия сможет начать работу в этой стране, и поэтому видел теперь, что это время наступило. Генерал говорил около часа с четвертью, и в это время внимание его слушателей ни на миг не ослабевало. Когда он, наконец, сел, по комнате пронесся гул восхищения. Одна из присутствующих дам выразила, очевидно, чувства всех слушателей, сказав: «Россия не может больше обойтись без Армии Спасения»⁴.

На следующий день состоялся свидания Бута с министром финансов В.Н.Коковцовым⁵, заменявшим отсутствовавшего в тот момент председателя правительства П.А.Столыпина⁶. В беседе Коковцов выразил заинтересованность планами Бута распространить деятельность Армии Спасения из Финляндии на всю территорию России. Вечером второго дня пребывания в российской столице состоялось еще несколько встреч генерала Бута с общественными деятелями России.

Как записал в своих воспоминаниях офицер Армии Спасения К.Ларссон⁷, «после приема, которого удостоился тогда генерал Бут, обещаний и заверений, которые давали влиятельные лица, казалось, будто двери России были распахнуты настежь, и нам остается лишь войти под музыку, барабанный бой и радостные возгласы «Аллилуйя!»⁸ Но действительность оказалась более сложной и, в конце концов, как замечал тот же Ларссон, «входить» в страну пришлось не с парадного, а черного хода.

По возвращении в Лондон, Уильям Бут направил своих представителей в Санкт-Петербург. Им было поручено представить в министерство внутренних дел

³ Константин Константинович (Романов) (1858–1915) – великий князь, поэт, президент Российской Академии наук. Его супруга – Елизавета Маврикиевна (1868–1927).

⁴ Цит. по: Ларссон К. Десять лет в России. Одна глава из удивительной истории Армии Спасения. СПб., 1991. С.5.

⁵ Коковцов В.Н. (1853–1943) – товарищ государственного секретаря (1895), товарищ министра финансов (1896), государственный секретарь (1902), министр финансов (1904), член Государственного совета (с 1905), министр финансов (1906–1914). С 11 сентября 1911 г. – председатель Совета министров, одновременно оставаясь и министром финансов. 30 января 1914 г. уволен с обеих должностей, оставлен членом Государственного совета и возведен в графское достоинство. После Октябрьской революции 1917 г. находился в эмиграции.

⁶ Столыпин П.А. (1852–1911) – статс-секретарь, гофмейстер, Гродненский, Саратовский губернатор, министр внутренних дел; с 1906 г. председатель Совета министров. Убит агентом охраны Богровым в сентябре 1911 г.

⁷ Ларссон Карл – полковник Армии Спасения; сын железнодорожного стрелочника в Швеции. Служил офицером Армии Спасения в Финляндии, Чехословакии, Норвегии, Швеции, Индии, России.

⁸ Ларссон К. Десять лет в России. Одна глава из удивительной истории Армии Спасения.

Устав Армии Спасения (док. № 2) и другие, необходимые для регистрации, документы. Вопреки ожиданиям, скорого решения вопроса не состоялось. Более того, окончательный ответ пришлось ждать два года. Объяснялось это сложной борьбой, развернувшейся в российской Думе между сторонниками и противниками либерализации религиозного законодательства, вокруг вероисповедных законопроектов, внесенных правительством Столыпина. Без их принятия нельзя было и надеяться на расширение деятельности неправославных объединений и легализацию в России зарубежных религиозных объединений⁹.

Руководство Армии Спасения искало способы привлечь внимание к своим проблемам высшую власть России. У.Бут обращался за содействием к министру иностранных дел Великобритании. Одновременно российского посла в Англии графа А.К.Бенкендорфа¹⁰ посетил специальный представитель Армии Спасения. Бенкендорф информировал о состоявшихся переговорах российского министра иностранных дел С.Д.Сазонова¹¹, уверяя последнего, что «Армия Спасения состоит из лиц порядочных и добросовестных». 21 января 1911 г. Сазонов обратился к председателю Совета министров П.А.Столыпину, извещая его о позиции Бенкендорфа и одновременно высказывая свою точку зрения. Примечательно, что Сазонов специально отмечал, что и он в годы работы в посольстве России в Англии «имел возможность ознакомиться с деятельностью Армии Спасения и констатировать ее поразительные результаты. Обществом отвращено от порока и всякого рода искушений громадное количество лиц. Армия Спасения стремится к достижению лишь нравственных целей и не носит какого-либо вероисповедного оттенка. Интересно отметить, что духовенство всех исповеданий горячо приветствует ее успехи. Равным образом, Армия не преследует политических целей. Однако по характеру своей деятельности она является противницей учений социалистического и анархистского»¹².

Столыпин поручил собрать материал об Армии Спасения министерству внутренних дел. Очень быстро выяснилось, что в его архивах нет сколь-либо серьезных сведений об Армии. Найдено было только сообщение иностранного бюро (док. № 1), да справка о воспрещении въезда У.Буту в Россию в 1891 г. по настоянию обер-прокурора Святейшего синода К.П.Победоносцева¹³. Такую неосведомленность Департамента полиции, очевидно, можно объяснить характером его деятельности в 80–90-х гг. XIX столетия, сосредоточенной исключительно на контроле за революционным движением. То было время контрреформ (крестьянской, земской, городской, судебной), сопутствовавших правлению Александр-

⁹ См.: Одинцов М.И. XX век в российской истории (Государство. Церковь. Народ). Начало вероисповедных реформ. Думские баталии. 1900 – февраль 1917 // Религиоведение. 2001. № 1.

¹⁰ Бенкендорф А.К. (?–1916) – с 1903 по 1916 гг. чрезвычайный и полномочный посол России в Великобритании

¹¹ Сазонов С.Д. (1860–1927) – гофмейстер, член Государственного совета (с 1913 г.); посланник в Вашингтоне (1907), товарищ министра иностранных дел (1909), в 1910–1916 – министр иностранных дел; с января 1917 г. – посол в Англии. После Октябрьской революции в 1918–1919 гг. член правительств А.И.Деникина и А.В.Колчака. В последующем в эмиграции.

¹² РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 20.

¹³ Победоносцев К.П. (1827–1907) – обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода в 1880–1905 гг.

ра III¹⁴, и осуществлявшихся с помощью нещадных репрессий, карательного террора в отношении всякого вольномыслия и свободолюбия¹⁵.

Более или менее развернутые сведения об Армии Спасения поступили лишь от генерал-губернатора Финляндии Ф.А.Зейна¹⁶. По его данным, на территории Финляндии к 1911 г. было открыто 61 отделение (корпус) и в них насчитывалось 4185 человек (302 – офицера и кадета, 551 – унтер-офицер, 3332 – солдаты). Как отмечал генерал-губернатор, Армия Спасения «придерживается главным образом начал религиозного самосовершенствования и благотворительной помощи бедному населению и каких-либо отклонений в сторону вмешательства в общественную жизнь не замечено». Вместе с тем, Ф.А.Зейн склонялся к мнению о нежелательности легализации деятельности Армии Спасения (док. № 4). Вслед за ним о своей отрицательной позиции в отношении регистрации Армии Спасения в России заявили Департаменты полиции и духовных дел МВД, обер-прокурор Святейшего Синода К.П.Победоносцев (док. № 3 и № 5).

Вопрос о разрешении деятельности Армии Спасения в России выплеснулся на страницы прессы. Основная часть публикаций весьма недружелюбно относилась к возможности начала деятельности Армии Спасения в России и в самом негативном свете представляла историю Армии, жизнь и деятельность ее основателя У.Бута. К примеру, автор, скрывшийся за инициалами Е.К., писал в газете «Колокол»: «Приняв за основу всего военную дисциплину, Бут принял и внешние формы военного устройства; приняв звание «генерала», он разделил своих последователей на «солдат» и «офицеров» разных рангов, причем «солдат» обязывался безусловным повиновением «офицеру», а каждый «офицер» – старшему над ним, а над всем царит с правами автократора – Бут. Заимствовав от иезуитов и масонов (что вряд ли не одно и то же) организацию, Бут взял оттуда и руководящий принцип: цель оправдывает средства»¹⁷.

Имелись, конечно, и отдельные положительные публикации. А.Осендовский в статье «Клич войны», последовательно отмечая расхожие обвинения, выдвигавшиеся в адрес генерала Бута и его организации, писал: «Враги обвиняли Бута в присвоении сумм, притекавших в кассу «армии» в виде многочисленных пожертвований и заработков отдельных организаций или артелей, входящих в состав общества. Но в этом была клевета. Бут не пользовался ни одним шиллингом из кассы «армии», а вся отчетность прихода и расхода сумм велась и ведется с необычайной тщательностью и подлежит полной огласке и всеобщему контролю. Было и еще обвинение – в сектантстве – обвинение, возведенное на «салютистов» (членов «Армии Спасения») духовными кругами Англии и Германии, которые также оказалось несостоятельным. «Армия Спасения» – не секта: она находится в полном согласии со всеми вероисповеданиями, но считает, что существующие церкви не всегда могут способствовать духовному и телесному оздоровлению беднейших классов населения, из среды которых вербуются преступники, вредные и опасные для общества элементы»¹⁸.

Вопрос об Армии Спасения премьер-министр П.А.Столыпин посчитал необходимым вынести в заседание правительства, назначив его на 27 сентября 1911 г.

¹⁴ Александр III (1843–1894) – российский император в 1881–1894 гг.

¹⁵ См.: Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979.

¹⁶ Зейн Ф.А. (1862–1918) – генерал-лейтенант; в 1906 г. – гродненский губернатор, в 1907–1909 гг. – финляндский генерал-губернатор.

¹⁷ Колокол. 1911. 5 апреля.

¹⁸ Биржевые ведомости. 1911. 8 апреля.

Обобщение материалов и подготовка итоговой справки были возложены на товарища министра внутренних дел С.Е.Крыжановского¹⁹. Но в назначенный срок заседание правительства не состоялось. Виною тому были неожиданные и трагические события: покушение 1 сентября 1911 г. в Киеве на премьер-министра П.А.Столыгина, приведшее к его смерти.

Новый глава правительства В.Н.Коковцов перенес обсуждение вопроса об Армии Спасения на 15 декабря 1911 г. К этой дате министр внутренних дел А.А.Макаров²⁰, недавно назначенный на эту должность, представил особое мнение своего министерства, которое сводилось к тому, что необходимо отказать этой организации в регистрации. И оно стало решающим, когда, после недолгого рассмотрения и обсуждения ранее подготовленной справки С.Е.Крыжановского (док. № 6), правительство признало «ходатайство неподлежащим удовлетворению».

Генерал Бут, не зная о решении Совета министров, направил 31 января 1912 г. специальное письмо на имя В.Н.Коковцова. В нем он обращал внимание на длительное ожидание ответа на свою просьбу о регистрации Армии (док. № 7). Очевидно, это письмо стало причиной того, что Совет министров в феврале 1912 г. еще раз обращался к вопросу об Армии Спасения. Решение было также отрицательным.

Официальное уведомление об отказе в регистрации Армии Спасения было подготовлено министром МВД А.А.Макаровым и в марте 1912 г. через российско-го посла в Лондоне передано Уильяму Буту. В ответном послании на имя А.А.Макарова Бут выражал сожаление об отрицательном решении Совета министров, которое, по его мнению, было вызвано недостаточной осведомленностью русских властей о деятельности Армии Спасения. Одновременно Бут выразил надежду, что это решение не окончательно и возможен его пересмотр по мере того, как состоится «близкое знакомство с нашей деятельностью» (док. № 8).

Неудача, которую потерпела Армия Спасения, означала, что ей следовало отказаться от планов устройства своих общин за пределами Финляндии и ограничить свою деятельность исключительно этой территорией, где она имела значительную поддержку населения (док. № 9). И все же, несмотря на это, офицерам и солдатам Армии удавалось информировать население России о себе. В районах, прилегающих к Великому княжеству Финляндскому, складывалось в целом доброжелательное отношение к деятельности Армии. Одним из первых общественных признаний Армии Спасения за пределами Финляндии стало ее участие в работе Всероссийской гигиенической выставки, проводимой летом 1913 г. в Санкт-Петербурге под лозунгом «Физическое и моральное здоровье нации». В одной из комнат в финском павильоне была развернута экспозиция о Финляндской Армии Спасения. С ней ознакомились тысячи посетителей из столицы и ряда центральных российских губерний²¹. Экспозиция об Армии Спасения явилась «гвоздем»

¹⁹ Крыжановский С.Е. (1861–?) – статс-секретарь, сенатор, член Государственного совета. С 1906 г. – помощник министра внутренних дел, в 1911 г. – назначен на должность государственного секретаря Государственного совета.

²⁰ Макаров А.А. (1857–1919) – товарищ министра внутренних дел, директор Департамента полиции (1906–1909), государственный секретарь (1909–1911), министр внутренних дел и шеф жандармов (1911–1912), министр юстиции (1916).

²¹ См., например: Новое время. 13 июля 1913 г., а также: Гуровский К.Г. Отчет о командировке // Отчеты земских врачей Саратовской губернии об их командировке на Всероссийскую гигиеническую Выставку. Саратов. 1914. С. 91;

финского павильона. Финляндской Армии Спасения был присужден почетный диплом Всероссийской выставки «За широкую деятельность в области общественно-го призрения»²².

Успех и общественное признание благородной социальной работы Финляндской Армии Спасения породили у ее руководителя, полковника К.Ларссона, желание и далее знакомить российскую общественность с деятельностью Армии. Появилась идея издания специального журнала. Власти Санкт-Петербурга дали официальное разрешение, и в июле 1913 г. вышел в свет первый номер «Вестника Спасения». Редакция журнала разместилась в скромном здании под номером один на Гаванской улице. Этот дом стал своего рода штаб-квартирой Армии Спасения в России. День за днем, с утра до вечера, офицеры и солдаты Армии, в основном выходцы из Финляндии и Швеции, выполняли значительную работу, продавая до 800 экземпляров журнала в неделю. В нем публиковались самые разнообразные материалы: на евангельские темы, о правилах здорового образа жизни, о социальной работе Армии с детьми и женщинами, оказавшимися в трудном положении, о вреде алкоголя и табака, о благотворительной и просветительской деятельности Армии, ее сотрудничестве с правительствами и общественными организациями в самых различных странах мира. Первоначально тираж журнала составлял 6-8 тысяч, но постепенно он возрос до 19 тысяч экземпляров.

На рубеже 1913–1914 г. присутствие Армии Спасения становится все более заметным в Санкт-Петербурге. Этот факт подтверждается прессой того периода, которая посвящала ей возрастающее число статей²³.

В начале февраля 1914 г. полковник К.Ларссон направил генералу Армии Спасения, Брамвелю Буту²⁴, письмо с изложением своего плана возможных дальнейших шагов для расширения деятельности Армии в России. Будучи вдумчивым и внимательным наблюдателем, он видел острые социальные противоречия, которые раздирали Россию; предчувствовал скорые серьезные политические изменения в стране. По его мнению, у Армии Спасения были все необходимые объективные предпосылки, чтобы быть востребованной обществом. Но для этого, как считал полковник, ей надо было «прийти» в Россию не в качестве религиозной, а в качестве общественной организации под названием — «Общество “Вестника спасения”» (док. № 10). Что ответил генерал, мы не знаем. Во всяком случае, в нашем распоряжении нет документальных тому свидетельств. Но спустя всего четыре месяца началась Первая мировая война, перечеркнувшая надежды на легализацию Армии Спасения в России²⁵.

Ларссон К. Десять лет в России. Одна глава из удивительной истории Армии Спасения в России. СПб., 1991. С. 17.

²² См.: Отчет по устройству Всероссийской гигиенической выставки. Петроград, 1915. С. 147.

²³ См., например: Русский инвалид. 1914. 21 февраля; Новое время. 1914. 18 ноября; Трудовая помощь. 1914. № 10 и др.

²⁴ Бут Б. — сын основателя и первого генерала Армии Спасения Уильяма Бута. Избран генералом Армии Спасения в 1912 г., после смерти У.Бута.

²⁵ Из косвенных свидетельств известно, что в октябре 1914 г. К.Ларссон сделал попытку реализовать свой план. По его просьбе и поддержке Мария Вайсберг обратилась в министерство внутренних дел России с письменным заявлением о регистрации Армии Спасения в качестве благотворительного общества. Однако ходатайство по личному указанию министра внутренних дел и шефа жандармов А.Н.Маклакова (1871–1918) было отклонено.

Нежелание властей официально признать Армию Спасения не останавливало «спасенцев» перед расширением своей фактической деятельности. В декабре 1914 г. состоялась первая торжественная церемония посвящения в солдаты жителей Санкт-Петербурга. Приняв присягу (док. № 13), под знамя Армии²⁶ встали восемь человек. Первые русские «спасенцы» сформулировали и свой девиз: «Русь — для Христа!». Немногим позже, в марте 1915 г., к ним присоединилось еще пять человек. Так был сформирован петроградский корпус Армии Спасения, где, наряду с русскими, были эстонцы, шведы, финны. Члены Армии Спасения, кроме духовной и социальной деятельности, стремились распространять среди населения информацию об истории Армии, ее вероучении, канонах и догматах (док. № 14).

С вступлением России в Первую мировую войну в стране резко увеличилось число тех, кто нуждался в срочной и разнообразной помощи: раненые и инвалиды, беженцы и их семьи, дети солдат и резервистов, а также члены семей погибших воинов. Полковник К.Ларссон ориентировал членов Армии на создание для этих категорий населения всевозможных социальных учреждений. В 1914–1915 гг. при поддержке председателя Петроградской городской думы графа И.И.Толстого²⁷, Татьянинского комитета для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий²⁸, работников посольства США в Петрограде были открыты несколько приютов в Гельсингфорсе, Петрограде и столичных пригородах. Характерно, что положительные решения о поддержке Армии Спасения принимались исключительно после соответствующих запросов в Департамент полиции о ее «благонадежности». Отвечая на одно из них, вице-директор Департамента полиции К.Д.Кафафов²⁹ отмечал, что в деятельности Финляндского отделения Армии Спасения не было обнаружено ничего предосудительного. Более того, писал он, «деятельность этой организации выражается в содержании приютов и убежищ, в борьбе с пьянством и развратом, в духовной и материальной поддержке беднейших и павших, в издании духовно-нравственной литературы и других видах благотворительности» (док. № 11). О благотворительной и социальной деятельности Армии в Петрограде неоднократно сообщалось и в информационных Особого отдела Департамента полиции (док. № 18).

Под впечатлением от последствий первых лет мировой войны, от увиденного и услышанного во время поездки по России, К.Ларссон вновь и вновь в своих раздумьях обращался к вопросам, которые он еще в феврале 1914 г. ставил в письме перед генералом Б.Бутом. Эти наблюдения, предложения и выводы Ларссон облек в форму записки, которая предназначалась для руководства Армии Спа-

²⁶ Флаг Армии Спасения представляет собой прямоугольное полотнище. В центре помещается восьмиконечная звезда желтого цвета, символизирующая огонь Святого Духа, с надписью «Кровь и огонь». Она располагается на прямоугольнике красного цвета — символ пролитой крови Иисуса Христа. По периметру полотнище обрамлено полосой синего цвета — символ святости Бога-Отца.

²⁷ Толстой И.И. (1865–1916) — граф, гофмейстер, петроградский городской голова.

²⁸ Комитет великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий был образован в августе 1914 г. О его деятельности см.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 429–431.

²⁹ Кафафов К.Д. (1863–?) — вице-директор Департамента полиции МВД России в 1915–1916 гг.

сения. Она имела символическое название – «Россия и Армия Спасения. Открытые двери и призыв России к Армии Спасения» (док. № 12). В ней повторялась мысль о необходимости начать широкомасштабную работу в России без официального разрешения, уделяя основное внимание социальным проектам. При этом солдаты и офицеры не должны были предавать забвению «духовные вопросы», а жить по вере и свидетельствовать о своей вере; не вступать в какую-либо «борьбу с государственной церковью», а, привлекая в свои ряды «православных членов», позволять им сохранять дорогие обряды и таинства.

Летом 1916 г. волны шпиономании, национализма и ксенофобии захлестнули российское общество. В условиях поражений на фронтах и возрастающего недовольства в массах, власть лихорадочно искала «виновников» внутреннего разложения общества, тех, кто препятствовал, по ее мнению, укреплению патриотического духа в борьбе с внешним врагом – Германией и ее союзниками. По стране прокатилась волна погромов еврейского и немецкого населения, выходцев из стран, входящих в воюющий с Россией блок. Были арестованы или высланы из страны многие лидеры протестантских церквей и общин, закрыты молитвенные дома, вводился запрет на распространение религиозной литературы. Эти меры затронули и Армию Спасения. Сигналом к их началу послужили представленные начальником Свеаборгской крепостной жандармской команды сведения о задержании военной цензурой послания из Германии в Гельсингфорс на имя К. Ларссона. Подозрение вызвала содержащаяся в письме фотография немецкого солдата, что было воспринято как доказательство связи с иностранным государством и шпионажа в пользу воюющего противника. Штаб Армии Спасения в Гельсингфорсе и квартира Ларссона были подвергнуты обыску. По мнению спецорганов, собранный материал свидетельствовал о «крайне вредной и опасной деятельности этой организации» и о необходимости ее «немедленной ликвидации распоряжением Департамента полиции» (док. № 16).

В поисках новых «компрометирующих документов» Департамент полиции обратился к петроградскому градоначальнику А.Н.Оболенскому³⁰, в Департамент духовных дел, жандармские управления в Финляндии, Эстляндии и Лифляндии. В конце сентября 1916 г. Оболенский сообщил, что действующие в Петрограде объединения Армии Спасения не имеют какой-либо регистрации; при этом он, однако, оговаривался, что не располагает данными «о преступной деятельности петроградских учреждений общества Армии Спасения, а равно и вышеназванных членов этого общества» (док. № 17). Департамент духовных дел полностью солидаризировался с мнением начальника Свеаборгской крепостной жандармской команды об «опасном для государственного порядка направлении деятельности Армии Спасения» и необходимости в связи с этим ее «ликвидации» (док. № 15). В сообщениях же жандармских управлений Эстляндии и Лифляндии не содержалось каких-либо компрометирующих Армию Спасения данных³¹.

По мере того, как «дело о противозаконной деятельности» Армии Спасения обрастало справками, отчетами, донесениями, сведениями, оно становилось предметом все более разгоравшейся склоки между Особым отделом Департамента полиции и Департаментом общих дел. Каждый из них стремился «перепихнуть» друг на друга ответственность за принятие решения о ликвидации Армии Спасения и непосредственное его выполнение. В конце концов, по распоряжению министра внутренних дел для подробного ознакомления с «ликвидационным материалом» по делу Армии Спасения в Гельсингфорс был направлен статский советник, чиновник

³⁰ Оболенский А.Н. (1872–1922) – князь, генерал-адъютант, генерал-майор; петроградский градоначальник в 1914–1916 гг.

³¹ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916. Оп. 316. Д. 135. Л. 50–50об., 71.

особых поручений П.М.Митрович. В течение месяца он штудировал собранные «обвинительные материалы», проводил встречи с должностными лицами и агентами секретных служб. Плодом его трудов стала обстоятельная секретная записка на имя товарища министра внутренних дел от 14 декабря 1916 г.³²

Статский советник пришел к выводу, что не следует рассматривать Армию Спасения в качестве политической организации и потому ее деятельность не подлежит уголовному наказанию. Но тут же отмечал, что есть все основания подозревать в «политической неблагонадежности» и даже в «прикосновенности» Карла и его сына Бартеля Ларссонов к «сообществу, составившемуся для учинения государственной измены путем способствования правительству или агенту иностранного государства в собирании сведений, касающихся внешней безопасности или вооруженных сил» России. Суть же претензий к Армии Спасения, как к «религиозному учреждению», выражена была следующей фразой: «Армия Спасения, пародирующая в своем устройстве военную систему и привлекающая людей легко в число своих последователей делами фактического и непосредственного благотворения в среде низшего и обездоленного класса населения, представляется организацией, не только противоречащей по своему вероучению правилам церкви Православной, но и достаточно способной для отвлечения от нее истинно верующих православных христиан, — каковые стремления Армии, как совершенно недопустимые в России, должны быть своевременно предупреждаемы и пресекаемы».

В качестве первоочередных мер автор записки предлагал приостановить издание журнала «Вестник спасения» как «органа сектантской пропаганды», возбудить судебное преследование «против виновных в издании и распространении журнала» и установить тщательное «наблюдение за деятельностью членов Армии Спасения в их благотворительных учреждениях для своевременного законного пресечения их сектантской словесной публичной пропаганды» (док. № 19). Выводами и предложениями Митровича оперативно воспользовался Департамент полиции, в ультимативной форме потребовавший их исполнения от Главного управления по делам печати, Петроградского градоначальника, штаба командующего VI армией, департаментов общих и духовных дел МВД³³. При этом необходимость борьбы с Армией Спасения обосновывалась ее «особой опасностью» для России. Так, по мнению Особого отдела Департамента полиции, «Армия Спасения является религиозно-социальной, евангелическо-протестантской сектой, пропаганда учения которой, учиняемая в пределах России с целью совращения православных, противоречит ограждающим Православную веру постановлениям и может быть караема в Империи по 90-й статье Уголовного Уложения»³⁴. По иронии судьбы, строчки эти писались 14 февраля 1917 г. Спустя две недели царское самодержавие было свергнуто восставшим народом, а Российская империя канула в небытие.

Политические силы, пришедшие к власти и предпринявшие усилия по строительству новой, демократической России, столкнулись с необходимостью коренного преобразования прежней государственной религиозной политики. Вместе со многими другими религиозными объединениями, прежде подвергавшимися преследованиям, Армия Спасения обрела наконец-то свободу. Но время этой свободы было кратким и противоречивым. В 1923 г. Армия Спасения вынуждена была покинуть Россию. Лишь спустя десятилетия, в 1991 г., она смогла вернуться сюда вновь.

³² Там же. Л. 56–121об.

³³ Там же. Л. 3–8, 12–12об.

³⁴ Там же. Л. 12.

В публикацию включены документы, выявленные в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА) и в архиве Штаб-квартиры командования Армии Спасения в России и СНГ (Москва). Они воспроизводятся в соответствии с правилами современной орфографии. Вместе с тем, по возможности, сохранены особенности стиля авторов документов. Сокращения, встречающиеся в текстах, раскрыты в квадратных скобках.

Публикацию подготовил доктор исторических наук М.И.ОДИНЦОВ.

№ 1

Предстоящий поход Армии Спасения на Россию

Сообщение международного корреспондентского бюро^а

1909 г.

Из телеграмм я прочел, что восьмидесятилетний вождь Армии Спасения Уильям Бут отправляется со своим штабом через Швецию в Петербург. Это будет новая «рекогносцировка» после ряда неудачных попыток в прежние годы водрузить знамя Армии Спасения в России.

Мне пришлось видеть генерала Бута в минувшем году в Нью-Йорке, где он делал смотр американской Армии Спасения. Это глубокий старец: орлиный нос и предлинная борода делают его похожим на библейского патриарха. Несмотря на свои восемьдесят лет, генерал Бут полон энергии, неутомимый оратор и путешественник.

Судя по английским газетам, Бут будет лично хлопотать в высших сферах о разрешении открыть отделения Армии Спасения в нашем отечестве.

Что же из себя представляет Армия Спасения?¹

В 1865 году скромный пастор методистов² Бут создал евангелическое общество, цель которого — проповедовать евангелие среди отщепенцев общества: босяков, проституток, преступников. В 1878 году общество было переименовано в Армию Спасения (Salvation Army³) и его основатель Бут произвел себя в «генералы». Он придал обществу псевдо-военную организацию. Армия сейчас делится на корпуса, бригады, батальоны, а ее члены — на полковников, майоров, капитанов и рядовых. Принята военная форма: темно-синие тужурки, красные околышки фуражек — для мужчин и такого же цвета платья и шляпы — формы капора — для женщин. В чинопроизводстве оба пола равны: часто жена, отличающаяся «в боях» — капитанша, а ее менее счастливый муж тянет лямку унтера.

Армия Спасения ввела также и военную терминологию. Так, газета Армии, расходящаяся в миллионе экземпляров, называется — «Военный крик»⁴, а молитвенные митинги на улицах — «сражениями» и т.д.

^а Заголовок документа.

Самый религиозный ритуал «спасителей» во многом отличается от других христианских сект. Армия Спасения имеет ряд своих гимнов и псалмов. «Спасители» не стесняются характером музыки: один гимн, например, поется на мотив Марсельезы, другой — как английский патриотический гимн. Мотивы целого ряда популярных песен Англии, а в Америке даже напевы шансоньеток, экспроприируются Армией Спасения для своих песнопений.

Опишу типичный уличный митинг Армии Спасения. Пройдя шумной процессией со знаменами и музыкой по улицам, «спасители» останавливаются на излюбленном углу, чаще всего вблизи кабаков и притонов. Образуется круг, посреди которого ставится большой барабан, играющий в ритуале роль кафедры. «Спасители» по команде капитана становятся на колени, закрывают глаза и в каком-то экстазе внимают произносимой вслух импровизированной молитве капитана. Затем подымаются и начинают петь популярные мелодии под аккомпанемент литавр, бубен, барабана, трубы. Мало по малу, сюда подходят прохожие, любопытные. Пение и гам разнокалиберных инструментов затихает. На середину круга входит капитан, или капитанша, и произносит горячую проповедь на тему: как жить в Лондоне и все-таки избежать ада. Затем появляются на сцену «обращенные» — в большинстве люди сомнительной внешности. «Обращенный» рассказывает, каким он прежде был негодяем, сколько раз он был в тюрьме и как он преобразился после того, как стал ходить на митинги Армии Спасения. Среди этих «обращенных» есть и искренно раскаявшиеся грешники и просто лицемеры-ханжи, рассчитывающие на тепленькое местечко в рядах Армии Спасения. Таких больше.

Дальше на сцену вступает снова офицер и приглашает из публики «волонтеров» каяться всенародно. Из толпы выделяется чаще всего оборванец или «бывшая» женщина и не всегда твердыми ногами направляется в круг, падая на колени у барабана. Капитан наклоняется к кающемуся и выслушивает его исповедь. Злые языки говорят, что практика выработала профессиональных «грешников», получающих за каждый «выход». Затем выходит популярный оратор, который речью, пересыпанной прибаутками, убеждает публику жертвовать в пользу Армии. В это время хорошенькие — на подбор — «рядовые» с бубнами вместо тарелок, обходят публику и чарующими улыбками и взглядами заставляют класть им монету в бубны.

Еще пение и музыка, еще молитва с коленопреклонением и митинг оканчивается. Капитан тут же подсчитывает «выручку» и объявляет во всеуслышание собранную сумму.

Штаб-квартира командования Армии Спасения в России и СНГ. Текущий архив. Машинописная копия.

№ 2
Устав Армии Спасения

Январь 1911 г.

Международное религиозно-филантропическое общество, известное под названием «Армия Спасения», основанное в Англии 45 лет тому назад, и распространившее свою деятельность на 54 различные страны и колонии во всех частях света (где пользуется почти повсеместно одобрением представителей правительства, полицейской власти и духовенства, признавших его могучим фактором в деле поднятия народных масс), желало бы начать дело в России, имея город Санкт-Петербург центральным пунктом, и почтительнейше испрашивает на это разрешение императорского Российского правительства, представляя на утверждение нижеследующий предполагаемый

УСТАВ

I. Цель

Армия Спасения, уповая всецело на благословение Божие, при содействии Духа Святого, имеет целью привлечение к Богу и к благочестивой трудовой жизни людей, отпавших от веры и предающихся пьянству, разврату и разным порокам, и направляет свои усилия преимущественно на тех, которые никаких церквей не посещают и погибают в безбожии и грехе.

II. Принципы

Живая деятельная вера в Бога и в Иисуса Христа, Спасителя мира, по Священному Писанию, есть коренная основа учения и работы Армии Спасения. Строго воспрещается членам ее затрагивать, спорами или критикой, вероучения, богослужения и представителей установленных церквей или религиозных общин. Единая ее задача – призывать людей к Богу, молитве и подчинению Его законам.

Армия Спасения стоит абсолютно вне всякой политики, и никогда не служит орудием какой бы то ни было партии. Она также не представляет из себя особую церковь, а, наоборот, принимает как членов и сотрудников, мужчин и женщин, принадлежащих к разным христианским вероисповеданиям.

Все члены Армии Спасения обязуются воздерживаться от всякого употребления спиртных напитков.

III. Деятельность

Для достижения намеченных целей Армия Спасения:

а) устраивает религиозные собрания, куда привлекаются люди, погибающие в притонах греха, и где стараются пробудить в них совесть и желание начать новую, богоугодную жизнь;

- б) организует посещение беднейшего населения для оказания духовной и материальной помощи;
- в) издает и распространяет общедоступную христианскую литературу;
- г) открывает благотворительные учреждения, посредством которых доставляется нищим работа, приют, пища, смотря по надобности, и преследуя все ту же цель — поднятие нравственности, пробуждение религиозного чувства и развитие трудоспособности и трудолюбия. Контингент призываемых составляет: 1) нищие, 2) бесприютные, 3) безработные, 4) пьяницы, 5) падшие женщины и девушки, 6) преступники, 7) стоящие на краю преступления, 8) покинутые дети.

IV. Организация

Отдел Армии Спасения, открывающий свою деятельность в России, подчинен общему, международному управлению в Лондоне, во главе которого состоит пожизненно генерал Уильям Бут (William Booth), основатель и руководитель всего дела. Им избираются и назначаются представители во всех 54 странах, где Армия Спасения открыла свою деятельность. Эти представители обязаны строго следить за точным соблюдением вышеозначенных правил и отвечают за это пред местным правительством. Они, в свою очередь, избирают себе компетентных сотрудников или «офицеров», которые, отдавая себя в полное распоряжение Армии Спасения, получают от нее необходимые средства к жизни.

Сочувствующие целям и деятельности Армии Спасения и согласующие свою жизнь с ее принципами, могут с согласия «офицеров» быть зачислены в ряды ее, называясь «рядовыми». Этим они отнюдь не отвлекаются от той церкви, которой принадлежат, или от обычного своего призвания и заработка. Свободное время они отдают на добровольное служение и никакого вознаграждения за него не получают, а, наоборот, сами жертвуют в пользу дела, сколько могут. Выписываться они могут, когда только пожелают; если же их поведение уклонится от принципов Армии Спасения, то старшие или «офицеры» имеют право их уволить.

V. Денежные средства

Доходы Армии Спасения состоят из:

- а) добровольных пожертвований;
- б) продажи литературных произведений;
- в) отказов по духовным завещаниям.

Все доходы расходуются исключительно на деятельность Армии Спасения. Отчетность прихода и расхода ведется самым точным образом.

Каждый отдел и учреждение стараются, по возможности, покрывать свои собственные расходы на наем помещений, отопление, освещение, содержание «офицеров» и прочее. С этой целью на собраниях производятся денежные сборы, которым тоже ведется подробная отчетность.

Расходы на филантропический отдел покрываются, главным образом, производством тех, кому доставлен труд и которые, таким образом, сами способствуют своему материальному, нравственному и духовному

возрождению. Дефицит пополнится добровольными пожертвованиями от частных лиц или благотворительных обществ.

Штаб-квартира командования Армии Спасения в России и СНГ. Текущий архив. Машинописная копия.

№ 3

Информация Департамента полиции в Департамент общих дел МВД России о деятельности Армии Спасения в России

№ 9364

12 февраля 1911 г.

Срочно

Секретно

Вследствие отношения от 26[-го] минувшего января за № 96, департамент полиции имеет честь уведомить департамент общих дел, что в делах департамента относительно «Армии Спасения» имеются лишь несколько образчиков, из коих один экземпляр при сем прилагается, разосланных в разные места России оповещений об этом обществе под заглавием «Предстоящий поход Армии Спасения на Россию»⁵ с обрисовкой деятельности последней, а также данные о том, что министерством внутренних дел в 1891 году, согласно ходатайства бывшего обер-прокурора Святейшего Синода К.П.Победоносцева, воспрещен был въезд в пределы империи учредителю Армии Спасения генералу Буту, в силу чего возбуждавшиеся затем названным лицом ходатайства о разрешении ему приезда в Россию были министерством внутренних дел отклоняемы.

Обращаясь засим к рассмотрению вновь возбуждаемого вопроса со стороны названной организации о разрешении членам ее свободного доступа в Россию, департамент полиции, отдавая должное гуманитарным началам, которыми, по отзыву господина министра иностранных дел, проникнуто это общество, тем не менее, не может не оттенить и того обстоятельства, что публичная идеализация Армией Спасения своих тезисов в местах общественного пользования, проводимая представителями этой лиги в большинстве, в особенности в первое время ознакомления русского общества с ее задачами, лицами, не знающими ни русской действительности, ни уклада нашей жизни, притом неправославного исповедания, может быть, при современном общем уровне развития населения, истолкована последним или как проповедь нового религиозного направления и тем вызвать демонстративного характера выступления против проповедников со стороны православных, или повлечет за собой создание новых религиозных течений в жизни нашего народа. Вместе с тем, в данном деле следует учесть также и митинговый характер выступлений этого общества на открытом воздухе или в местах наибольшего скопления публики, притом иногда в такого рода увеселительных заведениях, где и без того публика находится в приподнятом

настроении и в силу этого более всего склонна к демонстративным выходкам. Наконец, нельзя не считаться с тактикой настоящего момента разного рода нелегальных политических антиправительственных партий, стремящихся использовать всякого рода публичные собрания в целях осложнения задачи правительства внести умиротворение в общественную жизнь после тяжелого лихолетья, пережитого родиной.

В виду всего вышеизложенного департамент полиции находил бы несвоевременным разрешение означенного выше ходатайства с благоприятным для названного общества результатом.

Директор Зув⁶

Штаб-квартира командования Армии Спасения в России и СНГ. Текущий архив. Машинописная копия.

№ 4

Письмо генерал-губернатора Финляндии Ф.А.Зейна директору Департамента общих дел МВД России А.Д.Арбузову⁷ о деятельности Армии Спасения в Финляндии

№ 669

15 апреля 1911 г.

Секретно

Милостивый государь, Алексей Дмитриевич.

Вследствие письма Вашего Превосходительства по поводу характера деятельности в пределах высочайше вверенного мне края Армии Спасения, считаю своим долгом сообщить следующее.

Армия Спасения проникла в Финляндию около 1889 года и, обосновавшись здесь нелегальным образом, пыталась затем (в 1891 году) ходатайствовать у Императорского Финляндского Сената законное разрешение на функционирование в пределах Финляндии и утверждение своего устава. Однако часть сенаторства высказалась за отклонение сего ходатайства, мотивируя таковое свое мнение нежелательностью допустить в Финляндию общество, которое, «являясь отделением международной Армии Спасения, должно быть подчинено заграничному начальству и обязано повиноваться его распоряжениям». Генерал-губернатор граф Гейден присоединился к означенному мнению сенаторов, и засим ходатайство Армии Спасения было высочайше отклонено. В виду сего всякая публичная деятельность членов Армии Спасения в пределах края была воспрещена и даже подверглась преследованию; так, например, в 1892 году шведский подданный сапожник Аксель Бергрэн был с высочайшего соизволения удален генерал-губернатором из края за недозволенную агитацию в пользу Армии Спасения. Равным образом в сентябре того же года по ходатайству генерал-губернатора воспоследовало высочайшее соизволение на удаление из Финляндии агентов Армии Спасения англичан «Мах Кie» и «Rlant» за руководство ими «сборищами Армии Спасения» в Гельсингфорсе. При этом государю императору благоугодно было предоставить Финляндскому генерал-

губернатору вообще право удалять за границу иностранцев, прибывающих в Финляндию для агитации в пользу Армии Спасения.

Несмотря на вышеизложенные обстоятельства, Армия Спасения, тем не менее, хотя и без утвержденного до настоящего времени устава, получила широкое распространение в Финляндии. Из имеющейся по вопросу об Армии Спасения переписки не видно, когда именно пропаганда и открытая деятельность последней была фактически допущена, но, по-видимому, с течением времени Армия эта перестала обращать на себя внимание со стороны административных властей и впоследствии законность деятельности ее пытались обосновать высочайшим Объявлением 14 ноября 1889 года, давшим право протестантским религиозным обществам, не принадлежавшим к евангелическо-лютеранской церкви, открыто исповедовать свою веру в качестве иноверных общин.

Наряду с означенной Армией Спасения с сентября 1905 года, как разветвление ее, обосновалась в Финляндии особая «Финляндская Армия Спасения», также действующая без утвержденного в установленном порядке устава и наметившая в своей деятельности ту же цель, что и первая, но разнящаяся по самой организации, в основу коей положено начало не единоличной безответственной распорядительной власти, как у Армии Спасения, учрежденной генералом Бутом, а коллегиально-выборной⁸.

Переходя засим к характеру деятельности в Финляндии Армии Спасения, следует заметить, что таковая придерживается главным образом начал религиозного самосовершенствования и благотворительной помощи бедному населению и каких-либо отклонений в сторону вмешательства в общественную жизнь не замечено.

Однако нельзя обойти молчанием, что главный руководитель всей Армии Спасения, генерал Бут, в бытность свою в Гельсингфорсе в 1909 году обратился с письмом на имя моего предшественника, высказывая, между прочим, надежду на то, что «старания его подчиненных были полезны властям по части введения порядка и хорошего поведения среди классов, оказавших сопротивление поддержке общественного порядка». Допуская возможность подобной услуги со стороны членов Армии Спасения, генерал Бут, по-видимому, не считает себе чуждой задачей известного политического воздействия на общественные массы, каковое обстоятельство является неблагоприятным показателем, ибо при изменившихся обстоятельствах или взглядах руководителей Армии Спасения, последняя, несомненно, сможет проявить широкое влияние и во вред существующему государственному порядку, тем более, если иметь в виду, что главное управление свое общество это имеет за границей, и что оно, таким образом, лишено всякого контроля со стороны нашего правительства.

Что касается же уклонения Армии Спасения в своей деятельности во вред общественному порядку, то ярким примером к сему в отношении упомянутой выше «Финляндской Армии Спасения» может служить состоявшееся в минувшем марте месяце постановление магистрата города Ювяскюля Вазаской губернии о закрытии местного отделения Ар-

мии Спасения, в виду целого ряда бесчинств и вредной деятельности там означенной организации, подробности о чем изложены в прилагаемой при сем выписи из полицейского протокола^а.

Сопоставляя выше изложенное, можно до известной степени заключить, что, несмотря на полезные внешние проявления деятельности Армии Спасения, в настоящее время нет еще твердых оснований быть уверенным, что организация эта вполне лишена каких-либо скрытых целей и является вполне желательной с точки зрения общественного порядка и безопасности. Заслуживая одобрения, как организация, оказывающая помощь бедному населению, и в известных случаях удерживающая его от пьянства, Армия Спасения, с другой стороны, своим воздействием на низшие классы населения, а равно стремлением сплотить своих членов в компактные массы, с придачей им притом характера, пародирующего военную организацию, может возбуждать к себе полного доверия.

В виду сего, и принимая во внимание отсутствие гарантий, что в будущем Армия Спасения не уклонится от первоначально намеченных ею целей, нельзя не придти к заключению, что высказанные еще генерал-адъютантом Гейденом соображения о нежелательности легализации деятельности Армии Спасения без сомнения имеют свое значение и по настоящее время.

К изложенному считаю долгом присовокупить, [что] по моему приказанию ныне пересматриваются в [...] ^б Архиве дела, связанные с вопросом об Армии Спасения, и в случае, если в таковых будут обнаружены какие-либо новые данные, проливающие свет на деятельность означенной организации в Финляндии, то сведения эти я не премину дополнительно сообщить Вашему Превосходительству.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и отличной преданности.

Глубоко вас уважающий

Ф. Зейн

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1911. Оп. 241. Д. 135. Л. 90–93. Подлинник.

№ 5

Письмо Департамента духовных дел МВД России директору Департамента общих дел А.Д.Арбузову о деятельности Армии Спасения в России

№ 508

2 июня 1911 г.

Милостивый государь, Алексей Дмитриевич.

Возвращая при сем препровожденную ко мне переписку, касающуюся Армии Спасения, имею честь уведомить Ваше Превосходитель-

^а Не публикуется.

^б Слово неразборчиво.

ство, что по вопросу о распространении ее действий в России я имел случай, при ближайшем моем докладе у господина министра⁹, доложить Его Превосходительству мое мнение о нежелательности допущения названной организации в пределах Империи. При этом я доложил господину министру мое мнение о нежелательности функционирования в наших пределах вообще общественной организации, управляемой из-за границы. Кроме того, я счел необходимым обратить внимание Его Превосходительства на то, что в настоящее время в русском обществе проявляется значительное стремление к созданию организаций, преследующих общегуманитарные цели и по задачам своим близко подходящих к Армии Спасения. К числу таковых организаций в первую очередь принадлежат «Всероссийский трудовой союз

христиан трезвенников» и общество «Единение», а, кроме того, целый ряд местных обществ с конфессиональным характером, специально предназначенных для поднятия религиозности и нравственности среди малокультурных слоев населения. Вследствие этого, по моему мнению, распространение деятельности Армии Спасения на Россию не вызывалось бы достаточной надобностью.

По выслушании изложенного и затруднившись ныне же дать определенный ответ Великобританскому послу, господин министр вместе с тем, однако, в виду того широкого распространения, которое получила почти на всем земном шаре Армия Спасения, и тех высоких начал, которыми служит эта организация, признал необходимым окончательное суждение по данному вопросу предоставить Совету министров.

Сообщая о сем Вашему Превосходительству, прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в отличном моем уважении и преданности^а.

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Оп. 240. Д. 135. Л. 97–98. Подлинник.

№ 6

Справка товарища министра внутренних дел России С.Е.Крыжановского об Армии Спасения

№ 19785

31 июля 1911 г.

Императорский посол в Лондоне уведомил министерство иностранных дел, что «Армия Спасения», пользующаяся в настоящее время весьма значительной популярностью в Великобритании, благодаря преданности членов ее своему делу и достигнутым поэтому успехам в их филантропических начинаниях, намеревается возбудить перед Российским императорским правительством ходатайство о разрешении членам общества свободного доступа в Россию. Для этой цели помянутое общество предполагает обратиться к Великобританскому послу в Санкт-Петербурге с просьбой об оказании содействия к допущению в пределах России Армии Спасения. Вместе с сим, граф Бенкендорф, сообщая об

^а Подпись неразборчива.

этом, объяснил, что, как видно из заявлений посетившего его одного из членов Армии Спасения, последняя заранее принимает все условия, которые наше правительство поставило бы для ее деятельности в Империи, и что вообще общество не намеревается предпринимать что-либо без ведома наших властей. При этом посол указал, на основании своего опыта и наблюдений, что Армия Спасения состоит из лиц порядочных и добросовестных, и что можно быть уверенным, что данное ими заверение будет в точности исполнено.

Министр иностранных дел, сообщая об изложенном, объяснил, что в бытность его в Лондоне, он имел возможность ознакомиться с деятельностью Армии Спасения, и констатировать ее поразительные результаты. Обществом отвращено от порока и всякого рода искушений громадное количество лиц. Армия Спасения стремится к достижению лишь нравственных целей и не носит какого-либо вероисповедного оттенка. Вместе с сим, гофмейстер Сазонов отметил, что духовенство всех исповеданий горячо приветствует ее успехи. Равным образом, Армия не преследует никаких политических целей. Однако, по характеру своей деятельности, она является противницей учений социалистического и анархистского.

После сего английский посол при Императорском Русском Дворе доставил мне записку, заключающую в себе главные основания деятельности Армии, прося ответить ему, может ли Армия Спасения получить разрешение на открытие своей деятельности в России.

Приняв во внимание, что в распоряжении министерства внутренних дел не имелось непосредственно данных об условиях и характере деятельности Армии Спасения и, имея в виду, что Армия Спасения проявляет свою деятельность в пределах Финляндского генерал-губернаторства, министерство внутренних дел просило Финляндского генерал-губернатора сообщить имеющиеся в его распоряжении сведения о характере деятельности Армии Спасения в Финляндии.

Вследствие сего генерал-лейтенант Зейн сообщил следующее: Армия Спасения проникла в Финляндию около 1889 года и, обосновавшись здесь нелегальным образом, пыталась затем (в 1891 г.) исходатайствовать у Императорского Финляндского Сената законное разрешение на функционирование в пределах Финляндии и утверждение своего устава. Однако часть сенаторов высказалась за отклонение сего ходатайства, мотивируя таковое свое мнение нежелательностью допустить в Финляндию общество, которое, «являясь отделением международной Армии Спасения, должно быть подчинено заграничному начальству и обязано повиноваться его распоряжениям». Генерал-губернатор граф Гейден присоединился к означенному мнению сенаторов, и засим ходатайство Армии Спасения было высочайше отклонено. В виду сего всякая публичная деятельность членов Армии Спасения в пределах края была воспрещена и даже подверглась преследованию; так, например, в 1892 году шведский подданный сапожник Аксель Бергрэн был с высочайшего соизволения удален генерал-губернатором из края за недозволенную агитацию в пользу Армии Спасения. Равным образом в сентябре того же

года по ходатайству генерал-губернатора воспоследовало высочайшее соизволение на удаление из Финляндии агентов Армии Спасения англичан «Мах Кіе» и «Rlant» за руководство ими «сборищами Армии Спасения» в Гельсингфорсе. При этом государю императору благоугодно было предоставить Финляндскому генерал-губернатору вообще право удалять за границу иностранцев, прибывающих в Финляндию для агитации в пользу Армии Спасения.

Несмотря на вышеизложенные обстоятельства, Армия Спасения, тем не менее, хотя и без утвержденного до настоящего времени устава, получила широкое распространение в Финляндии. Из имеющейся по вопросу об Армии Спасения переписки, не видно, когда именно пропаганда и открытая деятельность последней была фактически допущена, но, по-видимому, с течением времени Армия эта перестала обращать на себя внимание со стороны административных властей и впоследствии законность деятельности ее пытались обосновать высочайшим Объявлением 14 ноября 1889 года, давшим право протестантским религиозным обществам, не принадлежавшим к евангелическо-лютеранской церкви, открыто исповедовать свою веру в качестве иноверных общин.

Наряду с означенной Армией Спасения с сентября 1905 года, как разветвление ее, обосновалась в Финляндии особая «Финляндская Армия Спасения»^а, также действующая без утвержденного в установленном порядке устава^б и наметившая в своей деятельности ту же цель, что и первая, но разнящаяся по самой организации, в основу коей положено начало не единоличной безответственной распорядительной власти, как у Армии Спасения, учрежденной генералом Бутом, а коллегиально-выборной^в.

Переходя засим к характеру деятельности в Финляндии Армии Спасения, генерал-лейтенант Зейн заметил, что таковая придерживается главным образом начал религиозного самосовершенствования и благотворительной помощи бедному населению и каких-либо отклонений в сторону вмешательства в общественную жизнь не замечено.

Однако нельзя обойти молчанием, что главный руководитель всей Армии Спасения генерал Бут, в бытность свою в Гельсингфорсе в 1909 году, обратился с письмом на имя моего бывшего Финляндского генерал-губернатора от инфантерии Бекмана, высказывая, между прочим, надежду на то, что «старания его подчиненных были полезны властям по части введения порядка и хорошего поведения среди классов, оказавших сопротивление поддержке общественного порядка». Допус-

^а Примечание автора записки: «В настоящее время она состоит из 26 отделений, кои насчитывают следующее число членов: офицеров 101 и солдат 1385, а всего 1486 человек».

^б Примечание автора записки: «В апреле текущего года эта Армия возбудила пред Сенатом ходатайство об утверждении своего устава».

^в Примечание автора записки: «Во главе «Финляндской Армии Спасения» находится дирекция, состоящая из выборных членов, во главе же функционирующей в Финляндии первой Армии Спасения, т.е. учрежденной генералом Бутсом, состоит британский подданный «полковник» Вильям Генри Говард».

кая возможность подобной услуги со стороны членов Армии Спасения, генерал Бут, по-видимому, не считает себе чуждой задачу известного политического воздействия на общественные массы, каковое обстоятельство является неблагоприятным показателем, ибо при изменившихся обстоятельствах или взглядах руководителей Армии Спасения, последняя, несомненно, сможет проявить широкое влияние и во вред существующему государственному порядку, тем более, если иметь в виду, что главное управление свое общество это имеет за границей и что оно, таким образом, лишено всякого контроля со стороны нашего правительства.

Что касается же уклонения Армии Спасения в своей деятельности во вред общественному порядку, то ярким примером к сему в отношении упомянутой выше «Финляндской Армии Спасения» может служить состоявшееся в минувшем марте месяце постановление магистрата города Ювяскюля Вазаской губернии о закрытии местного отделения Армии Спасения, в виду целого ряда бесчинств и вредной деятельности там означенной организации.

Сообщая об изложенном, генерал-лейтенант Зейн объяснил, что, сопоставляя вышеизложенное, можно до известной степени заключить, что, несмотря на полезные внешние проявления деятельности Армии Спасения, в настоящее время нет еще твердых оснований быть уверенным, что организация эта вполне лишена каких-либо скрытых целей и является вполне желательной с точки зрения общественного порядка и безопасности. Заслуживая одобрения, как организация, оказывающая помощь бедному населению и в известных случаях удерживающая его от пьянства, Армия Спасения, с другой стороны, своим воздействием на низшие классы населения, а равно стремлением сплотить своих членов в компактные массы, с придачей им притом характера, пародирующего военную организацию, не может возбуждать к себе полного доверия.

В виду сего, и принимая во внимание отсутствие гарантий, что в будущем Армия Спасения не уклонится от первоначально намеченных ею целей, нельзя не придти к заключению, что высказанные еще генерал-адъютантом Гейденом соображения о нежелательности легализации деятельности Армии Спасения, вне сомнения, имеют свое значение и по настоящее время.

Рассмотрев устав названного общества, в связи с приведенными выше данными о характере деятельности его, я не мог не придти к заключению, что едва ли представляется возможным в настоящее время обществу, несмотря на то, что преследуемые им цели, преследующие нравственное воспитание народных масс, заслуживают полного поощрения, открыть свои действия в пределах России. Хотя Армия Спасения и не может быть признана единением чисто вероисповедного характера, но все же в виду особого характера своей деятельности и преследуемых ею целей легко может вылиться в России, при современном религиозном настроении народа, в особую секту, что, безусловно, представляется нежелательным. Кроме сего, управление делами общества находится в Лондоне, между тем как министерство внутренних дел полагает, что до-

пушение деятельности подобных обществ в России нежелательно, в виду затруднительности осуществления надзора за ними и отсутствия в настоящее время законов, нормирующих их деятельность.

Кроме того, я не мог не обратить внимание на то, что в настоящее время в русском обществе проявляется значительное стремление к созданию организаций, преследующих общегуманистические цели и по задачам своим близко подходящих к Армии Спасения. К числу таковых организаций в первую очередь принадлежат «Всероссийской трудовой союз христиан трезвенников» и общество «Единение», а, кроме того, целый ряд местных обществ с конфессиональным характером, специально предназначенных для поднятия религиозности и нравственности среди малокультурных слоев населения. Вследствие этого, казалось бы, что вообще распространение деятельности Армии Спасения и на Россию не вызывается достаточной надобностью.

Затрудняясь в виду изложенного дать определенный и положительный ответ великобританскому послу, министерство внутренних дел вынуждено, однако, иметь в виду широкое распространение, которое получила почти на всем земном шаре Армия Спасения и те высокие начала, которым служит эта организация.

По сим основаниям, и признавая исключительную важность возбужденного английским послом вопроса, я, предварительно каких-либо по сему поводу распоряжений, полагаю соответственным просить Совет министров подвергнуть этот вопрос окончательному рассмотрению. При этом обязываюсь объяснить, что министерством в настоящее время предположены ко внесению на рассмотрение законодательных учреждений новые правила об обществах и союзах, предусматривающие возможность образования в России обществ, управляемых за границей. В виду сего, и в случае, если бы Совет министров высказался бы за допущение в России деятельности Армии Спасения, то общество могло бы возбудить предполагаемое ходатайство лишь по обнародовании вышеозначенного закона, но при непременном условии согласования правил его устава с законами Империи и исключения из устава правил, придающих обществу характер военной организации. Имея же в виду митинговый характер выступлений Армии Спасения на открытом воздухе, связанный с возможностью угрозы общественному порядку и безопасности, непредусмотренный русскими законами и не соответствующий укладу русской общественной жизни, надлежало бы также обусловить допущение деятельности Армии Спасения отказом ее от подобных выступлений, внесением в устав соответствующей оговорки.

Помимо всего вышесказанного обязываюсь поставить Вас в известность, что министерством внутренних дел в 1891 г. согласно ходатайству бывшего обер-прокурора Святейшего Синода К.П.Победоносцева воспрещен был въезд в пределы империи учредителю Армии Спасения генералу Буту и в силу сего возбуждавшиеся засим названным лицом ходатайства о разрешении ему приезда в Россию министерством внутренних дел отклонялись.

Сообщая об изложенном Вашему Превосходительству, с приложением копии записки, представленной английским послом^а, для доклада Совету министров, прошу принять уверение в искреннем моем уважении и совершенной преданности.

С.Крыжановский

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Оп. 240. Д. 135. Л.99–102. Машинописная копия.

№ 7

**Письмо генерала Армии Спасения У.Бута
председателю Совета министров России В.Н.Коковцову
по вопросу регистрации Армии Спасения в России**

31 января 1912 г.

Милостивый государь.

Благосклонный интерес, проявленный Вами к великому делу, коим мы заняты, а также и лично ко мне, во время посещения мной Думы около 3-х лет тому назад, побуждает меня писать к Вам в настоящее время относительно наших действий в Российской империи.

С самого начала, как только мы приступили к обсуждению этого предмета, я чувствовал, что единственно верный путь открытый нам, — это не предпринимать ничего, не получив предварительного одобрения ответственных властей, и этот взгляд был подтвержден справками, наведенными некоторыми из пребывающих в Петербурге моих служащих, которые неоднократно посещали министерство внутренних дел и совещались с чиновниками этого ведомства о проекте нашего устава.

Мой офицер Г.Паульсен (по национальности датчанин), живущий в Лесном, по Новому переулку, в доме № 5, вручил 18 февраля прошлого года сэру Джорджу Бьюкенену¹⁰ проект нашего устава для представления оного покойному господину Столыпину, но названный офицер и поныне не получил никаких известий относительно утверждения этого устава.

Могу ли я надеяться на Вашу доброту и заботу, что устав этот будет принят в должное соображение, коего он заслуживает, с чем и Вам угодно будет, я надеюсь, согласиться.

С просьбой принять уверение в моем почтении, остаюсь Ваш покорный слуга

Уильям Бут

Штаб-квартира командования Армии Спасения в России и СНГ. Текущий архив. Машинописная копия. Перевод с англ.

^а Не публикуется.

№ 8

**Письмо генерала Армии Спасения У.Бута министру внутренних дел
А.А.Макарову в связи с решением Совета министров
о недопущении деятельности Армии Спасения в России***17 мая 1912 г.*

Ваше Превосходительство.

Имею честь удостоверить получение письма Вашего от 18 марта, коим мне было сообщено решение Вашего правительства о том, что признание и свободная деятельность в пределах Российской империи членов Армии Спасения допущены быть не могут. Я искренне признателен Вашему Превосходительству за особое внимание, оказанное моему проекту передачей его на обсуждение Совета министров. Хотя я и глубоко сожалею о принятом последним решением, вызванном, как я уверен, недостаточно полной осведомленностью с нашей деятельностью и ее результатами, я, разумеется, могу только принять это решение к моему сведению.

В настоящее время, тем не менее, мне хотелось бы высказать, что, как я вполне убежден, соображения, приведшие Совет министров к отрицательному заключению по настоящему вопросу, будут со временем устранены, и что более близкое знакомство с нашей деятельностью и нашими задачами в недалеком будущем приведет к отмене принятого ныне решения. Уверенность моя в таком исходе дела основывается на следующих соображениях.

1. Пропаганда Армии Спасения лишена всякой политической окраски. Основное положение, выставляемое нами во всех наших проповедях и поучениях, это то, что человек сам должен быть возрожден и что достигнуто сие может быть лишь милостью и могуществом Господним. Всякая же деятельность, создающая из дурных людей — людей добрых, честных и прямодушных, может содействовать лишь усилению государства. Прямым результатом деятельности Армии Спасения во всех странах было поднятие духовного и нравственного уровня масс, во многих случаях угрожавших благополучию государства.

2. Хотя Армия Спасения и является совершенно самостоятельной духовной организацией, однако пропаганда ее никогда не бывает направлена против господствующей в государстве религии или какого-либо другого вероисповедания.

Членам Армии воспрещено высказываться с порицанием об учении или деятельности какой-либо другой религиозной организации.

Убежища и учреждения Армии Спасения открыты всякому обращающемуся, без различия его исповедания. Многие обращенные уходили из наших собраний и убежищ совершенно изменившимися людьми и стремились с тех пор вести жизнь истинных христиан в согласии с исповеданием их собственной церкви. Таким образом, деятельностью Армии Спасения может быть лишь подвинуто дело истинного религиозного просвещения.

Еще раз благодарю Вас за Ваше внимание и призываю на Вас всякое благословение.

Примите и прочее.

Уильям Бут

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Оп. 240. Д. 135. Л. 176–177. Машинописная копия. Перевод с англ.

№ 9

Письмо начальника Финляндского жандармского управления в особый отдел Департамента полиции МВД России о деятельности Армии Спасения в Финляндии

№ 3788

31 октября 1913 г.

Секретно

По собранным сведениям, в пределах Финляндии хотя и имеются сектанты различных религиозных вероучений, но в очень ограниченном количестве, так как в среде местного населения самое большое число последователей имеет международная секта «Армия Спасения», каковая по своему направлению и вероучению не представляет собой ничего предосудительного.

Случаи пропаганды со стороны проживающих в Финляндии сектантов в среде нижних чинов наблюдались в городе Выборге, где проповедник евангелических христиан отставной фельдфебель Смородинов в своих речах в церковном зале открыто призывает слушателей не брать в руки оружия, считая всякое убийство грехом, члены же этой секты стараются привлекать в свою среду знакомых нижних чинов Выборгского гарнизона и в беседах с ними убеждают их, что солдаты, берущие в руки оружие, совершают грех. Секта эта весьма незначительна и число ее членов не превышает 50–60 человек.

В организации агентурного наблюдения за деятельностью сектантских общин со стороны розыскных органов едва ли является необходимость, так как общества эти ведут свою пропаганду большей частью открыто и местная администрация, полиция и духовенство всегда имеют возможность знать все, что необходимо, без посредства розыскных органов. Между тем, эта деятельность отвлекла бы розыскные органы от их прямой и более важной обязанности — бороться с революционным движением, и розыскные органы, по некомпетентности своей в религиозных вопросах, склонны будут, по некоторым признакам, имеющим сходство с учениями социализма и даже анархизма, но исходящим из религиозных заблуждений, а отнюдь не из политических убеждений, отождествлять раскольников и сектантов, бывших до последнего времени, несмотря на свои религиозные заблуждения, наиболее консервативным элементом, с революционерами, с которыми они не могут иметь ничего общего уже потому, что верят в Бога, которого революционеры не признают, и являются врагами всякого насилия, которое является

тактикой революционных организаций для свержения существующего государственного и общественного строя.

Полковника^а

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Оп. 240. Д. 135. Л. 218. Подлинник.

№ 10

**Письмо полковника Армии Спасения К.Ларссона
генералу Армии Спасения Б.Буту об организации
деятельности Армии Спасения в России**

2 февраля 1914 г.

Дорогой генерал!

После того, как я произвел всевозможные расследования в Петербурге, Риге и Митаве, я полагаю возможным окончательно утверждать, что мы можем надеяться приняться за работу Армии Спасения в России лишь при условии, если мы готовы и желали бы приспособиться к обстоятельствам и учредить общество под другим именем.

Правительство России делается все более и более консервативным и то, что было возможным восемь лет или даже четыре года тому назад, не представляется возможным теперь.

Мы можем, конечно, сказать, что можем ждать, но есть опасность и в ожидании. Я положительно могу сказать, что каждый потерянный нами год отодвигает нас назад на 4 или 5 лет. Вот мои причины этому:

1) Если революция не изменит положения вскоре, даже наши настоящие шансы будут потеряны, так как Правительство делается все более и более консервативным.

2) Социалистическая пропаганда прогрессирует более, чем то могут предполагать иностранцы и даже многие русские. Пять или десять лет могут заставить изменить нам рабочие классы городов и нам тогда трудно будет завербовать 10 солдат, чем теперь 50. Теперь мы можем получить мужчин, как то было с другими обществами. Немного лет спустя мы можем надеяться лишь на женщин, как то показывает наш опыт в Финляндии.

3) Во многих городах учреждены общества, и таковые учреждения могут ожидать каждый день, причем они более или менее приближаются к Армии Спасения, как по образцу, и употребляют названия, похожие на наши, например, «Спасение». Если даже они и не выполняют нашей работы, они у нас на пути и во многих случаях отняли наши шансы. Я утверждаю это, как факт с «Уличной миссией» в Риге, о которой я напишу отдельный рапорт, и в случае, если будет революция, которую ожидают и которая больше изменит обстоятельства, необходимо было бы иметь уже там несколько офицеров и быть готовыми для той работы, которую ожидаемая свобода тогда может сделать возможной.

^а Подпись неразборчива.

4) Другое соображение также заслуживает внимания. Наша выставка прошлым летом¹¹ возбудила некоторые ожидания и интерес, но это может скоро исчезнуть, если ничего не будет сделано дальше. То же самое может быть сказано о публикации «Вестника спасения». Публика может, наконец, утомиться, читая только о работе «спасения» в других странах и никогда не видя ничего о собственной родине, тем более, что многие не понимают, почему мы не начинаем, и тогда наш издатель и продавцы газеты могут быть обескуражены, если мы не воспользуемся попутным ветром, который дул и продолжает дуть в нашу сторону. Я чувствую это по моим старым друзьям. Они уже не имеют прежнего интереса к нам, который у них замечался немного лет тому назад. Они теряют надежду, и каждый направляется к некоторым собственным целям. Это скоро случится с новыми друзьями, которыми мы заручились в последние несколько месяцев.

5) Затем есть дальнейшая причина быстрых действий. Как раз теперь, как Вы знаете, произошла перемена премьер-министра¹². Новый премьер не пробудет многих месяцев на своем посту, так как он старый человек¹³. Его предшественник пал частью жертвой питейного вопроса. Монополия продажи крепких напитков дает правительству доход в один миллиард рублей в год – 100 миллионов фунтов стерлингов. Так как это производило сенсацию, то в заседании правительства (министров) было предложено сохранить доход с напитков до половины первой указанной суммы. Это предложение не было одобрено предыдущим премьером.

Тем не менее, кажется, император¹⁴ был несколько обеспокоен. Он издал указ, чтобы все, что можно сделать для уменьшения пьянства и помощи народу, выйти из настоящего состояния бедности и порока, было сделано. Я слышал это от одного из высших чинов при губернаторе в Митаве, но полагаю, что газеты также писали об этом.

Этот чиновник полагал, и я уверен в том, что это психологический момент и подходящее время, которые не должны быть потеряны. Правительство изыскивает средства выполнения желания императора в том смысле, чтобы быть в состоянии сказать ему, что нечто сделано. И я думаю, что многие воспользуются случаем и откроют разного рода общества. Почему не мы? Спустя несколько месяцев и эти возможности будут потеряны и удобный момент пропущен. В апреле влиятельные люди, в которых мы нуждаемся для подписи прошения, уедут в деревню или по другим причинам покинут Петербург и тогда никакие шаги невозможны прежде будущей зимы. Это обозначает потерю целого года, удобного момента и, может быть, всего, что мы теперь выиграли.

Могут сказать, что, вероятно, правительство не желает разрешить появления Армии Спасения, если соответствующая просьба будет сделана. Тем не менее, я не верю этому.

Церковь против нас. Глава Синода заявил, что будет бороться с нами всеми силами, затем один параграф в законе об обществах гласит, что в России воспрещены между прочими общества, которые управляются или контролируются из-за границы (у нас есть книга в Петрограде).

Какие бы шаги правительство не предпринимало в питейном вопросе, я не верю, чтобы оно разрешило появление Армии Спасения в России. Правительство консервативно, хотя и желает называться либеральным, и слишком находится в руках самых черных консервативных сфер, чтобы рискнуть на такой шаг, и ни один министр, принадлежащий к ним, не решится рекомендовать это.

Мы должны найти другой возможный путь для начала и после этого бороться за наше существование, как то мы делали в других странах и как то делали и делают успешно многие настоящие общества в России.

Русские власти, которые в Финляндии отлично знают нас и имеют к нам доверие, готовые разрешить всю свободу действий, которую мы только можем потребовать, если мы встретимся снова в России при подобных же обстоятельствах, откажут нам во всем, что охотно дали бы в Финляндии. Это потому, что система (политика) сильнее, чем люди, сильнее, чем всякие законы в России, и даже сильнее, чем сам император. И мы должны приспособиться к системе и стать «русскими» для спасения России.

В России самая обыкновенная вещь, и никто не считает это чем-либо особенным, что работа «спасения» или иная социальная работа производится под другим именем, не настоящим. Все интернациональные организации, работающие в России, приспособляются таким образом к обстоятельствам. Я предлагаю Вам первоначальный проект статуты «Общества «Вестника спасения»». Разумеется, я знаю, что вопрос правительства является отталкивающим для всякого члена Спасения, но мне это, кажется, является единственно возможным путем для начала. Разумеется, я допускаю известный риск, но, с другой стороны, я думаю, что риск скорее на бумаге, чем на деле. Я полагаю, что нам надо было допустить такой же риск прежде, например, в Финляндии и в Германии. Тем не менее, я считаю нужным указать:

1) Несмотря на наше название, всякий признает нас как Армию Спасения. Власти могут также знать это. Но пока это неофициально — это не имеет значения. Большая разница в том, что официально и лично известно России.

2) Статуты позволяют нам нести ту же работу, что и Армия Спасения, и всегда возможно идти дальше, чем позволяют статуты. Все другие общества делают это. В России не закон, а его применение считается прежде всего.

3) Из четырех обществ, которые я изучил, каждое более или менее контролируется лицом, действующим по назначению, и кажется весьма мало стесняется общими собраниями.

4) Они имеют по своим статутам, которые в некоторых случаях более ограничены, чем наш проект, все желаемые возможности для выполнения духовной и социальной работы. Например, есть общество с исключительно религиозными митингами, которое начато, как общество трезвости. Можно развить свои права и принять настоящее название

позднее, когда власти увидят нашу работу, и мы сделаемся необходимыми, как в Финляндии, по их словам.

Я снова скажу, что в России приспособление необходимо более чем где-либо. Поле деятельности настолько своеобразно, во многих отношениях отстало на 600 лет, и обстоятельства так не похожи на то, что мы знаем или видели в западных странах, что никто, кроме близко изучившего их, не может даже понять. Но приспособляемость победит. Мы не будем Армией Спасения, если понемногу, как и в других странах, не завоюем прав, которых добиваемся скрытыми путями относительно статут. Дальнейшее объяснение дано в [приложении], сопровождающем их. Разумеется, русский адвокат должен изучить их и приспособить возможно ближе к нашим желаниям и к тому, что является возможным, как таковое.

Я извиняюсь за свое длинное письмо и за интерес к делам, которые не относятся непосредственно к моим обязанностям, но я так сочувствую 170 миллионам русских, живущих так близко. Я знаю, как наш возлюбленный покойный генерал любил этот народ и как Вы сами заинтересованы в этом вопросе, и это побудило меня искать путей. Пожалуйста, не думайте, что мой интерес к Финляндии ослабел в каком-либо отношении, или, что я думаю, что в Финляндии нет достаточно работы для меня, или, что я не так интенсивно работаю, как бы мог, но Россия также нуждается в ком-нибудь, кто услышал бы ее мольбу о спасении, и я не могу не излить перед Вами моей души. Это наше будущее поле деятельности, если только мы не придем слишком поздно. Это народ религиозный по характеру, готовый к труду и жертвам. Вопрос в том, кто придет и захватит эти дары, социалисты для своей цели, или мы, ради Царствия Божия и Армии Спасения.

Теперь, мой дорогой генерал, я передаю этот обширный вопрос в Ваши руки, но, как я сказал, немедленная работа необходима, если мы не потеряем еще одного года, во всяком случае, мы можем ждать ответа несколько месяцев.

Молю Бога, чтобы Он направил Вас, дорогой генерал, при принятии решения в этом важном вопросе, и чтобы оно могло быть ответом на многие молитвы, воссылаемые из России, равно как утренней звездой для этих миллионов империи, которая покрывает шестую часть света.

Благослови Вас Бог, генерал.

Ваш искренно,

полковник *Ларссон*

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916. Оп. 316. Д. 135. Л. 152–156об. Машинописная копия. Перевод с англ.

№ 11

**Письмо вице-директора Департамента полиции МВД России
К.Д.Кафафова председателю Комитета для оказания временной
помощи пострадавшим от военных действий А.Б.Нейдгарту¹⁵**

№ 176654

17 декабря 1915г.

Доверительно

Милостивый государь, Алексей Борисович.

В дополнение к письму от 6 сего декабря за № 176056, имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что, согласно полученным мной в настоящее время сведениям, во главе Финляндского отделения международного общества «Армии Спасения» стоит шведский подданный, оратор и поборник трезвости Карл Ларссон. Деятельность этой организации выражается в содержании приютов и убежищ, в борьбе с пьянством и развратом, в духовной и материальной поддержке беднейших и павших, в издании духовно-нравственной литературы и других видах благотворительности.

Члены общества устраивают общие собрания, на которых ведут беседы духовно-нравственного содержания и занимаются пением псалмов под аккомпанемент духового оркестра, а также устраивают изредка шествия по улицам. С началом же войны подобные собрания членов «Армии Спасения» разрешаются только в закрытых помещениях, а хождение по улицам совершенно воспрещено.

Никаких неблагоприятных сведений о финляндском отделении названного общества до сего времени не поступало.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кафафов

ГА РФ Ф. 102. ДП ОО. 1916. Оп. 316. Д. 135. Л. 33–33об. Машинописная копия.

№ 12

Россия и Армия Спасения

Записка К.Ларссона

26 апреля 1916 г.

Две великие империи, можно сказать, континента, до последнего времени почти не были затронуты Армией Спасения. Одна из них Китай и другая Россия. Вместе они представляют собой население около 600 миллионов людей, или более чем одну треть населения всего мира.

Обе страны, представляя специальные затруднения, которые являются в отношении прошлого времени достаточными причинами, почему Армия Спасения не открыла своих действий там; ближайшей же причи-

ной служило то, что и работники, и деньги были поглощены более близкими и уже занятыми местами действий.

Однако, теперь настало время, когда Армия Спасения должна воспользоваться великими преимуществами, которые представляются нам в этих странах, чтобы не потерять репутацию всемирной организации. Работа официально уже начата в Китае и неофициально уже некоторое время в России. Начало было сделано, мы готовимся к будущему и скоро сражение будет в полном ходу.

В качестве командира территориального корпуса в Финляндии и, следовательно, будучи в близком соприкосновении и ответственности за настоящую маленькую работу в Петрограде, я имею хороший случай видеть великую нужду, поразительные перспективы, равно как и существующие затруднения, и таким образом, могу составить себе мнение о том, как войти в открытые двери и сделаться более полезным. Некоторые из моих заключений могут показаться несколько странными, особенно товарищам, не привыкшим бороться вне стран с населением, говорящим по-английски, но тогда, пожалуйста, вспомните, что на земле нет другого народа, живущего в таких особенных условиях, как русский народ, и нужно много времени, прежде чем иностранец, живущий в России, познакомится и действительно будет понимать русские обычаи, логику и жизнь. Будущее покажет, насколько я прав или не прав в своих заключениях касательно путей, какими Армия Спасения может завоевать этот народ.

Македонский вопль

Не должно ли сознание, что существует империя с 175 миллионами народа, живущего в самых разнообразных условиях, говорящего на разных языках и разделенного на различные национальности, причем каждая из них достаточна для составления государства, заключать в себе призыв к Армии Спасения. Здесь мы имеем два больших города: Петроград с населением в два с половиной миллиона и Москву с двумя миллионами, и много других с сотнями тысяч жителей. Приезжайте на несколько минут в один из тех окраинных кварталов, где работают на бедных наши сестры, и взгляните в обеденное время на множество мужчин и женщин, которые, как человеческая река, вытекают из больших фабрик, так, что большие улицы делаются черными от народа, и вы тогда увидите зрелище, которое не скоро забудете. Или соберитесь на одну из узловых станций к югу от Москвы неделю спустя после Пасхи, когда мужчины и женщин, отпущенные на недельную побывку домой в деревни, возвращаются назад. Посмотрите, как они дерутся из-за места в вагонах, вы тогда увидите нечто, что заставит вас сказать: «Какая жатва ожидает Армию Спасения, какой удобный случай ознакомить с Христом множество народа».

Правда то, что подобные зрелища можно видеть и в других странах, где мы уже работаем, но вспомните, что в то время, как там, в общем, работают тысячи проповедников Евангелия и сотни офицеров Армии Спасения, Россия не имеет ничего или очень мало. Пойдите и посидите

на одном из наших митингов, послушайте пение – русские могут петь, послушайте молитвы, покаяния и наблюдайте энтузиазм, сияющий на лицах, вы скажете тогда: «На свете нет лучшего материала для создания солдат крови и огня». Вспомните, какие тысячи из них страдали и часто страдали за ложные идеи, в которые их вовлекла жажда света, и этот народ может страдать снова за правду, терпеть заключение, изгнание и смерть. Они будут такими солдатами Христа, каких еще не бывало.

Войдите в одну из многочисленных церквей, особенно в праздники, и посмотрите, как они переполнены, наблюдайте за их лицами и искренним участием, с которым они следят за церковными обрядами, вспомните об их религиозности, равной которой нет нигде, разве только в Индии.

Взгляните, как они готовы всегда выказать свою религиозность на улицах, крестясь, проходя мимо церквей, и вы тогда воскликните: «Разве не должны быть утолены эти жажда и голод по Богу. Этот народ должен толпами придти к обращению».

На свете нет другого народа, где, особенно среди образованного класса, царит такое утомление лишь разговорами об идеях. Каждый просит: дайте мне что-нибудь делать, мне нужна работа, что-либо, что даст какой-нибудь результат. И они пробуют в разных направлениях, чтобы быть, в конце концов, обескураженными, так как они видят, что-то, на что они рассчитывали, как на продуктивный труд, построено на шатком основании. Я получил массу писем и много разговаривал с молодыми людьми, которые просили меня дать им какую-нибудь работу. Иногда они обещали нести расходы по их содержанию, если только им была бы дана возможность производить работу, которая утолила бы их голод быть полезными. Наши немногие солдаты в Петрограде делают ту же работу, что и обыкновенные солдаты в любой части света. Они продают «Вестник спасения» («Клич войны») на улицах и всегда готовы на все, что от них потребуют.

Специальные условия в России привлекают Армию Спасения. Год тому назад я посетил Москву, и некто пожелал показать мне частный ночлежный приют. Мы вошли в один из них, в котором официально должно было находиться 11 человек. Это была комната 18x25 футов, без кроватей или спальных принадлежностей. Там была деревянная полка, на которой посетители могли растянуться. Мне сказали, что здесь мужчины, женщины и дети спят вместе ночью. Что за ад! Там были семьи, которые, по-видимому, не имеют другого дома или приюта, за который они платят...^a копеек в сутки. Внутри этой комнаты была каморка, где жила женщина, сдававшая это помещение, вместе со своим мужем и маленькими детьми. Она платила за обе комнаты 7 рублей в месяц. Там было несколько подобных ночлежек, расположенных рядом. Прошлой зимой в Москве, когда погода была необыкновенно холодная, не менее 100 человек было найдено за одну ночь на улице замерзшими от холода.

^a Так в тексте.

В Петрограде полиция приказывает держать открытыми все рестораны и увеселительные места на всю ночь в дни особых холодов для того, чтобы бедный, бесприютный народ мог найти себе убежище.

Какое поле деятельности для нашей социальной работы, какой удобный случай для Армии Спасения. Через эту дверь мы можем переступить завтра, и нас приветствует каждый — власти и народ. Вспомните о наших сестрах на улицах. Известно, что власти предполагают закрыть все публичные заведения и действовать против этого порока тем же решительным манером, как и против напитков. Но куда пойдут бедные девушки? Есть приюты спасения, но никто не верит, что они делают что-нибудь хорошее. «Я сомневаюсь, что хотя бы одна женщина была спасена посредством этих убежищ в течение сорока лет», — сказала мне одна дама, которая должна знать, что говорит. Она, быть может, преувеличивает, но то, что она сказала, показывает направление. Издатели газет, как и другие, спрашивали нас, не могли бы мы чем-нибудь помочь для спасения несчастных русских дочерей.

Здесь открытая дверь. Власти и народ приветствуют нас завтра, если мы возьмемся за работу.

В бедных кварталах живут в условиях, о которых посетители бедных кварталов на Западе не могут себе и представить. Здесь действительно существуют комнаты, где семья занимает каждый угол, и объявления: сдается «светлый угол», или «сдается угол» не необычны. Народ благословляет наших сестер, которые посещают их, спрашивает, кто их послал, так как они не верят, что они делают это добровольно. О, какие вещи могут рассказать наши товарищи. Каждая часть многочисленных семейных округов Петрограда и других больших городов умоляет наших сестер, как милости, остаться и жить с ними. У них нет никого, к кому бы они могли обратиться со своими горестями, страданиями и затруднениями.

Нужно ли мне упоминать о детях. Нет на свете ни одного места, где вокруг офицеров Армии Спасения не собрались дети. Петроград и Россия ни в каком случае не являются исключениями из этого правила. Щедрость этого народа действительно поразительна и является другой причиной, почему Армия Спасения не должна более ждать.

Вы едва ли найдете хоть одного русского, который не разделил бы с иностранцем (чужим) свой последний кусок хлеба. Где на протяжении всей истории Армии случалось, чтобы мы в первый год своего существования получили как публичный дар 150 фунтов стерлингов на нашу работу? А теперь мы получаем из Татьянинского Комитета ежемесячно по 50 фунтов стерлингов на расходы по приюту беженцев, что почти покрывает эти расходы. Я делал сборы на митингах из 30 человек, по большей части рабочих, на сумму до 6 фунтов. Готовность жертвовать и помогать филантропическим и религиозным учреждениям поразительна. Поэтому не будет трудно финансировать работу, если только начать, как следует. Эти факты говорят лучше слов. Нужно помнить, что Россия теперь переживает период эволюции, есть большая разница между Россией настоящего времени и десяти лет тому назад. Эта война даст России

потрясающий толчок вперед. Движение вперед началось и гигант двигается. Правители, власти и лица, так или иначе заинтересованные и ответственные, спрашивают: «Что мы должны предпринять, есть ли чему поучиться за границей или внутри у себя? Какие силы надо употребить, чтобы создать, воспитать и поднять новую Россию?»

И немало людей взглянули на Армию Спасения, как на средство переделать моральную и социальную жизнь народа. И я полагаю, что власти обращают на нас внимание более, чем мы думаем, в том смысле, что они, может быть, ожидают от нас действительной пользы для страны. Но с большей свободой и просвещением может явиться и нечто, признаки чего уже замечены — большая индифферентность к религиозным вопросам, большая ненависть к церкви, в понятие которой может быть заключено и христианство. Это составляет причину, почему так важно не терять времени, так как может быть будет труднее оказать действительную помощь массам.

Может произойти и другое затруднение из-за промедления. Отдельные лица и общества пытаются подражать нашим методам, не имея нашего духа и людей. Результатом этого может быть, что когда мы придем, нам скажут, что мы переняли методы других, в то время, как мы пользуемся собственными, и в их действительности будут сомневаться. Так, например, несколько лет тому назад отдел баптистов ввел форму покаяния, и когда мы приглашаем к этому, то говорят, что мы подражаем баптистам. Некоторые из наших гимнов были тем же путем введены баптистами и известны под названиями «баптистских», и потому едва ли могут быть употребляемы нами далее.

Все говорит: теперь наступило время, теперь Македонский вопль будет услышан, теперь двери открыты и теперь мы должны войти, если не желаем найти впоследствии все более и более трудным.

Как воспользоваться случаем

Я не могу, однако, кончить этим. Важно знать, как войти через открытую дверь. Чтобы мы были приняты и были полезны, нужно употребить некоторые старания, некоторые затруднения должны быть превзойдены, нужно вести борьбу и, что важнее всего, нужна некоторая приспособляемость к обстоятельствам.

Позвольте мне сказать прямо и откровенно: Армия Спасения не может быть теперь признанной официально или получить официальное разрешение работать в России, но мы не спрашивали подобного разрешения и в других странах, и если бы это мы сделали, то в большинстве случаев нам было бы отказано. И я уверен, что даже в странах, где Армия получила официальное признание, если бы мы испросили официальное разрешение, то нам бы отказали, может быть, по техническим соображениям. По крайней мере, так было в Финляндии.

Единственно, что нам следует делать — это идти прямо и начать работу без официального разрешения. Разрешение для всякого рода работы, кроме митингов, может быть легко добыто неофициальным путем, и позволение для митингов может быть добыто позднее.

Власти, включая правительство, два года уже были осведомлены о нашей работе, и если бы они хотели избавиться от нас, ничего не было бы легче, как выслать нас.

Поэтому, вероятно, что мы должны сначала выступить с социальной стороны, а не с духовной, как обыкновенно. Духовный вопрос не должен, однако, намного отставать, но есть вопрос, который является еще более важным, чем наше отношение к властям, и это — наше отношение к церкви и православию. В этом направлении зависит наш успех или поражение.

Каждый русский (включая и лютеранские области) должен номинально принадлежать к какому-нибудь вероисповеданию, т.е. принадлежать или к господствующей церкви, или к исповеданиям, признанным государством. В странах с населением, говорящим по-английски, все церкви признаются на равных основаниях, но в России это не так. Все исповедания вне православной церкви считаются сектами или еретическими, и добрый последователь православия ничего не будет иметь общего с этими людьми. Сектантов в России несколько тысяч человек, тогда как миллионы принадлежат к православной церкви. Задача церкви заключается в преследовании сектантов. Для этой цели известное число наиболее интеллигентных и способных людей выделяются в качестве миссионеров, и эти люди употребляют все средства, так как сектанты считаются самыми темными и опасными людьми. Главный вопрос народа теперь, и особенно потом, когда наша работа будет должным образом начата, будет: что вы принесли нам? Протестантское движение? Весть о спасении? Неправославное движение встретит всяческие препятствия со стороны каждого. Между тем, для вестей о спасении все двери будут открыты.

Везде обсуждается вопрос о реформе церкви. Конечно, речь идет в православном духе. Нужна новая жизнь. Пробуждение ожидается страстно, но, конечно, не такое пробуждение, которое сделает народ врагом церкви. Тысячи желают видеть основательно верующих, верных последователей Иисуса Христа, таких, которые не являются сектантами, но способными внести в народ душеспасительный и социальный реформаторский дух.

Если бы мы могли быть признанными, как спасители народа, без того, чтобы нас отождествляли с протестантским движением, или чтобы чувствовалось, что мы так или иначе противодействуем православию, нас приняли бы, как и в протестантских странах, как оживляющее движение, которое вольет живую кровь в их формы, не ломая их. Тогда мы принесем спасение народу. Без этих условий нас будут преследовать как еретиков. В России есть много таких, кто желал бы быть спасенным и обращенным, не желая менять свою официальную религию. И в том нет нужды в России еще более, чем в Скандинавии, чтобы отделять народ от церкви для его обращения, или после последнего отделять его для того, чтобы сделать солдатами. Во время преследования в других странах большая часть народа стояла на стороне Армии Спасения, так как в протестантских странах народ видел протестантскую Армию, вливаю-

щую живой дух в религию, к которой они, по крайней мере, номинально принадлежали.

Если мы войдем в Россию не для целей спасения души, но как организация, которая открыто или тайно борется с церковью и церковными обрядами, или заставим обращенных отказаться от церкви в тех частях, которые являются признаком православной веры, весь народ, за исключением, конечно, сектантов, поднимется против Армии Спасения. С другой стороны, как только узнают, что последователи, без различия, что они официально исповедуют, в действительности перестают быть православными по поступлении в ряды Армии, их заклеят, как сектантов, и закроют перед ними двери. Тогда для нас там не будет точки опоры. Здесь и нужна некоторая степень приспособляемости. Я убежден, что Армия, которая умела так удивительно приспособляться к особым обстоятельствам и условиям народов, среди которых она работала, должна найти способ, при помощи которого она может стать в России «народным движением». Это есть в действительности то, о чем думал апостол, когда говорил о том, чтобы сделаться евреем среди евреев и греком среди греков. Это всего лишь вопрос о внешних методах и обычаях. Нельзя ожидать, что Армия в некоторых случаях должна отказаться от некоторых своих методов, она должна только разрешить некоторым своим православным членам (не другим) сохранить некоторые обрядности, которые составляют связь между ними и церковью, к которой они принадлежат и от которой они никаким образом не могут отделиться, не имея других легальных вероучений, которым они могли бы следовать. В доктринах нет ничего, что могло бы создать какое-нибудь противодействие. Церковь признает Библию, как основу веры, и распространяет ее между своими членами. Доктрина обращения иногда рассматривается, как сектантская, но можно легко доказать, что Святые православные писатели, разрешенные церковью, говорили об обращении также, как и о необходимости вести святую жизнь.

Не мне утверждать, что Армия может быть готова допустить для своих православных членов соблюдение этих вещей. Я чувствую, что вначале это соблюдение православными офицерами и солдатами будет казаться странным для протестантов, но замечательно, как скоро привыкаешь к тому, что сначала казалось невозможным, когда это служит цели. От неправославных членов, конечно, никогда не будет требоваться участие в этом. Я хочу резюмировать то, что сказал, в немногих сжатых словах.

Огромное поле жатвы. Россия созрела и ожидает жнецов. Нет на свете ни одной организации, которая могла бы удовлетворить нужду русской нации, и которая была бы в гармонии с русской натурой, кроме Армии Спасения и, следовательно, ни одна не была бы так горячо принята, как Армия. Теперь наступило время, когда мы должны воспользоваться всеми шансами, которые являются результатами войны.

Из всех возможностей, которые ожидают Армию, я полагаю, что Россия имеет право ожидать от Армии приспособления к национальной религии и особенностям, готовности принять кое-что, что может счи-

таться мертвым, но что докажет народу наше нежелание бороться с церковью или пренебрегать обрядами. Для того, чтобы спасти душу народа, мы готовы убрать камни с дороги и стать на уровень народа также и в вопросах, не имеющих места в других странах.

Сравните со Святым Павлом, который по совету своих друзей был готов принести жертву для того, чтобы доказать народу, что он не враг еврейской церкви как таковой.

Весьма вероятно, что мы встретим сопротивление и даже преследование. Всегда будут люди, которые будут рассуждать: Армия хороша для протестантских стран, но не для России. Эти должны сначала видеть, прежде чем говорить. Другие будут говорить вопреки тому, что мы говорим и делаем, что мы портиим церковь и опасны для старой веры. Влиятельные люди будут бояться, что мы создадим беспорядки, и потому будут пытаться освободиться от нас. Мы должны быть готовыми бороться в России так, как мы боролись в других странах, но если мы готовы к этому, если наши офицеры подготовлены к тому, чтобы пойти к народу и быть его апостолами, я уверен, что немного лет спустя мы увидим в России Армию Спасения, члены которой по честности, горячему духу, глубокой вере и готовности положить все на алтарь, могут с успехом сравниться с любыми своими товарищами на свете. Русский народ родился для Армии Спасения и нужен лишь молитвенный огонь и, несмотря на свое православие, они сделаются героями, готовыми умереть за Армию Спасения.

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916. Оп. 316. Д. 135. Л. 156об.–165об.
Машинописная копия. Перевод с англ.

(Окончание следует)

Примечания

¹ Подробнее об истории Армии Спасения см.: Керенский В. Армия Спасения. Казань, 1905; Ларссон К. Десять лет в России. Одна глава из удивительной истории Армии Спасения. СПб., 1991; Мы идем! Армия Спасения. Ее происхождение и развитие. СПб., 1992; Иванова Е.В., Иванова Ж.Е. Зарубежный опыт социальной работы в рамках российской благотворительности. М., 2001.

² Методисты – члены Методистской церкви. Основана англиканским священником Джоном Уэсли (1703-1791), который ставил перед собой задачу «обновления» Англиканской церкви. Он проповедовал в Англии, Германии, Ирландии, Шотландии и в Северной Америке среди рабочих-горняков и городской бедноты. В 1744 г. Дж. Уэсли созвал конференцию своих сторонников, на которой было положено начало новой организации – Методистской церкви. В 1795 г. эта церковь формально отделилась от англиканства.

³ Армия Спасения (The Salvation Army) – название выводится от библейского термина «воинство Христово». Английское слово «salvation» обозначает «спасение души» и не имеет эквивалента в русском языке. В современном «Словаре социальной работы», выпущенном Национальной ассоциацией социальных работников США (NASW), дается следующее определение Армии Спасения: «Международная религиозная организация, занимающаяся филантропической и евангелической деятельностью. Основана в Англии в 1878 г. Уильямом Буттом, организована по военному образцу, включая форму и военные звания, поскольку ее основной целью является ведение войны против зла и человеческих стра-

даний. Ее штаб-квартира располагается в Лондоне, а отделения работают в около 100 странах мира. В ее ведомстве находятся больницы, общественные центры, профессиональные агентства по социальной работе, центры реабилитации алкоголиков и наркоманов, учреждения по оказанию экстренной помощи населению, службы по оказанию помощи в случае стихийных бедствий и хорошо всем известные столовые для бедных» (The Social Work Dictionary. 1991. С. 206).

⁴ «War Cry» («Военный крик») – официальное издание Армии Спасения.

⁵ См. док. № 1.

⁶ *Зувв Н.П.* (1857–1918) – с 1903 по 1912 гг. в Департаменте полиции МВД: в 1903–1909 гг. – вице-директор, в 1909 по 1912 гг. – директор Департамента полиции.

⁷ *Арбузов А.Д.* – директор Департамента общих дел МВД Российской империи.

⁸ Деятельность данной организации была запрещена в 1913 г.

⁹ Имеется в виду министр внутренних дел А.А.Макаров.

¹⁰ *Бьюкенен Д.У.* (1854–1924) – посол Великобритании в России в 1910–1918 гг.

¹¹ Имеется в виду Всероссийская гигиеническая выставка, проводившаяся летом 1913 г. в Санкт-Петербурге под лозунгом «Физическое и моральное здоровье нации». В Финском павильоне была развернута экспозиция о Финляндской Армии Спасения. По итогам работы выставки Финляндской Армии Спасения был присужден почетный диплом «За широкую деятельность в области общественного призрения».

¹² Имеется в виду В.Н.Коковцов.

¹³ Речь идет о И.Л.Горемыкине (1839–1917), председателе Совета министров в апреле – июле 1906 и 1914–1916 гг.

¹⁴ Имеется в виду император Николай II.

¹⁵ *Нейдгарт А.Б.* (1863–?) – член Государственного совета. Председатель Татьянинского комитета для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий; член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов.

«ВЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗ МОИХ СЛУГ, НА КОТОРОГО Я МОГУ СОВЕРШЕННО ПОЛОЖИТЬСЯ»

Из переписки Николая II и Д.Ф.Трепова. 1905—1906 гг.

Общественные представления о периоде начала XX в. не раз изменялись, причем кардинально и стремительно, на протяжении жизни одного поколения. Особый интерес в этом смысле вызывает процесс трансформации взглядов на роль в истории России человека, ее олицетворявшего — императора Николая II. Формированию еще при жизни монарха его образа, имевшего мало общего с действительностью, способствовали личные качества — внутренняя «закрытость», дистанцированность от окружающего, отсутствие ярко выраженной внешней реакции на жизненные реалии. Катаклизмы и потрясения, взорвавшие прежний порядок вещей, довели до крайности оценки Николая II, выносившиеся не с объективностью историка, а с революционной беспощадностью. Эволюция общественных исторических представлений вызвала появление нового, прямо противоположного образа императора. Современные взгляды сосуществуют и развиваются в пределах, ограниченных двумя полюсами — Николай Св. Мученик и Николай Кровавый.

Господство неадекватных, неточных мнений о личности монарха было связано и с публикацией его «наследия»: официальных выступлений и документов, дневников, писем матери и жене. До сих пор в полном объеме не проведен непредвзятый, максимально объективный анализ всех этих материалов. Утверждению в нашем сознании «подлинного» последнего императора может помочь издание новых архивных источников. Из них наибольший интерес представляют письма Николая II людям, с которыми его связывали доверительные отношения, бывшим с ним рядом в самые сложные и трагичные моменты.

Одним из событий, определявших «лицо» последнего царствования в общественном сознании, было печально известное 9 января 1905 г., Кровавое воскресенье. Кстати, изобилие в правление Николая II такого рода трагедий нередко лежало в основе резко критических оценок императора, в которых преобладали эмоции, а не серьезный анализ. Многие современники рассматривали действия властей 9 января как намеренную провокацию, «освященную» личным согласием императора. Отсутствие прямо подтверждающих эту версию документальных свидетельств не помешало исследователям принять эту версию. На мой взгляд, наиболее объективна следующая характеристика, данная современником, тонким и умным наблюдателем, А.Н.Бенуа: Николай II «без личной вины уже тогда нес ответственность за это тяжкое преступление»¹. Нежелание императора принять рабочую депутацию 9 января, стремление знавших о шествии представителей властей не допустить народ в центр города, к царской резиденции, неизбежно привели к вооруженному столкновению и жертвам.

¹ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 4. С. 442.

В разгар тяжелейшего для страны и династии кризиса император приближает к себе и наделяет полнотой власти человека, историческая роль которого в целом некорректно и беспощадно оценена современниками и потомками. 10 января 1905 г. Николай II записал в своем дневнике: «Для объединения действий по прекращению беспорядков в Петербурге решил назначить ген[ерал]-м[айора] Трепова генерал-губернатором столицы и губернии»². В обществе (и позднее в историографии) считалось, что Трепов был назначен благодаря протекции близкого к императору московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, а также «интригам» министра императорского двора В.Б.Фредерикса и начальника его канцелярии А.А.Мосолова. При этом не учитывался определяющий факт – воля Николая II, знавшего и доверявшего Трепову.

Осенью 1896 г., после отставок в Москве в связи с Ходынской трагедией, полковник Д.Ф.Трепов³ по выбору дяди императора великого князя Сергея Александровича получил должность московского обер-полицмейстера. Для ускорения назначения своего protégée великий князь, по всей видимости, прибег к помощи Николая II⁴. При личной встрече в феврале 1897 г. новый обер-полицмейстер второй столицы произвел на императора «самое наилучшее впечатление». Веря в верность выбора дяди и деловые качества его «помощника», в декабре 1903 г., накануне русско-японской войны, Николай II намеревался назначить Трепова петербургским градоначальником вместо Н.В.Клейгельса⁵.

В обществе скандальную известность Д.Ф.Трепову снижало его участие в эксперименте начальника Московского охранного отделения С.В.Зубатова, имевшего целью взятие под контроль властей рабочего движения, обеспечение лояльности рабочих по отношению к правительству. Это, в свою очередь, предполагало известную степень защиты интересов рабочих перед предпринимателями. Попытка добиться социального согласия, «единения» царя с народом, предпринятая в Москве и некоторых южнороссийских городах, была позже названа «зубатовщиной» (русская разновидность «полицейского социализма»). В советской историографии этот опыт в целом был оценен как негативный, изначально обреченный на провал⁶. Осуждалась и роль в нем Трепова, активно поддерживавшего начинание Зу-

² Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 246. Официальное назначение Д.Ф.Трепова состоялось 11 января 1905 г.

³ Семья Треповых была довольно известна в обществе: его отец генерал-адъютант Ф.Ф.Трепов в 70-х гг. XIX в. занимал пост Санкт-Петербургского обер-полицмейстера, был объектом «охоты» террористов. Д.Ф.Трепов родился в 1855 г., закончил Пажеский корпус и до встречи в Германии с великим князем Сергеем служил в любимом императором Конногвардейском полку. Офицерами этого полка были В.Б.Фредерикс, А.А.Мосолов и некоторые другие влиятельные придворные чины, которых недоброжелатели называли «конногвардейской партией».

⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 302. Л. 15–16об., 22.

⁵ ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 71. Л. 15об.–16, 78об.–79об.

⁶ Подробнее см.: Морской (фон Штейн). «Зубатовщина»: Страничка из истории рабочего вопроса в России. М., 1913; Зубатов С.В. Зубатовщина не по Морскому // Былое. 1917. № 4(26). С. 157–178; Бухбиндер Н.А. О зубатовщине // Красная летопись. 1922. № 4. С. 289–335; Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России: 1861–1917. М., 1972. С. 138–171; Корелин А.П. Крах идеологии «полицейского социализма» в царской России // Исторические записки. Т. 92. М., 1973. С. 109–152; Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации на рубеже XIX–XX вв. М., 1980. С. 61–91.

батова. Именно обер-полицмейстер обеспечил ему покровительство Сергея Александровича, без чего создание в Москве «легальных» рабочих организаций на не вполне законной основе было бы невозможно. «Московский эксперимент» как любопытное явление в политической практике власти на рубеже XIX–XX вв. еще нуждается в серьезном и непредубежденном исследовании. Оно могло бы изменить и традиционные представления о Д.Ф.Трепове.

Решительные и в целом эффективные меры по поддержанию порядка в Москве, пресечение студенческих и рабочих выступлений создали Трепову репутацию последовательного консерватора. Не прибавляла ему популярности и личная дружба с нелюбимым обществом великим князем Сергеем, гибель которого в феврале 1905 г. Трепов глубоко переживал⁷. Свой пост московский обер-полицмейстер покинул одновременно с Сергеем Александровичем, с 1 января 1905 г., из-за несогласия с «программой» министра внутренних дел князя П.Д.Святополк-Мирского⁸. Назначение последнего на «ключевую» министерскую должность в августе 1904 г. ассоциировалось у современников с началом «весны», «оттепели» в политической жизни. Провозгласив «доверие» основополагающим принципом в отношениях власти с обществом, Святополк-Мирский стремился к налаживанию их совместной деятельности, уничтожению различного рода препятствий для участия «благонамеренных» общественных сил в политической жизни. Предложенная им программа преобразований объективно вела Россию на путь трансформации самодержавной монархии в конституционную⁹. Однако Д.Ф.Трепов, будучи сторонником «разумного» сочетания свободы и порядка, считал министерство Мирского «слабым по власти», называл его «эрой попустительства»¹⁰.

⁷ После гибели великого князя Трепов обвинил директора Департамента полиции А.А.Лопухина в попустительстве террористам, так как тот отказал ему в бытность его московским обер-полицмейстером в дополнительных ассигнованиях на охрану Сергея Александровича. Это послужило одной из причин отставки Лопухина (См.: Департамент полиции в 1892–1908 гг. (из воспоминаний чиновника) // Былое. 1917. № 56. С. 17–24).

⁸ Поводом для отставки послужило применение московской полицией оружия во время студенческих демонстраций 5–6 декабря 1904 г. (См.: Козьмин Б.П. Зубатов и его корреспонденты среди охранников, жандармов и провокаторов. М.–Л., 1928. С. 41–42, 46). В соответствии с Высочайшим указом от 1 января 1905 г. «Об учреждении временного управления московской столицей» должности генерал-губернатора и его помощника объявлялись незамещенными, а взамен обер-полицмейстерской должности учреждена по петербургскому образцу должность градоначальника для административного управления Москвой. Великий князь Сергей Александрович был назначен командующим Московским военным округом. После увольнения от должности Трепов поступил в распоряжение главнокомандующего вооруженными силами на Дальнем Востоке. В Петербурге 9 января 1905 г. он оказался случайно, проездом в действующую армию.

⁹ Подробнее см.: Ачкасов А. Повеяло весною: Речи министра внутренних дел кн. П.Д.Святополк-Мирского и толки о них прессы. М., 1904 (2-е изд. – М., 1905); Дневник княгини Е.А.Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 240–293; Всеподданейший доклад П.Д.Святополк-Мирского (ноябрь 1904 г.) // Река времен. Кн. 5. М., 1996. С. 216–262. См. также: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г.: Реформы и революция. СПб., 1991.

¹⁰ Козьмин Б.П. Зубатов и его корреспонденты. С. 72.

Жесткий и энергичный человек, Трепов был предан интересам России и монархии. В его сознании, как и в воззрениях значительной части общества, они были неразделимы. Он готов был подчинить свою жизнь служению этим интересам. Узнав о его назначении в Петербург, великий князь Сергей Александрович писал ему 13 января 1905 г.: «Зная вас, чувствую, что вы принесли Государю самую большую жертву, какую могли принести, и мне ужасно вас жаль!...Теперь только одно: умудри вас Господь и огради Он вас и сохрани»¹¹. Способен был Д.Ф.Трепов и на глубокую личную преданность. Поэтому оказался полезен и даже необходим Николаю II в период жестоких потрясений, проверявших на прочность сложившийся порядок.

Современники рассматривали «возвышение» Трепова (24 мая 1905 г. назначен товарищем министра внутренних дел, заведовавшим полицией, с оставлением в прежней должности) как решимость власти на дальнейшее ужесточение политического курса, разрешение кризисной ситуации через применение карательных мер. Суть такой правительственной политики, с точки зрения различных наблюдателей, была ясно выражена в официальном объявлении Трепова по г.Санкт-Петербургу от 14 октября 1905 г., в разгар общероссийской политической стачки: «Холостных залпов не давать, патронов не жалеть»¹². С.Ю.Витте в своих мемуарах (он был большой мастер по созданию исторических характеристик) привел критическую оценку Трепова, данную князем С.Д.Урусовым: «Вахмистр по воспитанию и погромщик по убеждению». Явно несправедливая и некорректная, она долгое время не оспаривалась в отечественной исторической науке.

Следуя за общественными настроениями, ученые с 1920-х гг. видели в петербургском генерал-губернаторе «диктатора столицы», «временщика», «общепризнанного вождя дворцовой камарильи». Трепову приписывалась организация черносотенных погромов, потрясших страну сразу после принятия Манифеста 17 октября 1905 г. В дальнейшем эти оценки существенным образом не менялись. Д.Ф.Трепов прочно числился в лагере принципиальных противников политики реформ; факты его реформаторской деятельности квалифицировали как элементы политической игры¹³.

Действительно, в начале своего генерал-губернаторства он оказался перед необходимостью успокоения страны полицейско-административными мерами. При этом он выказал жесткость и последовательность, но не намеренную жестокость. Заявление о «холостных залпах» носило превентивный и декларативный характер, на что указывали хорошо знавшие Дмитрия Федоровича современники (А.А.Мосолов, С.В.Зубатов). Как вспоминал его друг и родственник А.А.Мосолов, начальник канцелярии Министерства императорского двора, Трепов отлично понимал негативный эффект этих слов для себя лично¹⁴. Однако считал, что подобное предупреждение о решительных намерениях властей только и может предотвратить массовые беспорядки и необходимость применения войсками ору-

¹¹ ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 51. Л. 35.

¹² Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч. 1. М., 1955. Документ № 284.

¹³ См.: Из бумаг Д.Ф.Трепова / Подг. Ю.Г.Оксман // Красный архив. Т. 45 (11–12). М., 1925. С. 448–466; [Предисл. к публ.] Покровский М.Н. // Там же. Т. 3 (22). М., 1927. С. 156; Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд. М., 1970; Кризис самодержавия в России: 1895–1917. Л., 1984.

¹⁴ Мосолов А.А. При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 42–43.

жия. В самом деле, ни в январе (после 9–10 января), ни в октябре 1905 г. (до принятия Манифеста 17 октября) в Петербурге не было пролито ни капли крови. Тем не менее он вошел в историю как «генерал-патронов-не-жалеть».

Владея достаточной информацией о положении в стране, Д.Ф.Трепов лучше многих понимал невозможность в тех условиях исключительно силового варианта управления. Он был в числе сановников, настаивавших на необходимости принятия Манифеста 17 октября, создании Совета министров (правительственного кабинета), реформировании Государственного совета. В то же время он сознавал вынужденность этих мер, их охранительный характер и потенциальную опасность для самодержавия. В осознании необходимости перемен и модернизации России Трепов оказался более радикален, чем большая часть царского окружения. Он не возражал против аграрного проекта кадетов и планов кабинета С.Ю.Витте по принудительному отчуждению части помещичьих земель, вызвавших панику при дворе и в консервативных кругах (по слухам, Трепов был готов отдать половину собственной земли ради сохранения второй половины от захвата крестьянами). Переоценив степень своего влияния на императора, Д.Ф.Трепов по личной инициативе в июне 1906 г. вел переговоры с лидерами либералов о создании «министерства доверия»¹⁵. Намерение консервативной группировки в верхах (к ней, кстати, принадлежал П.А.Столыпин) распустить Государственную думу Трепов считал вредным и несвоевременным.

Возможно, именно это привело к некоторому охлаждению (с лета 1906 г.) в его отношениях с императором, явно отдававшему предпочтение варианту с роспуском. И здесь следует подчеркнуть первостепенной важности факт. Обладая значительной властью, Д.Ф.Трепов был ограничен волей царя, всегда оставаясь одним из его подданных. Приписывая диктаторскую роль Трепову (как затем и П.А.Столыпину), современники и позднейшие исследователи не учитывали решающий фактор – позицию самого Николая II. Этот последний русский венценосец, о котором существует устойчивое мнение как о нерешительном, подверженном влияниям человеке, на самом деле практически никогда не шел на противоречащие его убеждения меры. Он быстро и навсегда отдалял от себя людей, пытавшихся давать неприемлемые для него советы, забываящих, что «сердце Цареву в руках Божиих». Так он поступил и с Треповым, назначенным в октябре 1905 г. дворцовым комендантом, сохранив к нему, правда, личное расположение. Трепов оказался в изоляции, лишившись политического влияния («главной» фигурой для царя на некоторое время стал П.А.Столыпин), понимания в семье (братья, А.Ф. и В.Ф.Треповы, считали его инициативу с «министерством доверия» безумием, активно интриговали против нее). Дмитрий Федорович постоянно ощущал угрозу гибели, находясь «под прицелом» террористов¹⁶. Все это обострило сердечную болезнь. 2 сентября 1906 г. Д.Ф.Трепов скоропостижно скончался. Узнав об этом, Николай II, несмотря на их разногласия, записал в дневнике: «Тяжелая потеря вернейшего человека»¹⁷.

Вниманию читателей представлены сохранившиеся письма и записки Николая II Д.Ф.Трепову 1905 – начала 1906 гг. из личного фонда последнего в Госу-

¹⁵ См.: Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 173–178; Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1 (1859–1917). М., 1990. С. 372–386.

¹⁶ См.: Григорович Е.Ю. Зарницы: Наброски из революционного движения 1905–1907 гг. Л., 1925. Для готовивших покушение эсеров скоропостижная смерть Трепова была полной неожиданностью.

¹⁷ Дневники императора. С. 332.

дарственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Они не только проливают свет на характер отношений этих людей, но и дают возможность проследить реакцию, настроения императора в один из самых сложных для него и для России исторических моментов. Их дополняют ранее не публиковавшиеся всеподданнейшие записки Д.Ф.Трепова, сохранившиеся в фонде Царскосельского дворца в ГА РФ. Не являясь перепиской в традиционном смысле слова, этот комплекс воспроизводит обмен мнениями, взгляды и характер корреспондентов. Документы печатаются по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей оригиналов. Подчеркнутые слова выделены курсивом.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук И.И.ГЛЕБОВА.

Письма и записки Николая II Д.Ф.Трепову

№ 1

Царское Село

11 янв[аря] 1905 г.

Дмитрий Федорович.

По поводу прилагаемой телеграммы неизвестного мне человека¹, да и раньше, невольно возникает вопрос — были ли исчерпаны у Александровского сада все нужные средства, т.е. увещания, предупреждения и пр. до открытия огня? Прикажите расследовать этот случай.

Как я вам говорил вчера, мне представляется^а крайне необходимым теперь же, рядом с мерами строгости, дать почувствовать доброй и спокойной массе рабочего люда справедливое и заботливое отношение правительства^а и отделить ее от кучек негодяев. Если бы несколько заводов начали работать под охраной войск, это было бы добрым предзнаменованием. Я думаю, что появление ясного категорического объявления значительно успокоило бы простые умы, окончательно сбитые с толка. Начав с того, как преступны в настоящее время войны² вообще всякие беспорядки, забастовки, когда более чем когда-либо необходимо полное единение всех русских людей, что это настоящая измена родине; еще хуже поведение образованных кружков, пользующихся всеми смутами, чтобы разжигать страсти и производить бесчинства и насилие на улицах; все преступления и проступки будут немедленно караться, и что всякий должен честно исполнить свой долг и свое дело, как бы они были малы, помогая этим правительству.

Да благословит Господь начало вашей тяжелой и ответственной деятельности.

Крепко на вас надеюсь.

Николай

ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 45. Л. 1—2об. Автограф.

^{а-а} Фраза воспроизведена в монографии Е.Д.Черменского «Буржуазия и царизм в первой русской революции» (М., 1970. С. 52). При этом неверно указаны обстоятельства ее произнесения, а она сама выхвачена из контекста письма.

№ 2

16 янв[аря] 1905 г.

По-моему, самое важное теперь, чтобы депутация рабочих явилась ко мне с вами во главе и услышала от меня то, что затем должно быть объявлено. Это и заменит то объявление и манифест, проекты которых обсуждались на совещании у графа Сольского и которые были мне присланы³.

^аС приемом рабочей депутации следовало бы поспешить по причинам, касающимся всей России, чтобы ослабить и остановить ход стачки на юге^а. Поэтому очень желал бы повидать вас на полчаса, когда вы найдете возможность приехать, хотя бы завтра.

Николай

ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 45. Л. 3–3об. Автограф.

№ 3

Петергоф

16 окт[ября] 1905 г.

Дмитрий Федорович.

Посылаю вам только что полученную телеграмму от ген[ерала] Фрезе. Я согласен на испрашиваемые им полномочия⁴.

Какие тяжелые дни Господь ниспослал бедной России! О вас я думаю непрестанно, как вам приходится трудно, все брать на себя ни с кем советуясь.

Вы единственный из моих слуг, на которого я могу *совершенно* положиться.

Благодарю вас от всего сердца за вашу преданность мне, за ревностное служение родине и за редкую честность и прямоту.

Меня тронуло ваше вчерашнее письмо, написанное ночью, несмотря на усталость от прожитого дня – такое ясное и последовательное⁵. Оно мне *значительно* облегчило тяжесть окончательного решения вопроса о вступлении на путь самых широких реформ.

Я сознаю всю торжественность и значение переживаемой Россией минуты и молю милосердного Господа благословить Промыслом Своим – нас всех и совершаемое рукою моею великое дело.

Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ни откуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное! Тем не менее, по совести я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки придти к тому же. Еще раз сердечное вам спасибо. Искренний ваш друг

Николай

ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 45. Л. 6–7об. Автограф.

^{а-а} Текст опубликован Е.Д.Черменским (Указ. соч. С. 52).

№ 4

10 янв[аря] [19]06 г.

Прошу вас, Дмитрий Федорович, ознакомиться с прилагаемыми делами Совета Министров и зайти ко мне сегодня вечером в 10 1/2 час. для доклада того, что вы успеете прочесть⁶.

*Н[иколай]***ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 24. Л. 9. Карандашный автограф.**

№ 5

15 апр[еля] 1906 г.

Прошу вас доложить прилагаемые дела сегодня в 10 1/2 час вечера.

*Н[иколай]***ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 24. Л. 10. Карандашный автограф.**

№ 6

Апрель 1906 г.

Дайте знать Горемыкину⁷, что я желаю его видеть сегодня 17-го в 6 час.

*Н[иколай]***ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 24. Л. 11. Карандашный автограф.**

Письма Д.Ф.Трепова Николаю II

№ 7

24 сентября 1905 г.

По воследованию Высочайшего Вашего Императорского Величества Манифеста от 6-го минувшего августа, относительно учреждения Государственной Думы⁸, условия внутренней жизни империи определились следующим образом. Либеральные круги русского общества, обманувшиеся в своих надеждах видеть в Государственной Думе орган не только законосовещательный, но и законодательный по образцу западноевропейских парламентов, объединились путем образования разного рода профессиональных и других союзов, устраивают для совместного обсуждения своих планов периодические съезды и, в связи с радикально настроенными элементами земства, стремятся провести в Думу возможно большее число своих единомышленников, надеясь таким образом создать себе в Думе большинство голосов и обратить ее в учредительное

собрание. Для привлечения на свою сторону избирателей они пользуются всеми средствами предать гласности намеченные ими планы экономических и политических реформ. Кроме того, наиболее радикальные из представителей конституционалистического течения намерены даже вовсе бойкотировать Думу, как учреждение несоответствующее возлагавшимся на него надеждам, и в этом смысле ведут против нее агитацию. Подпольные революционные сообщества всех оттенков опасаются, в связи с установлением Думы, потерять почву для своей разрушительной деятельности и потому особенно усилили за последнее время свою работу, рассчитывая, при помощи террора, вооруженных демонстраций, рабочих массовых забастовок и пропаганды среди крестьян, довести страну до открытого восстания и тем помешать правительству в осуществлении его предначертаний. Каждая из этих противоправительственных партий ведет ожесточенную, по заранее выработанному плану, борьбу за проведение в жизнь своих вожделений, и таким способом повсеместно в империи создается крайне тревожное, в смысле общественной безопасности, брожение. Проявляется оно совершенно открыто и в весьма беспорядочной форме.

Смута, охватившая Россию, отражается и на учащейся молодежи, которая ту же смуту внесла и в академическую жизнь, затрудняя, а подчас и делая совершенно невозможным, правильное ее течение. Подобным настроением молодежи пользуются кроме того и революционные круги с целью устраивать из студенческих сходок народные митинги для широкой пропаганды революционных идей.

Периодическая печать, почти целиком находящаяся в руках оппозиции, в свою очередь способствует разжиганию страстей. Пользуясь полною безнаказанностью за помещение статей, систематически извращающих факты и тенденциозно освещающих действия правительства и роль его в умиротворении страны, она не останавливается перед бесплатной рассылкой, целыми транспортами, в провинцию своих публикаций, которые затем бесплатно же распространяются в громадном количестве не только среди интеллигенции, но и в деревнях.

Все это вместе взятое создает в России такую жизненную обстановку, что умеренные элементы общества совершенно растерялись и, не видя ни в ком поддержки, утратили способность ориентироваться в оценке современного положения вещей.

Придавая вопросу о Государственной Думе серьезное значение, так как от правильной и соответствующей действительным интересам страны постановки ее занятий на первых же порах ее деятельности зависит весь дальнейший ход исторических событий в империи, всеподданнейшим долгом поставляю себе представить Вашему Императорскому Величеству, что при современных условиях общественной жизни, когда борьба против существующего государственного строя достигла крайних пределов, единственным средством противодействия ей является создание твердо сплоченной консервативной партии порядка, на которую правительство могло бы опираться в Думе. Партия эта должна оказаться в большинстве, чтобы иметь силу для противовеса оппозиционерам.

Для формирования такой партии прежде всего необходимо:

1) Совершенно ясно и определенно выработать программу правительственных предначертаний в области разного рода реформ и предать таковую самой широкой гласности и распространению в народе. В оповещении об означенных реформах желательно было бы подчеркнуть, что таковые исходят от правительства и затрагивают все стороны государственной жизни, так что оппозиционные партии в своих «платформах» ничего нового не вносят, кроме отвлеченных теорий государственного переустройства.

2) Одним из весьма существенных упреков, которые делаются правительству в настоящее время со стороны лиц, ему преданных, это отсутствие твердой и планомерной внутренней политики, а иногда и прямое бездействие власти, проистекающие от разрозненности действий отдельных его органов. Настоятельно необходимо ныне же объединить эти действия путем формирования Совета Министров на началах взаимной связи министерств при осуществлении выработанной правительством программы.

3) Проводниками политики правительства на местах могут явиться генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники, которые, в силу своего служебного положения, всегда будут в состоянии составить около себя кружок влиятельных в данной местности лиц и через них вступить в борьбу с оппозицией. В этом смысле должны быть выработаны для них твердые, сообразно со взглядами правительства, инструкции, чтобы вся деятельность правительственных органов в полном ее объеме носила на себе отпечаток единства. Во избежание недоразумений при истолковании инструкций, желательно командировать особо доверенных лиц, на обязанности которых лежало бы, путем объезда губерний и личных переговоров с представителями власти, согласовать их работу с предначертаниями правительства.

4) Значительную роль в образовании общественного мнения играет и периодическая печать. Ее необходимо использовать для привлечения на сторону правительства возможно большого числа активных деятелей. Необходим особый официозный орган, где бы правительство могло проводить свои взгляды и тем дисциплинировать публику. Современные органы печати почти все стоят на стороне оппозиционеров, консервативные же газеты, по своей разрозненности и малочисленности, не могут оказать сколько-нибудь существенной пользы делу. Они не имеют никакого влияния и пользуются весьма малым кругом читателей. Кроме того, с мнением их никто не считается, не предполагая видеть в нем отголосок взглядов правительства. Необходима также дешевая пресса в провинции, которая могла бы давать населению здоровую умственную пищу и в общедоступной форме изложения освещать намерения правительства, согласно действительным его целям.

При наличности сказанных условий можно быть уверенным, что громаднейшая масса населения империи, искони преданная заветам Самодержавия, твердо сплотится вокруг Престола, даст в Государственную Думу требуемое большинство своих представителей и выскажет че-

рез них свой истинный взгляд на положение вещей, не дав восторжествовать группе лиц, чуждых ей по духу и сильных только своею партийною организациею.

Свиты Вашего Императорского Величества
генерал-майор *Трепов*

ГА РФ. Ф. 543. Д. 645. Оп. 1. Л. 10—12об. Машинописный подлинник с подписью-автографом Д.Ф.Трепова.

№ 8

15 октября 1905 г.

Ваше Императорское Величество.

Не по заслугам милостивый рескрипт, которым Вы меня сегодня осчастливили, глубоко меня взволновал и растрогал.

У меня лишь одна заслуга, если можно считать за таковую беззаветную преданность Вашему Величеству и то, что я никогда не лгу и говорю только то, что думаю и чувствую.

Ваше Величество, я слышал, что Вы предназначаете на пост начальника своего будущего кабинета И.Л.Горемыкина, при назначении гр[аф]а Витте⁹ на пост первого министра¹⁰. Это невозможно, они враги, и Вам необходимо оказывать теперь гр[афу] Витте полное доверие и, следовательно, на пост начальника кабинета должен быть избран человек, не принадлежащий к партии его открытых врагов.

Статс-секретарь Коковцев¹¹ очень волнуется за свою судьбу. Не знаю, какой он министр финансов, ибо в финансовых операциях я ничего не понимаю, но знаю, что он честный человек и верный Вам слуга. Ему очень улыбается пост председателя Департамента экономии Государственного совета¹². Статс-секретарь Н.В.Муравьев¹³ (посол в Риме) был бы очень счастлив назначением в члены Государственного совета, с оставлением в занимаемой должности, но, оговариваясь, он тоже враг Витте.

Горячо молю Господа Бога вывести нашу несчастную родину на путь мирного развития и преуспеяния.

Будьте, Ваше Величество, со всею царственною семьею Богом хранимы и оберегаемы на всех путях Ваших!

Верноподданный слуга Вашего Императорского Величества
Д.Трепов

ГА РФ. Ф. 543. Д. 645. Л. 13—14. Автограф.

№ 9

23 октября 1905 г.

Ваше Императорское Величество.

В разгар народного волнения, охватившего Петербург в начале нынешнего года, Вам благоугодно было, Государь, призвать меня на пост

С[анкт]-Петербургского генерал-губернатора, а затем назначить товарищем министра внутренних дел, заведывающим полицией. Сильный поддержкою, которою я был удостоен со стороны Вашего Величества, я полагал все силы свои и все разумение, чтобы укрепить колеблющуюся среди всеобщего смятения правительственную власть и восстановить порядок.

Как ни тяжела была моя служба, но я с убеждением нес ее, поддерживаемый сознанием, что она нужна Вам, Государь, и может быть полезна отечеству. Ныне у меня нет этого сознания.

По воспоследовании Высочайшего повеления, об объединении правительственной власти в руках графа Витте и о принятии к руководству представленной им программы, я убедился, что мне невозможно работать в объединенном министерстве, так как я расхожусь с графом Витте в способах выполнения программы, о чем я имел счастье высказывать Вашему Величеству в письме от 15 сего октября.

Потому долг совести повелевает мне решительно просить Ваше Императорское Величество уволить меня от занимаемых мною должностей. Государь, это мое ходатайство я глубоко продумал и решил всеподданнейше просить об увольнении, так как имя мое и направление моей деятельности достаточно определены и известны всей России; дальнейшее мое пребывание в составе объединенного графом Витте правительства в некоторых классах общества может даже навлечь на Ваше Величество упрек в неискренности.

В провозглашенной программе говорится, между прочим, что события требуют от власти приемов, свидетельствующих об искренности и прямоте ее намерений. С этим положением я вполне согласен и нахожу, что оно обязательно всегда и для всякого правительства.

Я держался этого правила в течении всей моей жизни, и руководствуясь именно им, я и осмеливаюсь повергнуть мое ходатайство Вашему Величеству в твердой надежде, что с обычным великодушием Вы снизойдете, Государь, к просьбе истинно преданного Вам слуги, готового пожертвовать за Вас жизнью, но не могущего отказаться от прямоты и полной искренности всех своих действий¹⁴.

Верноподданный слуга Вашего Императорского Величества
Д. Трепов

ГА РФ. Ф. 543. Д. 645. Л. 18–19об. Автограф.

Примечания

¹ К письму приложена всеподданнейшая телеграмма очевидца происшествия 9 января 1905 г. близ площади Зимнего дворца литератора консервативного направления монархиста Леона Гельмана (Л.Г.Жданова). Он рассматривал увиденное как «хладнокровный расстрел ни в чем неповинной толпы, готовой пасть ниц перед своим императором и молить его о помощи».

² Речь идет о продолжавшейся русско-японской войне (27 января 1904 – 16 августа 1905 гг.)

³ Первоначально Николай II собирался выступить с манифестом по поводу трагедии 9 января. Этот вопрос обсуждался на совещании у председателя Государственного

совета графа Д.М.Сольского. Затем манифест заменили речью Николая II перед рабочей депутацией и правительственным обращением к рабочим с призывом прекратить стачки (См.: Проект манифеста о событиях 9 января // Красный архив. Т. 45. М., 1925; Треповский проект речи Николая II к рабочим после 9 января // Там же. Т. 1 (20). М., 1927. С. 240–242; Начало первой русской революции: Январь–март 1905 г. М., 1955. С. 149–150, 837).

Сольский Д.М. (1833–1910) – граф, действительный тайный советник, в 1903–1906 гг. – председатель Особого совещания об ассигновании кредитов, вызываемых военными обстоятельствами; в сессию 1904–1905 гг. председатель в Общем собрании Государственного совета; в 1905 г. – председатель Государственного совета.

⁴ В телеграмме от 16 октября 1905 г. генерал Фрезе просил полномочия на введение военного положения во вверенном ему крае в «случае крайности» (ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 45. Л. 25).

⁵ Речь идет об отзыве Д.Ф.Трепова на всеподданнейший доклад и проект царского манифеста авторства С.Ю.Витте, переданные ему в ночь с 15-го на 16-е октября (См.: К истории манифеста 17 октября 1905 г.: Секретная переписка // Былое. 1919. № 14. С. 108–111; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 232). Изданный 17 октября высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», который император в письме называет «конституцией», провозглашал учреждение законодательной Государственной думы, а также основные демократические свободы (печати, слова, собраний, вероисповеданий) (См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. IX. С. 40–41). Его сопровождали всеподданнейший доклад С.Ю.Витте «О необходимости реформ в государственном строе России» от 18 октября и высочайший указ «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений» от 19 октября.

⁶ В своих воспоминаниях С.Ю.Витте упоминает, что дворцовый комендант прочитывал все предназначавшиеся императору доклады, касавшиеся внутреннего положения страны, и составлял проекты резолюций по ним. Для исследователей это послужило подтверждением версии о диктаторской роли Д.Ф.Трепова, его преимущественного влияния на внутривластные дела.

⁷ *Горемыкин И.Л.* (1839–1917) – государственный деятель, министр внутренних дел (1895–1899). Председатель Совета министров (апрель–июль 1906 и 1914–1916 гг.).

⁸ 6 августа 1905 г. был издан манифест о создании Государственной думы («булыгинской»), наделявшей законосовещательными правами (См.: Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 30–54). Однако в условиях резкой радикализации общественного сознания, он никого уже не мог удовлетворить.

⁹ *Витте С.Ю.* (1849–1915) – государственный деятель. В 1892 г. – министр путей сообщений, финансов. С 1903 г. – председатель Кабинета министров, Совета министров в 1905–1906 гг. Автор Манифеста 17 октября 1905 г.

¹⁰ Д.Ф.Трепов считал возможным создание параллельных кабинетов – личного императорского и общемиштерского. При этом он, вопреки сложившемуся в историографии мнению, не претендовал на должность «начальника кабинета» Николая II ввиду расхождений с программой С.Ю.Витте. Официальный императорский кабинет, параллельный Совету министров, властью создан не был. И.Л.Горемыкин стал председателем Совета министров второго, «поствиттевского», состава (апрель–июль 1906 г.).

¹¹ Коковцов В.Н. с апреля 1906 г. – министр финансов, с сентября 1911 г. по январь 1914 г. – председатель Совета министров с оставлением в прежней должности.

¹² В.Н.Коковцов не получил поста председателя Департамента экономии из-за резкого противодействия С.Ю.Витте, фактически предъявившего ультиматум императору, желавшему этого назначения. 25 октября 1905 г. Коковцов был назначен членом Совета министров.

¹³ Муравьев Н.В. в 1894–1905 гг. занимал пост министра юстиции; затем, до 1908 г. – посла в Италии.

¹⁴ 26 октября 1905 г. Д.Ф.Трепов был уволен от занимаемых им должностей и назначен дворцовым комендантом. На новом посту он объединил в своих руках всю охрану императора, до того осуществлявшуюся параллельно Департаментом полиции и дворцовой полицией.

«ПРОСТИТЕ ЗА ПРАВДУ»

Письмо редактора журнала «Русское богатство»
Л.Е.Оболенского Н.К.Михайловскому. 1885 г.

Леонид Егорович Оболенский (1845–1906) и Николай Константинович Михайловский (1842–1904). В исторической литературе имена этих хорошо известных литературных критиков, публицистов и общественных деятелей народнического направления вместе встречаются крайне редко. Они не были ни друзьями, ни единомышленниками. Современники воспринимали их скорее как антагонистов. В 80-е гг. XIX в. Л.Е.Оболенский часто использовал страницы редактируемых им журналов «Мысль» и «Русское богатство» для критики взглядов и общественной позиции Н.К. Михайловского.

О причинах полемики Оболенского против своего собрата по народническому лагерю, которого он в молодые годы любил и почитал, существуют разные точки зрения. Так, Б.Г.Глинский в статье «Памяти Л.Е.Оболенского» заметил, что покойный был от природы человеком очень самолюбивым. Однако по ряду причин «он не мог иметь громадного успеха в широких кругах читателей и оставался как бы на втором месте в журналистике, заслоненный публицистом-социологом, гордо и с громким успехом шествовавшим под обаятельным для массы знаменем, на котором ярко значились слова: не эволюция, а революция». Отсюда, пишет Глинский, общественная уязвленность и неудовлетворенность Оболенского¹.

Современные историки видят корни разногласий между идеологами легального народничества в их принадлежности к разным его флангам. Принято считать, что Л.Е.Оболенский (как и его лучший друг И.И.Каблиц-Юзов) был теоретиком правого, или «догматического» народничества с его преклонением перед народом, отрицанием самостоятельной роли интеллигенции и вытекавшим отсюда отрицанием борьбы с существующими формами русской жизни. Что касается Н.К.Михайловского, то он, как сторонник немедленного ограничения самодержавия, вел с аполитизмом правых решительную и бескомпромиссную борьбу².

Однако у критических выступлений Л.Е.Оболенского были и другие мотивы, связанные с негативной оценкой им личности Н.К.Михайловского и его реальной роли в русском общественном движении. В опубликованных им статьях об этом почти ничего нет. Поэтому пролить свет на данный вопрос может лишь личная переписка Оболенского с Михайловским, хранящаяся в Рукописном отделе Института русской литературы и искусства (РО ИРЛИ) в фонде № 181 (архив Н.К.Михайловского).

Всего сохранилось 12 писем Л.Е.Оболенского за 1885–1901 гг. и 3 письма Н.К.Михайловского за 1885–1886 гг. Последних, конечно, было больше, но как распорядились с ними Оболенский или его наследники, нам неизвестно.

Если верить Л.Е.Оболенскому, переписку с ним начал Н.К.Михайловский. В первой половине февраля 1885 г. (письмо не сохранилось) он обратился к редак-

¹ См.: Исторический вестник. 1906. № 11. С. 631.

² Литературу о Н.К.Михайловском и Л.Е.Оболенском и их краткие биографии см.: Русские писатели. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 99–106, 376–378.

тору «Русского богатства» с вопросом об авторах двух очерков, опубликованных под псевдонимами в № 12 журнала за 1884 г. Оболенский 17 февраля пишет ответ, присовокупив к нему P.S.: «Крайне интересуюсь Вашим мнением о статьях моих «Что такое прогресс?» (Рус[ское] б[огатство], № 1 и 2)»³. Статьи были опубликованы в начале 1885 г. Оболенский изложил в них свои взгляды на объективные и субъективные условия прогресса (экономического, политического, нравственного и т.д.), среди которых особое место отводилось развитию в обществе альтруистической морали. Касаясь формулы прогресса Михайловского, автор нашел ее «узкой», «односторонней» и практически неосуществимой, т.к., приняв ее, человечество должно было бы отказаться от преимуществ разделения труда между людьми⁴.

Ответное письмо Михайловского (от 25 февраля 1885 г.) буквально ошеломило Оболенского. Вместо возражений по существу отстаиваемых им взглядов он получил подробный реестр своих личных прегрешений перед Н.К.Михайловским и его лучшим другом Г.И.Успенским. Главный упрек Михайловского заключался в том, что в статье «Искусство и тенденциозность» (Русское богатство. 1883. № 5/6) Оболенский фактически обвинил его в безнравственности. Михайловский описывает, как ему было стыдно за «неправду» Оболенского. И все же он тогда ему «спустил» «ради тех отношений, которые должны существовать в литературе между людьми, имеющими некоторые общие точки в области понимания и упования»⁵.

Свой ответ «властителю дум» нескольких поколений молодежи Л.Е.Оболенский сочинял около месяца. Ему даже пришлось извиниться за задержку, сославшись на занятость редакционными делами. Конечно, Оболенский здесь слукавил. Объем письма (целая статья), на редкость разборчивый почерк, наличие черновика, о чем свидетельствуют вставки пропущенных при переписывании текста слов, наконец, само его содержание говорят о том, что Оболенский придавал своему ответному посланию исключительно важное значение. Вот почему он так долго его писал.

Для историков легального народничества письмо Л.Е.Оболенского от 31 марта 1885 г. из эпистолярной коллекции Пушкинского дома настоящая жемчужина. Чем же оно так интересно? Прежде всего, в нем предельно откровенно изложены разногласия, существовавшие в народническом лагере в эпоху упадка общественной активности после разгрома правительством «Народной воли». Суть их сводилась к различному пониманию путей осуществления прогресса: должна ли русская интеллигенция продолжить борьбу за изменение общественных форм или нужно начинать с «личной выработки» для общественной работы, т.е. умственного и нравственного самосовершенствования личности при помощи развития общественной инициативы и самодеятельности.

По мнению Л.Е.Оболенского, одного из создателей «теории малых дел», имеющиеся у русской интеллигенции социальные и политические идеалы ставили перед ней заведомо невыполнимые задачи, идущие дальше насущных потребностей русской жизни и, следовательно, «принуждающие» наиболее активную и сознательную часть общества «сидеть у моря и ждать погоды». «Помилюйте, как же! Работать теперь, при существующих порядках В этих словах все: и холопская лень, и холопская трусость, и холопские отговорки!» – замечал писатель в одной из своих статей в начале 1880-х гг. А все потому, что «мы белоручки, потому что

³ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 493. Л. 1.

⁴ Русское богатство. 1885. № 1. С. 140–151.

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 3. Д. 11. Л. 3–4об.

мы ничего не умеем делать, потому что нам все далось даром: и наше образование, и наше общественное положение, и наши средства к жизни. Мы, как истинные лакеи, не будем работать черную работу: на это есть пониже нас, а мы стоим при господах — идеалах!»⁶

Кроме того, письмо Л.Е.Оболенского проливает свет на особенности эволюции его идейной позиции в 80-е гг. XIX в. Еще с конца 1870-х гг. он вынашивал идею создания «синтетического» или «научного» народничества, призванного примирить крайности «поборника народа» И.И.Каблица-Юзова и «поборника интеллигенции» Н.К.Михайловского. Выяснение отношений с лидером «интеллигентников» окончательно убедили его в несбыточности этих надежд⁷. После 1885 г. Оболенский резко эволюционирует вправо и становится одним из яростных защитников морально-этического учения Л.Н.Толстого.

В письме дается весьма нелюбезная характеристика Н.К.Михайловского. Л.Е.Оболенский открыто и отнюдь не голословно обвиняет общепризнанного «апостола истины и справедливости» в деспотизме по отношению к своим критикам из народнического лагеря, в его личной ответственности за падение популярности в обществе их общих идеалов. По убеждению Оболенского, именно Михайловский, пользуясь своим авторитетом среди демократической интеллигенции, помешал другим идеологам народничества (особенно тем, которых он критиковал) стать равноправными участниками полемики о практических путях и методах общественных преобразований страны. Возможно, эти неизвестные широкому кругу исследователей обстоятельства поспособствуют развенчанию своеобразного культа личности Михайловского, сложившегося в отечественной и зарубежной историографии народничества⁸.

Прочитавшим письмо Л.Е.Оболенского, наверное, будет интересно узнать о реакции Н.К.Михайловского на столь серьезные обвинения в его адрес. Увы, он их просто проигнорировал. «Я был сердечно тронут искренностью Вашего письма и очень Вам за него благодарен», — читаем мы в ответе Михайловского. Но для серьезной полемики с ним по существу обозначенных Оболенским разногласий одной искренности оказалось мало: «чтобы спор приносил пользу, нужно спорить печатно». Иными словами, Н.К.Михайловский предлагал своему оппоненту вынести накопившиеся обиды на суд широкой публики⁹. Нетрудно догадаться, чью сторону поддержали бы многочисленные поклонники бывшего редактора «Отечественных записок». Впрочем, в 1885 г. до огласки «скандала в благородном семействе» дело так и не дошло.

Надо заметить, что о своем несогласии с позицией Михайловского Оболенский заявлял много раз еще до закрытия «Отечественных записок». Например, в

⁶ Л.О.[Оболенский Л.Е.] Обзор руководящих идей нашей печати в 1881 году // Мысль. 1882. № 2. С. 288.

⁷ См.: Оболенский Л. Идеалы современной жизни и литературы (Критический этюд) // Русское богатство. 1885. № 11. С. 191–201.

⁸ Большинство исследователей считают Н.К.Михайловского главным и истинным представителем легального народничества 80–90-х гг. XIX в. О его жизни и трудах написано около 1200 работ — намного больше, чем обо всех остальных народниках-реформистах вместе взятых. В первую очередь «обделенными» вниманием народниковедов оказались те идеологи правого народничества, за которыми закрепилась репутация идейных противников Н.К.Михайловского (П.П.Червинский, И.И.Каблиц-Юзов, В.П.Воронцов, Я.В.Абрамов, Л.Е.Оболенский и др.).

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 3. Д. 11. Л. 8–8об.

одной из своих статей в журнале «Мысль» он обвинил Н.К.Михайловского и С.Н.Кривенко в том, что они «то и дело дают пинки народничеству» (Ф.М.Достоевскому, сотрудникам «Руси» и «Недели»), а «Отечественные записки» в целом в измене народу, который не подтвердил «блестящих ожиданий», возлагаемых на него интеллигенцией¹⁰. Однако никакой полемики с изданиями Оболенского из-за этих выпадов Михайловский не начинал. Очевидно, он не придавал им большого значения или, скорее всего, ничего о них не знал. В письме Оболенскому он признался, что «почти ничего Вашего не читал, а с журналом Вашим («Русским богатством». – Г.М.) познакомился только теперь (о чем, конечно, очень жалею)»¹¹.

Только в 1886 г. в ноябрьском номере «Северного вестника» Н.К.Михайловский, наконец, удостоил Л.Е.Оболенского своим вниманием. В приложении к «Дневнику читателя» он неожиданно припомнил одну неточность, допущенную Оболенским в упомянутой выше статье «Искусство и тенденциозность». Там были перепутаны две героини очерков Михайловского «Вперемежку» – Соня и Наташа. «Надо бы за это наказать г. Оболенского, – пишет Михайловский. – Я и накажу его тем, что приведу здесь целиком, без всяких возражений и замечаний его формулу прогресса». Выписав эту формулу, он все же дает ей краткую характеристику: «сапоги всмятку»¹². Интересно, зачем потребовалось Михайловскому вспоминать о незначительном эпизоде трехлетней давности, если Оболенский уже однажды признал (в письме от 31 марта 1885 г.), что в его статье вкралась ошибка. Ответ мы найдем в двух письмах, которыми они обменялись предположительно в августе – сентябре 1886 г.

Поводом для возобновления переписки послужила одна из статей Л.Е.Оболенского о Л.Н.Толстом, в которой он защищал писателя от нападков на его идеи Н.К.Михайловского¹³. Последний обнаружил в ней еще одну ошибку (автор приписал ему чужую фразу о корыстолюбии Толстого)¹⁴. Оболенский пообещал исправить свой, как он выразился, «невинный промах» (что, кстати, и было сделано в сентябрьском номере «Русского богатства»). Далее последовало объяснение причин, по которым Н.К.Михайловский придирается к нему по таким мелочам и не видит «из-за мухи слона». «Меня удивляет, – пишет Оболенский, – что Вы, человек, считающийся либеральным, не в состоянии выносить ни малейшей критики. Неужели Вы не знаете, что деспоты доходили до звериного образа потому, между прочим, что разбивали то зеркало свободного слова, в котором могли бы видеть себя. Вы не в силах запретить моего журнала, и вот Вы его выбрасываете из своей комнаты. Как будто от того, что Вы его не будете «перелистывать» и видеть, изменятся взгляды на Вас тех людей, которые видят в Вас то же, что и я: человека очень талантливого, очень хорошего, но губящего все это ужасным самомнением». Ниже Л.Е.Оболенский добавляет, что если бы у Михайловского была власть, то он, конечно, закрыл бы «Русское богатство». Примечательно, что это письмо заканчивается словами «Тяжко и гадко!» вместо обычных

¹⁰ См.: Созерцатель [Оболенский Л.Е.] Обо всем // Мысль. 1882. № 10–11. С. 185–186.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 3. Д. 11. Л. 7об.

¹² Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. В 10 т. СПб., 1913. Т. 10. Стб. 191–192.

¹³ См.: Оболенский Л. Русская мыслетворность и критики Толстого // Русское богатство. 1886. № 8. С. 117–168.

¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 3. Д. 11. Л. 1.

«Готовый к услугам»¹⁵. Очевидно, после этого «выговора» Н.К.Михайловский и решает «наказать» своего задиристого критика, публично высмеяв его формулу прогресса.

Оскорбленный и еще более удивленный Оболенский в свою очередь поместил в «Русском богатстве» «Два слова г. Михайловскому», где после разбора реплики своего оппонента о «сапогах всмятку» впервые печатно коснулся некоторых личных качеств этого писателя и общественного деятеля. «мы, — замечает публицист, — вовсе не хотим отрицать в г. Михайловском таланта и добрых намерений: его губит только чересчур большая самоуверенность и вытекающая отсюда небрежность, нежелание серьезно поработать и задуматься над чем-нибудь, а в то же время — мелочное, придирчивое самолюбие, когда ему укажут его ошибку, и высокомерно-презрительное отношение к другим, не исключая таких людей, как Спенсер, Толстой, Достоевский и т.д.»¹⁶. Вот все, что Л.Е.Оболенский решил придать гласности из своих прежних писем к Н.К.Михайловскому.

В архиве Н.К.Михайловского хранятся еще несколько писем от Л.Е.Оболенского, относящихся к 1890-м — началу 900-х гг. Все они свидетельствуют о сохранении натянутости в их отношениях, чему в немалой степени способствовал переход в 1892 г. «Русского богатства» из рук Л.Е.Оболенского сначала к С.Н.Кривенко, а спустя некоторое время к Н.К.Михайловскому, превратившему этот журнал во вторые «Отечественные записки».

Последний значительный эпизод, нашедший отражение в их переписке — это отказ Оболенского участвовать в праздновании 40-летия литературной деятельности Михайловского, проходившего в Петербурге в 1900 г. 15 ноября Оболенский напишет юбиляру, что ему будет очень жаль, если тот объяснит его отсутствие на торжественном обеде в Северной гостинице сведением «каких-нибудь личных и старых счетов». «Нет, я совершенно отделяю мои личные отношения к людям от отношений общественных. Ваше общественное значение я ставлю высоко, а в последнее время еще выше, чем ставил прежде»¹⁷. Однако современникам запомнилось другое признание Оболенского, заявившего однажды, что он не намерен вместе с другими «гарцевать за колесницей кумира молодежи»¹⁸.

Письмо публикуется по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей источника. Слова, подчеркнутые в тексте, выделены курсивом. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук Г.Н.МОКШИН.

Л.Е.Оболенский — Н.К.Михайловскому

31 марта 1885 г.

Милостивый государь Николай Константинович!

Сделав Вам в моем последнем письме вопрос о моих статьях «Что такое прогресс», я желал услышать возражения на мои возражения Вам: я не считаю себя непогрешимым и полагаю, что мог не верно понять

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 493. Л. 23–26об.

¹⁶ Русское богатство. 1886. № 12. С. 195–196.

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 3. Д. 127. Л. 1–1об.

¹⁸ См.: Евгеньев А. Писательские общества и кружки // Вестник литературы. 1919. № 1/2. С. 6.

Ваши идеи, а, желая служить *только истине*, я, естественно, желаю, где возможно, исправлять мои ошибки. Вот почему мне было важно слышать Ваше мнение о моих статьях. Вы ответили мне неожиданным обвинением меня в трех литературных оскорблениях, совершенных мною против Вас лично в течение моей литературной деятельности. Благодарю Вас за это, ибо Вы даете мне возможность, пользуясь Вашей откровенностью, самому столь же откровенно высказать Вам многое, с чем до сих пор я не решался обратиться к Вам, думая, что моя откровенность будет непрошеной. Не подумайте, что этим выражением я хочу и Вашу откровенность назвать непрошеной. Нет, я понял Ваше письмо так: «если, мол, Вы желаете слышать мое мнение о Ваших статьях, то предварительно оправдайтесь в личных обидах, совершенных против меня». Вы были и правы и не правы, поставив дело таким образом: правы были Вы потому, что никто не может заставить Вас говорить с человеком, оскорбившим Вас. Не правы Вы были потому, что, во-1-х, не я первый начал нашу переписку, а во-2-х, я предложил мой вопрос не ради личных моих интересов, а в интересах истины, которые строго отделяю, и, наконец, в-3-х, я мог бы ответить Вам (если бы держался иных взглядов на обязанности писателя), что журнал мой¹ я издавал с целью служить истине, народу и прогрессу, которых не отождествляю с Вами, и потому не обязан вовсе оправдываться в личных оскорблениях, которых могло быть и больше. Но этой последней фразы я не хочу и не могу сказать^а Вам, хотя ниже и объясню Вам откровенно, почему не считал Вас тождественным с интересами прогресса, народа и истины. Не скажу же я этой фразы потому, что считаю всякие личные оскорбления преступлением очень большим, а литературные тем более, а если они несправедливы, то и оправдания им придумать не могу (если они совершены мною), ибо я всегда старался и другим советовал в моих статьях относиться правдиво даже к врагам своим, хотя, конечно, мог нарушать сам невольно этот основной принцип моего литературного credo^б. Вот почему я считаю своим долгом оправдаться и от Ваших обвинений. Если после всех моих объяснений в Вас еще сохранится против меня скорбное чувство, то прошу поверить мне, что вызвал я его невольно, не желая Вас оскорблять, отчасти в силу скверной литературной манеры, ставшей общим обычаем – хлестко отделять противника, – манеры, которая невольно заражает, как бы не ненавидел ее теоретически, а во-2-х, быть может, с Вами был особенно резок, ибо был глубоко и сильно раздражен на Вас, а чем, это будет дальше. Вы обвиняете меня в 3-х вещах: во-1-х, я не упомянул в моей статье (о прогрессе), что Ваше изложение спенсеровской теории явилось 15 лет назад и что Вы после статьи о прогрессе писали другие статьи о том же. Во-2-х, я не точно передал историю Темкина², в чем совпал будто бы с «Московскими вед[остями]»³, и в-3-х, я обозвал Вас *папуасом*, к великому удовольствию «Нов[ого] вр[емени]»⁴.

^а Слово «сказать» вставлено сверху строки.

^б Credo (лат.) – верую. Исповедание, символ веры, убеждения.

Отвечу по порядку:

1) О выходе Вашей статьи 15 лет тому назад я не упомянул потому, что разбирал не эту статью, вышедшую 15 лет назад, а ее *перепечатку*, сделанную не 15 лет назад, а в прошлом году, т.е. через два года после выхода в «Мысли» перевода «Развития пол[итических] учр[еждений]», где Спенсер⁵ выяснил свой взгляд на нравственную оценку исторических событий, которую Вы у него отрицали. В предисловии к этой перепечатке Вы вовсе не касались того, что изменили свой взгляд на Спенсера; стало быть у меня не было оснований упоминать о том, что статья явилась *впервые* 15 лет назад. Мне казалось, что если писатель издает что-нибудь в свет, он согласен с тем, что издает, и потому возражать ему можно и должно, не принимая в расчет, вчера ли написана статья или 15 лет назад. Иное дело, если писатель *точно* оговорил в предисловии то, от чего отказался (в прежней статье). Этого Вы не сделали, и если Вы действительно от многого отказались в Вашей статье, то Вы не одного меня ввели в заблуждение, а, например], и Гл[еба] Успенского⁶, который цитировал Вашу формулу прогресса, и, быть может, тысячи других Ваших читателей. Таким образом, первое обвинение не имеет, мне кажется, почвы, и разве Вы сами не поступили бы совершенно также?

2-е обвинение, что я перепутал содерж[ание] Темкина, совершенно справедливо: перечитав на днях Темкина (в собр[ании] соч[инений]), я увидел, что память мне изменила, когда я сослался на этот этюд. Но уверяю Вас, что я так легко отнесся к этой ссылке на Темкина (не сравнив ее с подлинником) по многим причинам, довольно уважительным.

Во-1-х, у меня не было под руками «От[ечественных] зап[исок]»⁷. Темкина я читал давно и даже не помнил, в каком году он был напечатан, чтобы отыскать нужный № «От[ечественных] зап[исок]». При том Вы знаете, как трудно разыскивать стар[ые] журн[алы], особенно, когда приходится спешно работать и вести в одиночку целый журнал. Тем не менее, не скажу, что бы я совершенно не проверил моих воспоминаний о Темкине, но проверял я их с воспоминаниями нескольких лиц, близких мне, которым читал мою статью до ее напечатания. И, к сожалению, у них было впечатление от Темкина тождественное с моим. В-3-х, ведь я оговорился в статье, что «за подробности не ручаюсь». Я полагаю, что^а эта оговорка относится одинаково ко всему эпизоду, ибо если я не ручаюсь за одно, то не могу поручиться, что ясно помню и другое. В-4-х, эта ссылка была приведена в статье чисто *эстетической* («Искусство и тенденциозность») и приведена уже никак не с целью обвинить Вас в безнравственности. А, ведь, только при этих условиях возможна бы была параллель между моей ссылкой и «Моск[овскими] вед[омостями]». Я, наоборот, всегда сам проводил открыто и наиболее горячо ту идею, которую предположил в Темкине, а именно «прощение падшим», как же я мог Вас за эту самую идею обвинить в безнравствен-

^а Далее зачеркнуто: «она».

ности?! Я доказывал только, что самая неоспоримая нравственная истина (в данном случае критическая), если она проводится тенденциозно в беллетристической форме писателем, не обладающим художественным дарованием, может вести к результатам, совершенно неожиданным для моралиста. Я это буквально говорю на той же стран[ице], строка 9-я снизу, так: «изображение вышло *психологически* неверное, а потому совершенно *неожиданно* для автора-*моралиста* – с общечеловеческой точки зрения – безнравственное»⁸. Мне кажется, если Вы перечитаете вновь все это место статьи внимательно, то увидите, что мысль, которую я выражал, не была для Вас оскорбительна, как для *человека и публициста*, – она могла бы быть для Вас обидна, если бы Вы считали себя *художником*.

Но этого-то я и не предполагал. Уверяю Вас, что, если бы я думал, что Вы придаете Темкину художествен[ное] знач[ение], я сходил бы в Публ[ичную] библиот[еку] и проверил мою ссылку, брошенную а rgoros^a, для отыскания параллели с чисто-художественным проведением той же идеи. Теперь, перечитав Темкина, я вижу, что никакой такой идеи (глубоко мне симпатичной) Вы и не думали проводить в Темкине, и только в этом, в сущности, была моя ошибка. Спрашивается, имели ли Вы право проводить параллель между мною и «Моск[овскими] вед[омостями]» за такую невинную и невольную ошибку?

Третье обвинение Ваше, что я, к удовольствию «Нов[ого] времени», назвал Вас папуасом, еще более удивительно и непонятно для меня.

Во-1-х, никогда я не называл Вас лично «папуасом». Восстановлю факт, как он был, и Вы увидите, что «Нов[ому] вр[емени]» нечему было радоваться. Но допустим на минуту, что даже я и послужил невольной причиной его радости: неужели, Николай Константинович, истина зависит от того, радуется ли «Нов[ое] вр[емя]» или печалится? И неужели я должен был бы отказаться от того, что мне кажется истиной, если бы даже мог предвидеть, что «Нов[ое] вр[емя]» возрадуется? Напр[имер], оно пришло в восторг от статьи гр[афа] Толстого⁹, напечатанной у меня: думаете ли Вы, что я не должен был ее печатать? Взгляд для меня непонятный, против которого я много писал в моем журнале, но Вы, вероятно, не читали этих статей, иначе не привели бы такого аргумента, как радость «Нов[ого] вр[емени]». Против этого аргумента ответ у меня короткий: охота же Вам обращать внимание на личные выходки «Нов[ого] вр[емени]». Ведь, если на них обращать внимание, то придется иногда лобзать Мещерского¹⁰, когда его бранит «Нов[ое] вр[емя]», и бранить Щедрина¹¹, когда его хвалит оно. Ведь, проводя последовательно Ваш аргумент, мы дойдем до того, что наша мысль будет находиться в полном рабстве у врага и мы будем говорить механически «нет» там, где он говорит «да», и наоборот. Метод очень опасный и свойственный юношам, но не могу не заметить, что Вы очень содействовали его распространению, ибо этот аргумент был у Вас преобладающим. Но вернемся к папуасам и восстановим факты; дело было так. В одной из Ва-

^a А rgoros (фр.) – кстати.

ших статей, как раз накануне появления статьи Вашей «Жестокий талант»¹², а именно, — сколько могу припомнить, — в статье о моем ром[ане] «Запросы жизни»¹³, Вы^а ¹⁴ выражаетесь так: они (консерваторы) выпустили на Щедрина Щебальского¹⁵, с клеветами и инсинуациями, так пусть же не посетуют, если мы те же приемы будем употреблять относительно беллетристов их лагеря, Достоевских и пр.¹⁶

Не ручаюсь опять-таки, что передаю Вашу мысль буквально, ибо под рукой «От[ечественных] зап[исок]» не имею, но мысль была та. Вслед за этим явилась Ваша статья «Жестокий талант», глубоко возмущившая меня за Достоевского своею несправедливостью, ибо в ней Вы брали героев Достоевского и их свойства приписывали автору, видя жестокость там, где человек бился из всех сил, писал, так, кровью своей, чтобы разбудить черствые сердца видом чужих душевных страданий (см. мою статью «Муза Тург[енева] и муза Достоевского», «Рус[ское] бог[атство]», 1884 г.¹⁷). Ваш метод был также мало справедлив, как метод того критика, который приписал бы лично Шекспиру все недостатки Яго и Фальстафа¹⁸, или обвинил гр[афа] Толстого в кровожадности за то, что у него в «Воине и мире» проливается много крови и т.д. Но теперь дело не в том, а вот в чем. Когда я прочел Вашу статью «Жестокий талант», у меня невольно и естественно явилось сопоставление этой статьи с выше упомянутой предыдущей статьей, обещающей месть всему лагерю за преступление одного из членов. И вот что я написал по этому поводу:

«Если только этот мотив руководил критиком (а это весьма возможно, если в прежней статье руководил именно он), то что же это такое, Вы только подумайте! Сегодня разбойник (т.е. Щебальский) убил человека (Щедрина), а завтра один из семьи убитого (Михайловский) должен убить кого-нибудь из семьи (т.е. Достоевск[ого]). Так что ли? Если (NB) так, то далеко ли ушел г. Михайловский от тех папуасов, о которых рассказывал в своем 1-м чтении Миклухо-Маклай¹⁹. Все междоусобные войны этих папуасов как раз именно и состоят в том, что члены одного общества убивают членов другого из взаимной племенной мести» и т.д. («Мысль», 1882 г. Октябрь — ноябрь, стр. 202 ²⁰). Вот что я сказал и от чего не откажусь, если Вы действительно напали на Достоевского в силу того, что было высказано Вами в предыдущей угрозе «Рус[скому] вест[нику]»²¹ и Щебальскому.

Лично Вас я не называл папуасом, и дело было вовсе не в Вас, а в той морали, которую Вы проповедовали Вашей статьей и которую я считаю нехорошей. Желаю от всей души, чтобы это обвинение послужило к нашему взаимному пониманию и сближению с тою целью, чтобы вперед работать дружно, не тратя сил на бесполезную борьбу, если действительно у нас an fond^б есть кое-что общее. Чтобы содействовать

^а Я говорю «Вы», хотя статьи не подписаны. Но Вы были редактором этого отдела и за них ответственны, как и их авторы, т.е. были солидарны с ними (Примеч. автора).

^б An fond (фр.) — в основе.

еще более такому сближению, перечислю кратко те выходки против меня и моего журнала, которые исходили от Вас, но спешу предупредить, что упоминая о них, я делаю это вовсе не потому, что сердит на Вас за них или жалею Вас на Вас же. Нет, ради Бога, не думайте этого.

Исключительная и единственная цель моя состоит в том, чтобы показать Вам, что Вы достаточно отмести мне за мои обиды, если они были, и можете перевести наши отношения на иную почву, если захотите, и если интересуетесь мною. Буду краток и возьму в кавычки лишь наиболее запавшие мне в память выражения обо мне и о «Русском бог[атстве]», которое Вы, как сами пишете, считали солидарным по некоторым чаяниям и верованиям. Мой журнал был назван не раз «дешевым», «маленьким», «которого Вы никогда не видите», «в который никто не заглядывает», «задворки литературы» и пр., и пр. Я сам заслужил следующие эпитеты: «метафизик с водою вместо крови в жилах» (разбор «Запросов жизни»²²), «американский аппарат для всяких случаев»²³, «шавка, лающая из подворотни на Гл[еба] Успенского»²⁴, «любитель женских ножек и порнографический писатель», наконец, мои беллетристические работы были названы «дешевой рыночной работой», «платьем с апраксинского рынка», и пр., и проч.²⁵ Не скажу, чтобы все это было легко читать, зная, что вложил в свое дело всю свою душу, всю жизнь, — что взялся за это дело с одной целью — служить людям, насколько сил хватит, служить честно, до последнего дыхания.

Но как бы ни^в было все это тяжело мне, как бы это все не отразилось на моей жизни, сердце, здоровье, даже на моем трудовом куске хлеба, я Вас не буду упрекать за это, ибо это было бы жалобой, а плохой тот борец за свою мысль, который жалуется на удары, ему нанесенные. Нет, не с этой целью, повторяю, я все это припомнил, а говорю Вам с тою целью, чтобы показать, что мои обиды уравновешены Вами с лихвою и, заметьте, Вы были на верху силы и «положения», когда наносили свои удары, а я был безоружный, начинающий. Примите все это во^г внимание и Вы поймете, что было много оправдывающих мотивов у моего раздражения против Вас. Не буду представлять из себя святошу и уверять, что мое раздражение было чисто принципиальным, что в нем не было и личного горя, но клянусь Вам, мне казалось искренно, что мое раздражение против Вас не личное, а принципиальное, и теперь я думаю это, и имею основание думать, основание это в том, что я, ведь, прощаю же вот Вам все то зло, какое Вы мне сделали, а это было, действительно, зло и материальное, и нравственное, ибо Вы заставили меня потерять веру во многое, во что я верил, и, прежде всего в Вас самих, а

^а Это за то, что я и беллетрист, и философ, и публицист, и это в той самой книжке «От[чественных] зап[исок]», где Вы оправдываете Успенского за соединение беллетристики и публицистики. Почему^б же ему это можно? Почему самим Вам можно писать то в той, то в другой форме? Почему же меня клеймить и позорить за это? (Примеч. автора).

^б Слово «почему» вставлено сверху строки вместо зачеркнутого слова «можно».

^в Слово «ни» вставлено сверху строки вместо зачеркнутого слова «это».

^г Слово «во» вставлено сверху строки.

уже о материальном зле я не буду говорить. Итак, если я говорю о личном раздражении, то не потому, чтобы я создал его в себе против Вас, а исключительно как психолог-реалист, предполагающий a priori^a, что в моей сознательной принципиальной оппозиции Вам могло скрываться бессознательно для меня и невольное, естественное личное раздражение, против которого я всегда боролся всеми силами моей души, употребляя всевозможные усилия, чтобы не мешать в одну кучу вопросов личных и вопросов «дела».

Вот почему и в этом письме я выделю особо те нападки на меня и на других, в которых я видел и вижу не личное мое дело, а принципиальное. О них поговорю особо, опять-таки оговариваясь вперед, что, быть может, я заблуждаюсь и мое личное дело возвожу в принципиальное, и моим личным горем окрашиваю чересчур сильно такие Ваши действия, которые в действительности объективной не так вопиющи, как они казались мне. Все это может быть, но я думаю так и не могу думать иначе, и если я ошибаюсь, то невольно и бессознательно, в силу известной аберрации мысли и чувства. К числу Ваших принципиальных проступков отнесу, во-1-х, обвинение меня в порнографии, и во-2-х, обвинение в «лае из подворотни на Гл[еба] Успенского». Обвинение меня [в] порнографии произошло так: есть у меня рассказ в письмах «Мимоза». Эти письма пишет дрянная, гаденькая личность департаментского генерала, доведшего своим ухаживанием до самоубийства честную и милую девушку. Этот-то пошляк описывает, как он, катаясь в лодке с своей невестой, любовался ее ножками²⁶. Критик это любование ножками приписал лично мне и, конечно, обвинил меня в порнографии, т.е. прибег к тому самому приему, о котором я уже говорил выше по поводу «Жесточкого таланта».

Заметьте, у критика была под рукою моя книжка и, следовательно, никакой параллели между этой публичной клеветой и моей, совершенно для Вас безвредной ошибкой относительно Темкина, проведено быть не может. Здесь мне прямо приписывалась безнравственная, грязная, гнусная черта характера, а в Темкине, — Вы уже видели, — ничего подобного я Вам не приписывал.

Но еще удивительнее Ваше нападение на меня за Гл[еба] Успенского. Я выступил против него прямо и открыто с подлинными цитатами в руках, именно за то место его статьи, где обобщая своего старосту на весь русский народ, он, очевидно, весь народ признает состоящим из «особей опасных своей дикостью и глупостью»²⁷. Лично Гл[еба] Успенского я не знаю и делал о нем выводы лишь на основании того, что он пишет, а то, что он пишет, я находил вредным для народа и несправедливым, и старался показать это, ибо, по моему глубокому убеждению, он плодил неверие в народ, а это неверие ослабляло среди молодежи энергию веры в прогресс, энергию стремления работать для народа. Я могу ошибаться, но у меня представлено множество цитат и доводов, я говорил не голословно, и многого я не мог сказать в печати, что знал из

^a A priori (лат.) — заведомо, явно.

писем, напр[имер], я получил письмо от рабочих из Ростова-на-Дону, подписанное 8 лицами (все это рабочие железнодорожные и интеллигентные; они все почти подписчики моего журнала в течение всех лет его существования) и они еще до статьи моей просили меня обратить внимание на «клеветы Успенского, бросаемые в народ» (подлинное выражение письма), «клеветы вредные, ибо, благодаря им, прежнее отношение даже к рабочим изменяется; прежде, хотя и *по моде*, но в них видели людей, а теперь относятся к ним, тоже по моде, заведенной Успенским, как к скотам, и т.д. Другое подобное же письмо я получил от одного очень известного и уважаемого писателя, живущего в провинции, который рассказывает, как в местном земском собрании проводились самые гнусные меры против крестьян и при этом цитировались статьи Успенского. Наконец, в третьем письме, также от лица, которому я вполне доверял, мне сообщалось, что Успенский играл роль приживалки у богача Сибирякова²⁸, потешая его анекдотами о крестьянах. Этот последний эпизод и вкрался, к великому моему сожалению, в мою статью, в виде намека о литераторах, воспи[ты]вающихся на диванах Бореля²⁹ (я имел в виду диваны Сибирякова).

В этом личном намеке глубоко *каюсь*, — не следовало его упоминать, — но *все остальное* в статье заслуживало, хотя бы во имя *народа*, более серьезного отношения, более *правдивого разбора*. Ведь дело шло в моей статье о вопросе краеугольном, о вопросе: что такое народ наш? Скотина ли он или человек, как и все другие народы? От этого вопроса, в то время особенно, зависело все, т.е. или поворот к тому пессимизму и апатии, которые потом и наступили, охватив всех, — или к солидной, верующей, энергической работе для народа, хотя и с сознанием его недостатков, грубости и дикости, но с верой в то, что он не воплощение глупости, что он способен к развитию и только путь должен быть иной, чем путь, указывавшийся идеализаторами народа. Мне казалось и кажется теперь, что «От[ечественные] зап[иски]» вели и привели русскую публику^а и особенно молодежь к крайнему пессимизму и апатии. Какая цель была у Вас, я понять не в силах, но цели своей Вы достигли, и то апатичное, бездеятельное состояние общества, не верящего ни во что и бросающегося от тоски из одного омута в другой с легкостью полной беспринципности «не помнящих родства», я в значительной степени приписываю Вам, ибо странно взваливать все на «внешние условия»: внешние условия подавляют общество там, где слаб внутренний принцип или стимул; там же, где он силен, он побеждает внешние условия, каковы бы они не были. Вы воспитывали такие принципы, которые не могли, по-моему, выдержать ни малейшего напора. Мне это казалось всегда очевидным, и в моих статьях я пытался показать это, но бороться с установившимися авторитетами и корифеями нам было не под силу, нас игнорировали^б, плевали на нас, клеветали и инсинуировали к публике^в, как только можно и, если хотите, нас задавили, чтобы расчистить

^а Слово «публику» вставлено сверху строки.

^б Далее зачеркнуто: «инсинуировали».

^в Слова «к публике» вставлены сверху строки.

поле для «Нови»³⁰, «Наблюдателя»³¹, «Колосьев»³² и т.п. фруктов того общества, которое Вами воспитано.

Все это я говорю не в укор Вам, а чтобы перейти к другому более важному обвинению. Я уже оговорился не один раз, что не считаю себя непогрешимым, но важно здесь сейчас вовсе не то, действительно ли Вы виноваты в теперешнем хаосе русского общества, — важно то, что Вы не давали говорить другим, не давали указывать на Ваши промахи. Вы были в течение целой эпохи царями положения и на Вас, естественно, падает ответственность за результаты. А что Вы, действительно, не давали говорить другим, — Вам лучшая иллюстрация в истории с Гл[ебом] Успенским. Личное дело Глеба Ив[ановича], т.е. Вашего приятеля, Вы поставили выше^а принципиального вопроса огромной важности, этого последнего Вы даже и не коснулись, оплевав и обругав нас, осмелившихся иметь свое мнение и слившись вполне с теми господами, которые в «Новом времени» напечатали свой протест против меня, т.е. попросту новый вид полицейского насилия, столь же голословного, столь же придирчивого к форме, к оскорблению лица, и столь же мерзкого, как всякое насилие, т.е. всякое действие авторитетом, обвинением, науськиванием, вместо доводов, опровержений и убеждения. Поричая правительственную цензуру, эти якобы либералы устраивали свою. Ведь они не могли не понимать, что в то время, когда я писал против Успенского и позволял себе «свободно» возражать Вам, Вы были героями дня, любимцами толпы, министрами положения и возражать Вам было столь же опасно, как и настоящим министрам. Вы имели за собой толпу и всякое слово против Вас и Ваших друзей казалось нарушением самого либерального кодекса, преступлением против самой истины и прогресса. Вы скажете, что Вы в этом не виноваты, — что такова всегда толпа с ее холопством.

Нет, Вы виноваты, ибо Вы сами развивали в толпе это холопство. Объясняли ли Вы своим последователям, что они должны разбирать по существу возражений, делаемых Вам, и не идти слепо за Вашим авторитетом, а сознательно добиваться истины? Объясняли ли Вы им, что нельзя смешивать дела с личными обидами литературных корифеев и из-за этих обид, иногда невольных, не видеть сущности вопроса? Нет, Вы не только никогда не разъясняли этого, Вы-то и развивали сами эти рабские инстинкты, Вы сами относились прокурорски ко всякому возражению против Вас и Ваших друзей и, не разбирая их по существу, вопияли, что это — против самих принципов восстают, против самой истины идут, сваливали нас в одну яму с Сувориным³³, Катковым³⁴, Мещерским, инсинуировали на нас к обществу, обливали презрительными эпитетами и разве при этом Вы не понимали, что при той силе, которой Вы пользовались, Вы буквально давили нас, давили «мнение», идею, а не разбирали их и не опровергали? Вы действовали авторитетом, силой своей популярности, а не доводами. Чем же это отличается от обыкновенной цензуры? А разве самое замалчивание не та же цензура? Что Вы нас замалчивали, это еще Вы можете объяснить тем, что мы казались Вам столь ничтожными, что Вы, в самом деле, не удостаивали

^а Слово «выше» вставлено сверху строки.

«заглядывать» в наши «маленькие дешевые» органы, но напр[имер], о Спенсере нельзя же сказать этого. А между тем Вы «замолчали» его последние работы («Данные науки о нравственности»³⁵ и «Развит[ие] пол[итических] уч[реждений]»). У Вас ни полслова не было об этих капитальнейших его работах. Почему? Не могли же Вы его считать ничтожным противником? Ранее Вы его разбирали и даже переводили его «Обряд[овое] уч[реждение]»³⁶. Невольный вывод является у меня: простите, что замолчали Вы эти два произведения потому, что они разбивали Ваш взгляд на Спенсера, высказанный некогда, и вот Вы поступили, как и всякая власть: «изъяли их из обращения», говоря языком циркуляров, т.е. не сообщили о них десяткам тысяч Ваших читателей, отняли у них возможность узнать о появлении этих соч[инений] на рус[ском] языке, отняли у них свободу *мыслить*, выслушав и противную сторону. А ведь это уже деспотизм, это злоупотребление той властью, которую Вас облекла публика. Я не буду приводить других примеров, чтобы доказать Вам мою мысль. Если хотите, можем об этом говорить особо; для меня важно выяснить Вам, что я видел в Вас то же, что Вы сами некогда открыли в графе Толстом, т.е. шуйцу и десницу³⁷. Ваша шуйца разрушала то, что творила десница. Вы своими действиями разрушали те принципы, которые проповедовали в теории и требовали *для себя* иа друзей Ваших от правительства.

А так как практика действует на толпу сильнее теории, да, кроме того, теорию-то Вам приходилось высказывать между строками и только для себя и своих, то Вы, по-моему, создали целую *школу*, целый *тип* (говоря точно) людей, праздно болтающих идолопоклонников либерализма, т.е. служащих не идее свободы, а генералам и корифеям либерализма; этот тип есть величайшее зло нашей несчастной эпохи: он считает себя вправе не делать для прогресса и идеи ровно ничего, жить как все, пользоваться всеми благами жизни, комфорта и эксплуатации, потому только, что считает себя достаточно святым уже за то одно, что либерально стучит себя в грудь и взывает к либеральным богам, распинаясь (на словах) за их жрецов и кардиналов.

И я должен к этому прибавить, что самая *теория* Ваша не была свободна от зерна, по-видимому, ничтожного, но которое должно было породить такой «фрукт». Зерно это состояло в том, что Вы везде и всегда отрицали самосовершенствование и глумились над всеми, кто доказывал, что невозможно улучшить форм, если гнил тот материал, из которого эти формы строят, или должны выстроиться.

Ваше глумление Вы начали с Герберта Спенсера, который в своем «Изучении социологии»³⁸ пытался установить известную самокритику, доказывая, что каждый слой общества имеет свои предрассудки и пр. Вы над ним посмеялись, заметив, что он советует людям скакать через самих себя. Таким же смехом встретили Вы ту же идею, но в другом типе, – у Достоевского. Но посмотрите, что вышло из этого. Во-1-х, Вы не заметили, что сами, разбирая Спенсера, проводите ту же мысль, доказывая, что он бессознательный буржуа. Вы сами отлично там доказываете, что «положение» отражается бессознательно на взглядах. Но, от-

^a Слово «и» вставлено сверху строки.

вергнув самокритику и самоусовершенствование, как первый шаг к улучшению и самых форм, Вы, с одной стороны, дали возможность Вашим последователям оправдывать свои личные безобразия тем, что «самоусовершенствование, мол, ерунда, надо формы переделать» и создали «праздно болтающих и умывающих руки в крови», а, с другой стороны, Вы и сами незаметно увлеклись своим положением любимца толпы и бессознательно пережили все фазы увлечения и злоупотребления властью.

Я не обвиняю Вас, ибо этот закон неизбежен, если отбросить самокритику и самоусовершенствование, как это Вы сделали: я обвиняю *во всем* этот принцип Ваш, эту основную ошибку Вашу, быть может, созданную в Вас тоже Вашим положением корифея. Но, отвергнув самокритику, Вы невольно стали скользить и ниже по наклонной плоскости и стали ненавидеть *чужую* критику, обзывая ее лаем из подворотни и пр., и пр., т.е. дошли до того, до чего доходили и папы, до *непогрешимости*. Простите за правду. Оцените хоть теперь по достоинству самую правдивость, если и найдете, что я ошибаюсь. Ошибка еще не есть ложь и клевета, а только недоразумение, ибо, если я и ошибаюсь, я ошибаюсь искренно, я глубоко убежден в том, что пишу Вам. Неужели мне убеждать Вас, поборника свободы слова, что есть огромная польза^а в открытом высказывании даже и^б *ошибочных* мнений и что на это не должно сердиться, а следует выяснить истину, если мнение ошибочно. Да, есть огромная польза, если люди положения выслушивают правду, какова бы она не была и принимают ее во внимание, от кого бы она не исходила, хотя бы от «маленьких», «дешевых» и т.д. органов. Такие органы, Николай Константинович, не «подворотни» и не «задворки», а нечто *иное*. Говоря правду Вам и Вашим друзьям, т.е. литературным корифеям, мы ни за кого не прятались, за нами не было толпы, не было внешней силы престижа, мы были неизвестны, одиноки, мы рисковали, говоря Вам правду, гораздо больше, чем рисковали Вы, проводя между строками Ваш либерализм, имевший за собой толпу с генералами и министрами заправскими, с целой интеллигентной буржуазией, с тайными и действительными статскими советниками. За нами была только вера в правду, в идеалы^в, вера в их торжество, вера далеко не сбывшаяся, ибо мы имели на себе двойную цензуру, двойной гнет, правительственный и Ваш — либеральный, действующий почти одинаковыми средствами, а народ, за который мы говорили, нас, конечно, не знал и заступиться за нас не мог, да мы и не позволили бы ему этого, если бы он знал нас в отдельных единицах своих. Я бы мог привести еще немало доводов, но боюсь, что письмо мое разрастется в целую статью. Боюсь и того, что оно все-таки не достигнет своей цели, а цель моя была: искренно высказать мой взгляд на Ваше прошлое и его ошибки, чтобы мы лучше друг друга поняли. Это письмо есть голос человека, который признает в Вас и талант, и ум, и честность, но видит, как все это было погублено одной ложкой дегтя в бочке меда и послужило не к пользе, а к вреду то-

^а Далее зачеркнуто: «даже».

^б Слова «даже и» вставлены сверху строки.

^в Далее зачеркнуто: «в».

го дела, которому Вы служили, и все это потому, что, отвергнув самокритику, самосовершенствование, Вы возложили все надежды на внешнюю перестройку общества из того же гнилого материала и сами запутались в сети этой ложной (по-моему) теории, сами подпали влиянию «положения», сами увлеклись властью, сами злоупотребили ею, заразившись чувствами монархов, которые в каждой критике видят не только личного, но и государственного врага.

Лучшее доказательство – Ваше письмо ко мне: ведь оно все есть обвинение меня в чем-то ужасном, чуть не в измене прогрессу и истине, а между тем оказывается, что я виноват лишь в том, что три раза в жизни обидел Вас лично, да и это оказывается несправедливым, ибо лично Вас я никогда не желал обижать и все дело в той ужасной личной щекотливости, которая развивается у людей, испытавших обожание кружка или подданных, и которые трепещут от негодования и гнева при малейшей непочтительности, как трепещет светская красавица, привыкшая к обожанию, когда кто-нибудь осмелится не обожать ее и даже замечать ее недостатки. От всей души желаю, желаю горячо, искренно, чтобы это письмо было принято Вами сердечно, чтобы Вы поняли, в чем дело, и не обвиняли меня в новых оскорблениях величества, чтобы для Вас спала с глаз эта ужасная повязка, создаваемая обожанием толпы некритических умов и добрых, сердечных людей, но тем не менее холопов. Я не могу принадлежать к их числу, и за это только Вы не должны считать меня врагом. Я больше друг Вам, чем они, ибо я вижу Ваши ошибки и говорю их Вам, а они их не видят. Если я даже ошибаюсь, если этих ошибок даже вовсе нет, если мой взгляд невольно пристрастен, в силу чисто личной боли и обиды, чего я, однако, не сознаю, то и в таком случае сердиться на меня Вы не должны, ибо следует любить и уважать критику честную, искреннюю, руководимую доброй целью, добрым начинанием, честной идеей. Еще раз уверяю Вас, что никакой личной обиды против Вас не чувствую, не сознаю, и мне было бы очень горько, если бы наши отношения на этом письме и покончились, не принеся более плодотворных результатов общего служения одному добру.

Оговариваюсь, что здесь я вовсе не думал изложить всех моих разногласий с Вами; это вопрос особый; я хотел указать тот корень, чисто *личный*, из которого выросли Ваши ошибки и дальнейшие разногласия наши.

С совершенным уважением,
готовый к услугам
Л. Оболенский

P.S. Извините, что не скоро ответил: был занят выпуском 7-й кн[ижки]. Аккуратно ли Вы получаете журнал?³⁹

РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 493. Л. 3–12об. Автограф.

Примечания

¹ Имеется в виду журнал «Русское богатство», который Л.Е.Оболенский издавал и редактировал с 1883 по 1891 г.

² Темкин – псевдоним Н.К.Михайловского. От лица «кающегося дворянина» Григория Темкина – главного героя художественно-публицистических очерков «Вперемежку (Фантазия, действительность, воспоминания, предсказания)» («Отечествен-

ные записки», 1876–1877), автор ведет повествование о настроениях русской демократической интеллигенции периода «хождения в народ».

³ «Московские ведомости» – старейшая русская газета, издававшаяся Московским университетом с 1756 г. и сдававшаяся в аренду различным лицам. В 1863–1887 гг. выходила под редакцией М.Н.Каткова.

⁴ «Новое время» – одна из крупнейших русских газет, выходившая в 1868–1917 гг. в Санкт-Петербурге (с 1869 г. ежедневная). Первоначально – либеральная, с переходом издания к А.С. Суворину (1876) – консервативная.

⁵ *Спенсер Герберт* (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма и органической школы в социологии; идеолог либерализма. Главный труд – «Система синтетической философии» (1862–1896).

⁶ *Успенский Глеб Иванович* (1843–1902) – писатель народнического направления, один из главных представителей «мужицкой беллетристики» 70–80-х гг. XIX в.

⁷ «Отечественные записки» – литературно-политический журнал демократического направления, выходивший в 1839–1884 гг. в Санкт-Петербурге. До 1868 г. издавался А.А.Краевским, затем перешел в руки Н.А.Некрасова, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Г.З.Елисеева. После смерти Некрасова (1877) в редакцию вошел Н.К.Михайловский.

⁸ Оболенский Л. Искусство и тенденциозность. Опыт научной постановки воззрения на искусство // Русское богатство. 1883. № 5/6. С. 561.

⁹ Л.Е.Оболенский неоднократно обращался к Л.Н.Толстому с просьбой дать в «Русское богатство» какое-нибудь свое произведение, чтобы поднять репутацию журнала с самым близким к писателю направлением. Первая статья Толстого для «Русского богатства» («Жизнь в городе») была опубликована в марте – апреле 1885 г.

¹⁰ *Мещерский Владимир Петрович* (1839–1914) – публицист, князь. Основал и издавал консервативно-монархическую газету-журнал «Гражданин».

¹¹ *Щедрин Н.* – псевдоним *Салтыкова Михаила Евграфовича* (1826–1889), писателя-сатирика, публициста, одного из редакторов «Отечественных записок».

¹² Статью «Жестокий талант» Н.К.Михайловский поместил в «Отечественных записках» в 1882 г. (№ 9–10).

¹³ Отзыв на роман Л.Е.Оболенского «Запросы жизни» (СПб., 1881) был опубликован в октябрьском номере журнала «Отечественные записки» за 1881 г.

¹⁴ Л.Е.Оболенский ошибается. Рубрику «Новые книги» в «Отечественных записках», где печатались отзывы на его художественные произведения, вел А.М.Скабичевский.

¹⁵ *Щебальский Петр Карлович* (1810–1886) – историк и публицист, постоянный сотрудник катковского «Русского вестника». Критике творчества М.Е.Салтыкова-Щедрина посвящена его статья «Письма к тетеньке г. Щедрина» (Русский вестник. 1882. № 8).

¹⁶ В статье «Обо всем (литературные заметки)» (Мысль. 1882. № 10–11) Л.Е.Оболенский пишет: «Но мы вспоминаем, что в какой-то статье г. Михайловский пустил в обращение очень странное оправдание себе за свои нападки на Достоевского; он оправдывается тем, что Катков и его заплечные критики не шадят писателей либерального лагеря». Возможно, Оболенский имеет в виду «Записки современника» Н.К.Михайловского (Отечественные записки. 1882. № 6), посвященные критике П.К.Щебальского.

¹⁷ Созерцатель [Оболенский Л.Е.]. Муза Тургенева и муза Достоевского // Русское богатство. 1884. № 9. С. 541.

¹⁸ Яго и Фальстаф – герои пьес великого английского поэта и драматурга Вильяма Шекспира (1564–1616) «Отелло» (ок. 1604) и «Генрих IV» (1597).

¹⁹ Имеются в виду чтения в Русском географическом обществе в октябре 1882 г. известного путешественника Н.Н.Миклухо-Маклая (1846–1888) о его поездках в Новую Гвинею. Текст 1-го чтения был опубликован в газете «Голос» (1882. № 269).

²⁰ Л.Е.Оболенский цитирует с незначительными изменениями отрывок из своей статьи «Обо всем» (См. примеч. 16).

²¹ «Русский вестник» – политический и литературный журнал, издаваемый с 1856 г. в Москве М.Н.Катковым. С 1862 по 1887 г. – рупор консервативных кругов.

²² Отзыв на роман Л.Е.Оболенского «Запросы жизни» заканчивается фразой: «Ах, эти метафизики с дистиллированной водой в жилах!» (См. примеч. 13).

²³ Статья Н.К.Михайловского («Письмо в редакцию»), на которую Л.Е.Оболенский ссылается в примечании к своему письму, была опубликована в № 12 «Отечественных записок» за 1883 г.

²⁴ «Литературной подворотней» «Русское богатство» Л.Е.Оболенского назвал Н.К.Михайловский в статье о Г.И. Успенском (см. примеч. 23).

²⁵ Большинство нелестных выражений в адрес Л.Е.Оболенского содержалось в отзыве на изданный им в 1883 г. сборник повестей и рассказов «Жаждающие света» (Отечественные записки. 1883. № 12. С. 245–249).

²⁶ Красовский М.И. [Оболенский Л.Е.]. Мимоза. Повесть в трех письмах // Русское богатство. 1883. № 5/6. С. 245.

²⁷ Речь идет об очерке Г.И.Успенского «Из путевых заметок» в журнале «Отечественные записки», май 1883 г. Л.Оболенский откликнулся на него статьей «До чего договорился Гл.Успенский (Критическая заметка)» (Русское богатство. 1883. № 7. С. 167–182). Эта критика Успенского за слишком мрачное изображение им народной жизни приобрела скандальную известность и вызвала разрыв ряда литераторов с «Русским богатством».

²⁸ *Сибиряков Иннокентий Михайлович* (1860–1901) – крупный золотопромышленник, меценат. В 1886 г. он приобрел право собственности на все сочинения Г.И.Успенского, написанные до августа этого года, что позволило писателю выгнать из «непрестанных» долгов.

²⁹ Смысл фразы «воспи[ты]вающих на диванах Бореля» не совсем ясен. Л.Е.Оболенский в статье о Г.И.Успенском (см. примеч. 27) упоминает о литераторах с «грубой лакейской физиономией», хвастающихся своей мнимой образованностью, «нахватанной в аудиториях Бореля, Доминика и пр.». Возможно, имеется в виду Петрюс Борель (Borel) (1809–1859) – французский писатель, автор сборника новел «Шампавер. Безнравственные рассказы» (1833), рисующих в самых ярких красках испорченные нравы буржуазной цивилизации. Главный вывод книги: нравы и мораль цивилизованной нации мало чем отличаются от морали и нравов дикарей.

³⁰ «Новь» – иллюстрированный журнал, издававшийся в 1884–1898 гг. в Санкт-Петербурге А.М.Вольфом.

³¹ «Наблюдатель» (1882–1894) – литературно-политический журнал. Издатель-редактор А.П.Пятковский (Санкт-Петербург).

³² «Колосья» – научно-литературный журнал. Выходил в Санкт-Петербурге в 1884–1893 гг. под редакцией И.А.Баталина.

³³ *Суворин Алексей Сергеевич* (1834–1912) – журналист, писатель, публицист. Издавал в Санкт-Петербурге газету «Новое время».

³⁴ *Катков Михаил Никифорович* (1818–1887) – публицист консервативного направления, издатель-редактор журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости».

³⁵ Спенсер Г. Данные науки о нравственности // Мысль. 1880. № 3–10.

³⁶ Очевидно, речь идет о сочинении Г.Спенсера «Обрядовое правительство», русский перевод которого был опубликован в «Отечественных записках» в 1877–1878 гг.

³⁷ Имеется в виду статья Н.К.Михайловского «Десница и шуйца Льва Толстого» (Отечественные записки. 1875. № 5–7).

³⁸ Н.К.Михайловский посвятил разбору «Изучения социологии» Г.Спенсера специальную статью в «Записках профана» (Отечественные записки. 1875. № 2).

³⁹ Речь идет о журнале «Русское богатство».

«РАННЕЕ ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО БЛИЗКО С НАШИМ, БЛАГОДАРЯ ОБЩЕМУ ВИЗАНТИЙСКОМУ ИСТОЧНИКУ»

Письма Н.В.Султанова графу С.Д.Шереметеву.
1887–1891 гг.

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в фонде графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844–1918), хранится около 300 писем его «личного архитектора» Николая Владимировича Султанова (1850–1908), выполнявшего ремонтные и реставрационные работы в шереметевских домах и усадьбах, в том числе в Михайловском, Останкине, Кусково, на Фонтанке, на Воздвиженке, в Странноприимном доме, в семейном склепе Шереметевых в московском Новоспасском монастыре. Н.В.Султанов – профессор истории архитектуры, член редколлегии журнала «Зодчий» с 1881 г., один из основоположников «русского стиля» эпохи Александра III, член Академии художеств, Московского археологического общества, Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, читал лекционные курсы о древнерусском искусстве в Петербургском археологическом институте. Кроме того, Н.В.Султанов – активный участник императорского Общества любителей древней письменности (председателем которого являлся С.Д.Шереметев), неоднократно ездил в командировки с научно-техническими целями по России и Европе. Помимо деловых отношений, Шереметева и Султанова связывала истинная дружба и общность взглядов на многое. Приближенный ко двору, граф Шереметев в какой-то степени ввел и Султанова в близкий правительству круг, помогал ему получать заказы, рекомендовал на должность директора Института гражданских инженеров (с 1895 г.), председателя Техничко-строительного комитета (с 1903 г.). Эти и многие другие вопросы нашли отражение в их переписке.

В настоящую публикацию включены два письма, ярко излагающие впечатления Султанова от его знакомства с «Европой».

Документы публикуются по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей оригиналов. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Авторские подчеркивания выделены курсивом.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук Л.И.ШОХИН.

№ 1

Рим

15/27 января 1887 г.

Милостивый государь граф Сергей Димитриевич!

Перед моим отъездом за границу Вы мне сказали на прощанье: «Вспомните меня, когда будете в Сан-Марко». Я принимаю эти слова за позволение написать Вашему Сиятельству с дороги «неделовое» письмо, и теперь решаюсь воспользоваться, может, воображаемым разрешением. Простите, если ошибся.

Начну с Вены, где я положительно преклоняюсь пред Св[ятым] Стефаном. Что за царь архитектуры! Новые пятиэтажные дома нахально лезут ему под самые ноги, но куда им до этого великана: взойдешь на башню, посмотришь вниз, и они где-то далеко, далеко ершатся там своими вычурными гребнями.

Но как ни хорош Св. Стефан, Сан-Марко еще лучше. Это удивительный памятник не только восточной церковной архитектуры, но и всего зодчества вообще. Византия положила ему основу, готика изукрасила его своею резьбою, Возрождение разубрало своими мозаиками, а всемогущее время сроднило и слило в одно целое все эти разнородные части. Какое удивительное величие и спокойствие царит внутри: там только начинаешь вполне понимать Византию и вместе с тем смысл знаменитого изречения: «Узнав веру греков, не хотим иной»...¹.

Я изучил Сан-Марко очень подробно, и этот подробный осмотр, к несчастью, несколько портит общее впечатление. Особенно разногласят с суровыми византийскими ликами полные жизни и колорита мозаики итальянских мастеров. Это какое-то пение Патти² в Успенском соборе³.

Равенна – бывшая столица Теодориха⁴ и ... лорда Байрона⁵ – теперь захудалый итальянский городишка, где нет даже извозчиков. Зато в древностях я просто купался. XVII и XVI век там считается модно^а; *veschio*^б только то, что относится к V или IV веку. Для истории древне-христианского искусства Равенна – неисчерпаемый источник. Я купил фотографии *всех* древних мозаик (215 шт.). По ним можно будет сделать очень обстоятельное сообщение в О[бщест]ве^б.

Пиза – сама окаменелая скука. Тоскливые места я не видывал: Угличчи⁷ веселее. Пресловутая наклонная башня – верх архитектурного безобразия. Когда всходишь на нее – шатает, как в море во время качки; а когда снизу смотришь, думаешь: «Господи, хоть бы поскорее упала». Правду пишет Ковалевский⁸: «Тяжело смотреть, как томится каменный страдалец». Но собор удивительно хорош. Это, по моему мнению, самый яркий проблеск ломбардского искусства.

Флоренция – чудный город. Днем на солнце 20-го января 20° тепла! Искусства столько, что можно с ума сойти. Одна восьмиугольная зала в «Уффици» с Венерою Медицейской и полотнами величайших гениев Возрождения стоит всего нашего Эрмитажа. Про архитектуру и говорить нечего – целый подбор памятников, один величавее другого!

^а Современность (итал.).

^б Древность (итал.).

Со вчерашнего дня я в Риме. Осмотрел его «начерно» и чувствую себя совершенно подавленным Колизеем и Св. Петром. Таких исполинов я не ожидал...

Но, насколько Италия велика в своем прошлом, настолько же она ничтожна в настоящем. Она выговорилась до конца, и ей уж нечего больше сказать. Объединение — это последний вздох умершего величия⁹. В ее полях так тесно, что буквально каждый вершок земли обнесен каменным забором; в ее обиталищах нет и следа античной красоты: она уцелела только на полотнах Веронезе¹⁰ и Тициана¹¹; ее военные — сущие оловянные солдатики; на ее сценах дают французские пьесы из русской жизни в итальянском переводе («Fedora»); в ее столичной национальной опере поют французы (Девойод)¹²; ее скульптура — подражание французским образцам времен Второй империи¹³; ее архитектура — бледное, обмелевшее отражение великих созданий Возрождения ...; ее главная торговля — торговля костями предков: ее родовая знать спешит продать свои исторические сады и виллы под новые «общевропейские» кварталы «нового» Рима, а сама страна питается подачками иностранцев, алчно собираемыми под видом пошлины за созерцание художественных красот великого прошлого.

Нет, не Италия и не Европа скажет новое слово в искусстве: все новые европейские города по-прежнему драпируются в затасканные обноски Возрождения, а художественных образчиков «имеющего народиться» нового «железного» стиля что-то не видно...

От всей этой рассужденной ремесленности, тесноты и скарденности мысль невольно переносится домой, на бесконечный простор, в нашу щедрую и безысходную бедность, к нашим простодушным художественным памятникам. И как ни первобытны и ни малы кажутся сравнительно с разными великанами искусства, вроде Св. Петра и Св. Стефана, наши Останкинские церкви и Рождества-Путинки, но я искренно верую, что они именно будут тем зерном, горчичным, из которого вырастет у нас *свое, новое* искусство. Разве великое итальянское Возрождение шло не тем же путем? Эту веру я и прежде исповедывал, а теперь «заграница» еще больше меня в ней укрепила.

Простите, что так расписался, но я сам сто раз видал, с какою любовью Вы осматривали нашу старину, и помню, как Вы говорили о Сан-Марко!

С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности имею честь быть Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга

Н. Султанов

P.S. В Венеции я заходил, по поручению Вашего Сиятельства, к Унгани и передал ему два самых подробных адреса: Ваш и О[общест]ва Л.Д.П. Он обещал высылать выпуски, как Вы желали. Если Вам угодно будет поручить мне еще, что-нибудь, — благоволите адресовать так: Rome, Nftel «Della Minegva». Думаю пробыть здесь до 29-го и к 3-му—4-му вернуться в Петербург.

РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1660. Л. 31–34 об. Автограф.

№ 2

Пиаченца

8/21 января 1891 г., среда

Конфиденциально

«Пиаченца – есть и такой город на свете, и город преимущественно военный: крепость, а потому преобладают гг. офицеры»

Милостивый государь граф Сергей Димитриевич!

Вот уже три дня, как я нахожусь во владениях короля «Умберто»¹⁴, и сегодня в первый же свободный вечер спешу воспользоваться любезным разрешением Вашего Сиятельства – «написать Вам что-нибудь из Италии».

Первый город, куда я приехал из Ниццы, где был, конечно, только проездом, была Генуя. La Superba^a, вполне согласно своему прозвищу, приняла меня гордо и неприветливо. Небо серое, море свинцовое, холодно, ветрено, в узких темных переулочках лежит грязный лед. Город расположен амфитеатром по вогнутому берегу; дома расставлены в страшном беспорядке: точно кто-нибудь их нес в мешке по небу, мешок прорвался, и они попадали, как попало. Пошел бродить по городу. Есть две-три «широкие» улицы (шириною, впрочем, *не более* проезда с Вашего Фонтанного двора на Литейный)¹⁵, а все остальное – целый лабиринт тупичков и переулочков, в виде узких коридоров, которые идут и в гору, и под гору и нередко превращены в лестницы. Генуя – город очень грязный и, если покрыта не «пылью веков», то во всяком случае – «грязью времени». О былом величии нет и помину. Правда, есть целые улицы с «палаццо», но на что похожи все эти палаццо? Грязь, копоть, почернелый мрамор, клеевая охра вместо фресок и аукцион старой мебели в роскошных некогда вестибюлях! Но и среди всеобщего упадка прошлое нет, нет, да и скажет громко о себе: то вдруг предстанет пред глазами изумленного путника какой-нибудь дивный портал, или мелькнет среди облупившейся штукатурки прекрасное голое плечо и поэтическая женская головка кисти какого-нибудь Камбиазо. И куда подевались все эти Дориа¹⁶, Бальби¹⁷, Дураццо и прочие создатели генуэзской славы? Мелкий буржуа надел шляпу-котелок и цилиндр и съел старую Европу. Это мне приходилось наблюдать во всех городах, где я только был, начиная с Вены и Берлина и кончая Римом и Парижем. Точно также и Генуя – город удивительно демократичный: на улицах кишмя-кишит толпа, но все это народ средней руки, все «пешеходы», фиакры существуют только для иностранцев, и лишь изредка плавно и медленно прокатится «собственная» *четырёхместная* карета в *одну* лошаадь, из которой выглянет утомленное и сильно набеленное лицо какой-нибудь «принчинессы».

Все генуэзские дворцы особенно щеголяют своими колончатými дворами и широкими мраморными лестницами, обусловленными гори-

^a Гордая (итал.).

стой местностью города. Наиболее красивые — Университет и Дума (Муничипио) — бывший Дариа-Турси. В муниципии, в «зале совета», я видел несколько интересных вещей: скрипку Паганини¹⁸, большие мозаичные портреты Колумба¹⁹ и почти нашего земляка — Марко-Поло²⁰ и два *подлинных* письма Колумба. Очень хотелось мне достать фотографию с портрета Марко-Поло, — всю Геную обегал и все напрасно: никто не снимал. Что же касается до писем, то два снимка прилагаю: один, если позволите, Ваше Сиятельство, для Вас, а другой — для Общества. Почерк напоминает несколько наше письмо XVII века; любопытно, что в одной подписи Колумб заменил греческое окончание «фор» — латинским и подписался «хро-ferenz», что, конечно, то же самое, потому что «ferens» значит «носящий».

После осмотра главных зданий я поехал на другой день по набережной, которая идет по карнизу скалы, идет все выше и выше и взбирается, наконец, на невообразимую круть: это самое красивое место в Генуе. С одной стороны весь город, залитый ярким солнцем, как на ладони, а с другой стороны необъятная даль чудного синего моря. Место это любопытно еще в другом отношении: Генуя — крепость, но г[оспода] итальянцы, по-видимому, и не думают делать из нее тайны; здесь расположена очень сильная батарея, и кольчатые, крупновские орудия грозно смотрят в море, а под самым дулом у них проходят пешеходы и проезжают извозчики. Словом, у нас получилось бы нечто подобное, если бы поставить батарею [на] месте Зимнего или Мраморного дворца. Просто — невероятно!

В Италию я попал так поздно, потому что ехал кружным путем — на Берлин, Кельн, Париж и Ниццу.

Берлин на меня произвел самое невыгодное впечатление. Это какая-то ворона в павлиньих перьях. И никогда не быть ему «veltstadt'om»^a, что бы ни делали пруссаки: поставь они хоть по два конных жандарма у каждой тумбы, а все же берлинская архитектура, с памятником «Победы» включительно²¹, громко каркнет об себе и укажет Берлину его «шесток». Но зато музеи вполне вознаградили меня за неприятные внешние впечатления. Некоторые, напр[имер], музей «Прикладного искусства», устроены удивительно умно, а Пергамские мраморы меня просто запленили — так они хороши.

В Кельне видел в первый раз в жизни Рейн, который, впрочем, замерз; разумеется, собор и несколько очень замечательных церквей XI—XII века превосходной прирейнской, романской архитектуры. В Кельне и в Париже достал массу превосходнейших фотографий, — со временем можно будет сделать в Обществе доклад об «готической» архитектуре.

Целых две недели прожил я на содомских столпах современного Вавилона, и хотя я знаю, что *Вы* не особенно любите Париж, тем не менее решаюсь написать Вам о нем несколько слов, потому что я вращался там преимущественно в научных кружках, жизнью которых *Вы* всегда интересуетесь. Вот эти *откровенные* заметки, которые я хочу на-

^a Мировой город (нем.).

бросать теперь, вынудили меня поставить в начале моего письма канцелярскую пометку – «конфиденциально».

«Начну с начала». На Московском археологическом съезде²², в том заседании, когда я делал доклад, был почетным председателем депутат французского Министерства народного просвещения и «Национального общества антиквариетов Франции» барон де Бай. Мы познакомились, обменялись трудами, и изредка стали переписываться. Перед отъездом в Париж я написал ему, что намереваюсь сделать доклад в Парижском обществе архитекторов. Он прислал мне очень любезный ответ, где просил сделать также доклад «aux antiquaires»^a и непременно дать ему знать, когда приеду. Конечно, я не преминул воспользоваться этим приглашением и могу только этому порадоваться. Дом его оказался уголком Сен-Жерменского предместья, и я имел возможность увидеть замкнутую жизнь французской аристократии, куда простому смертному, да еще иностранцу, попасть весьма трудно. С бароном мы очень сошлись. Он очень милый молодой человек, страстно преданный науке. Баронесса – тип «будирующей» французской аристократки. Барон еще бывает «официально» на приемах у Карно²³, но она – ни за что, хотя сознается, что *пока* их дело проиграно во Франции, тем не менее страстная монархистка в душе (что мне, впрочем, очень нравится); весь стол в ее «салоне» заставлен photographиями коронованных особ и принцев крови с *собственноручными* подписями, начиная со шведской королевы и кончая великим князем Сергеем Александровичем²⁴. Об нашем Государе²⁵ и русском дворе говорят не иначе, как с благоговением. Барон страшный русофил: нажаривает у себя дом чуть не до 40° R, потому что это так делают «в России»; говорит, что он там пил прекрасный *черный* напиток «кваст», и гордится тем, что носил в Москве «valénki». Зимой они живут в своем прекрасном отеле на avenue de la Grande артеэ, около Елисейских полей, а летом – в собственном замке XIV века в Шампани. Бароны не Бай участвовали еще в крестовых походах. Меня они обласкали страшно; баронесса непременно пожелала познакомиться с моей женой; была у нас несколько раз; затем мы бывали у них и, между прочим, два раза вечером – запросто: они в трауре и потому приемов не делают. Вот этот-то барон де Бай (de Baye) и был моим *Виргилием* в научных безднах города Парижа.

Первое ученое общество, в которое я попал и где я сделал мой первый доклад, было «Société Nationale des Antiquaires de France», – т.е. по-нашему «археологическое» общество. Оно считается *первым* ученым учреждением после Французской Академии и представляет собою нечто вроде «английского клуба» в научном мире: число членов ограничено, попасть туда очень трудно, большинство его членов вместе с тем члены Фр[анцузского] Института, и членство в нем составляет почти необходимую ступень, чтобы баллотироваться в члены Института. Заседания его закрытые, и посторонние лица допускаются не иначе, как по рекомендации *двоих* членов. Меня представляли О[бществ]у де Бай и член

^a У антиквариетов (франц.).

Фр[анцузского] Института М^еr Barthelmy²⁶, с которым я познакомился на вечеру у де Баев. Заседание было назначено в 4-ре, но мы с бароном приехали несколько раньше, чтобы я успел развесить мои материалы. Общество помещается в Лувре, в самом верхнем этаже, уж мы лезли, лезли, все наверх, наверх; потом попали в какой[-то] узкий коридор, откуда перешли на балкон, который шел по внутреннему карнизу одной из зал картинной галереи Лувра, затем опять вошли в коридор, в конце которого попали, наконец, в помещение Общества. Длинная, высокая, большая полухолодная зала, освещенная одним большим окном в глубокой амбразуре. Пол каменный. По стенам — простые крашенные шкафы с книгами. Посредине — длинный и страшно широкий стол. На узком конце — спиной к окну — место председателя, направо от него — секретарь, а дальше — место докладчика. Было еще очень рано, а потому совершенно пусто. Только юлил какой-то очень любезный старичок, который не преминул извиниться передо мной за неприветливость помещения и объявил мне, что они тут не «хозяева», а только «терпимые». Мне вспомнились наши общества (Археологическое, Географическое и др.), которые тоже своего угла не имеют и тоже «терпимые». Везде одно и то же!

Я стал развешивать свои материалы и расположил их четырьмя группами: памятники Киева, Новгорода, Владимира и Москвы; кроме того, разложил по столу целый ворох рисунков, чертежей и фотографий. Предметом моего доклада была *характеристика памятников древнерусского зодчества и его самостоятельность*. Признаюсь, когда я задумал сделать в Париже такой доклад, я ожидал встретить то же презрительное отношение к нашему искусству, какое мы видим в немецкой науке, напр[имер], у Куглера²⁷, Любке²⁸ и Шнаазе²⁹; или, в лучшем случае, недоверие и сомнение. И потому приготовился к бою не на живот, а на смерть: в качестве военных припасов мною были взяты с собой за границу две больших папки разных рисунков, одна папка больших фотографий и четыре папки наиболее характерных фотографий Барщевско-го³⁰. Между тем стали набираться члены. Собрание вышло очень многолюдное, так [как] выбывал старый президент и вступал новый, и это было первое заседание 91 года. Меня представляли многим членам; прием был хотя и любезный, но довольно сдержанный. Члены большею частью очень пожилые люди, есть немало представителей католического духовенства. Большинство молча, но внимательно осматривало мою выставку.

Началось заседание. Старый президент, М^еr Morsat — président sortant^a — толстый, бритый старик с седыми усами, стал монотонно читать длиннейший и скучнейший отчет за истекший год. Члены слушали нехотя: одни бродили по зале, другие так громко разговаривали, что некоторые из наиболее авторитетных членов изредка громко стучали по столу, чтобы их унять. Наконец, президент дочитал доклад, рассыпался в любезностях своему преемнику, довольно театрально взял его за руку

^a Уходящий президент (франц.).

и посадил на свое место. Раздались жиденькие и недружные аплодисменты. Новый президент – *président entrant*^a – архитектор-археолог Согроуег, который недавно напечатал очень интересную книжку по романской архитектуре, высокий плотный мужчина лет 50-ти, с коротко подстриженной бородой, умело, хотя и небрежно сказал коротенькую речь – похлопали немного подружнее. Межь тем смеркалось. Подали несколько парных подсвечников, которые слабо освещали залу. Следовало чтение официального отчета – секретарем, но члены попросили сообщить им только главнейшие факты. Затем председатель представил меня в двух словах Обществу и предложил начинать.

Признаюсь, у меня сердце екнуло – холодная, плохо освещенная зала, множество незнакомых лиц и, наконец, крайне невнимательное отношение членов ко всему предыдущему, – все это вместе взятое предвещало мало хорошего, и я с отчаянием купальщика, бросающегося в холодную воду, громким голосом начал мой доклад. Разговоры стихли, стали прислушиваться с некоторым любопытством. Потом вдруг, в самом начале доклада, за одну удачно сказанную фразу, громко и дружно зааплодировали. Лед взломало, и между мной и моей аудиторией установилась та неуловимая внутренняя связь, без которой немислимо говорить с собранием; я докончил мой доклад так же спокойно, как будто я делал его в нашем милом Обществе, где я знаю всех и вся. По окончании – аплодировали много и долго. Председатель в самых лестных выражениях благодарил меня и предложил мне Монфоконовскую медаль-жетон в память моего доклада³¹, а Общество тут же постановило напечатать мой доклад в своих трудах с *пояснительными* таблицами. Как только выйдет в свет, буду иметь честь поднести отдельный оттиск Вам, Ваше Сиятельство.

После доклада я заметил совсем другое отношение к себе: многие из членов стали сами знакомиться. И между прочим знаменитый Шлюмбергер или «Шлюмберже», как его называют французы, аббат Duchesne³² (французский Росси³³), М^сr Guillaume – архитектор Лувра и другие. Этот доклад мне очень помог в Париже: меня стали пускать в музеи в дни, закрытые для публики, и в некоторых из них сами «консерваторы» показывали мне свои отделения.

Затем я был в заседании французского Института, в «Academie des Inscriptions et Belles – Lettres». Институт помещается на набережной Сены, во дворце Мазарини, к нему ведет особый мост, шириною как проездной, но *исключительно* пешеходный, потому что он спускается на набережную лестницей. Над залой торжественных заседаний – купол, как на Казанском соборе. Зала обычных заседаний – во дворе, во 2-м этаже. Это – длинный, узкий покой в два света, высотой с Вашу белую гостинную в Михайловском; нижнего ряда окон нет, один только верхний; кроме того, в потолке длинный просвет. Столы, очень узкие, расположены очень умно, вот так: 1) секретарь, 2) председатель, 3) вице-председатель, 4) докладчик. Члены сидят только с одной стороны стола,

^a Входящий президент (франц.).

как показано точками; тем не менее может без всякой тесноты поместиться очень много народу, а благодаря проходам толкотни никакой. По стенам — места для публики. Зала вся, снизу до подоконников верхних окон, отделана дубом; вся отделка разделена пилястрами на отдельные панно, в которых размещены в нишах и на выступах консолях статуи (в натуральную величину) и бюсты великих людей Франции. Так, напр[имер], над председателем — Корнель³⁴, а напротив — Мольер³⁵. Мебель — зеленая бархатная с золотыми гвоздиками. В общем, зала, несмотря на всю простоту, не лишена величественности и производит прекрасное впечатление. Назначено было пять сообщений, но состоялось, за недостатком времени, всего одно.

Болонья

13-го янв[аря] 1891^a

Сначала очень долго тянулась баллотировка. Потом члены «представляли» поднесенные Институту книги и говорили о них свои сообщения. Наконец, начался доклад. Читал M^г Dastery — об одной древней церкви — Св. Мартына в Туре. Доклад был собственно продолжением чтения предыдущего заседания и имел полемический характер; референт хотел доказать, что первоначальная церковь была деревянная, что кто-то отрицал. Чтение не заинтересовало собрания, потому что многие стали расходиться, к концу заседания из 40—50-ти человек осталось человек 10—15. Меня самого занимало не столько чтение, сколько рассмотрение разных светил французской науки. Председательствовал Опперт³⁶. Это — тип французского «академика», который мы видим на карикатурах и в Михайловском театре. Седой, как лунь, волосы носит длинные, растопыренные внизу, от чего голова принимает форму абжура; ведет заседание нетерпеливо, с видом человека, который все это знает и которому все надоело; голову держит набок (на плане № 2). На лево от него, в углу двух столов (на плане № 5), грузно навалившись на них всем телом, сидел Ренан³⁷, «сам великий Ренан!» Он ушел в начале заседания, потому что у него была какая-то лекция. Прическу носит академическую «абажуром», как и Опперт. Седой, толстый, платье носит очень просторное; ходит, широко расставляя ноги и сильно переваливаясь с боку на бок. Фигура — ни дать, ни взять, как у Апухтина³⁸. Немного поодаль за ним сидел аббат *Дюшен*. Ренан и аббат — почти рядом! Курьезно! Впрочем, наука всех сближает. Остальных пропускаю, тем более, что было очень много. Во время перерыва Дюшен, Бартелями и другие из «*antiquaires*» встретили меня очень дружелюбно, как старого знакомого. Затем меня познакомили с Вильфоссом и Масперо³⁹. Вильфосс — хранитель Лувра и лучший знаток древнегреческой скульптуры. Он тотчас предложил мне служить проводником по своему отделению. И действительно, когда мы с ним ходили, я выслушал целую

^a В Пьяченце было 2 часа ночи, когда я окончил предыдущий лист этого письма; затем осмотрел Парму, Модену и Болонью; и теперь, через три дня, опять продолжаю (Примеч. автора).

интереснейшую лекцию. С Масперо я заговорил об его «Истории Агеман» и об *египетских сводах*, которые он *первый* очень недавно опубликовал. Он, по-видимому, очень этому обрадовался и тотчас же набросал мне пером найденный им и теперь разрушенный свод в Египте. Я попросил его подписать, чтобы иметь его «автограф». Он был очень польщен. Разошлись все часов около 6-ти.

Третье О[бщест]во, где я был и вместе с тем тоже сделал доклад, было «Société Nationale des Architectes des France». Тут мне было докладывать гораздо легче: во 1-х, я уже лет 7–8 состою членом-корреспондентом О[бщества]; во 2-х, я предварительно познакомился с «Советом» Об[щества]; и, наконец, в-3-х, многие из членов из газет узнали, что мой доклад «aux antiquaires» имел большой успех. Тем не менее пришлось выдержать целый искус, благодаря тому, что французы страшные охотники до всякой театральности. Меня «представлял» О[бщест]ву М^еr Fernanx – вице-президент. Ферни – тип разжиревшего, оборотистого буржуа, очень умный человек, самоуверенный краснобай, он большой русофил: выстроил около русской церкви три новые улицы (столько у него было практики) и окрестил их именем улиц «de la Neva», «de Pierre le Grand» и «de St.-Petersburg». Он предварительно выспросил у меня, где я кончил курс, у кого был помощником, что строил, где служу и в каких обществах состою членом. При «представлении» изложил все это очень пышно, но только страшно переврал слова: Останкино, Серебряков⁴⁰ и Михайловское. Вашу же фамилию отлично отчеканил. После это[го] президент сказал мне несколько любезностей и просил начать. Доклад имел характер дружеской беседы: часто прерывали вопросами и спрашивали разъяснений. По окончании – много аплодировали. Затем постановили: напечатать мой доклад в извлечении (так как целиком он уже был мною обещан), и отправить ко мне благодарственную депутацию из председателя, вице-председателя и редактора, чтобы вручить мне медаль с моим именем. Вам, Ваше Сиятельство, вероятно, приходит по этому поводу на ум та депутация «из Испании», которую ждал гоголевский философ Поприщин⁴¹, но нет, даю Вам слово, что пишу «в полном уме и твердой памяти»: депутация у меня действительно была в Париже в среду 2/14 января; в доказательство привезу в Петербург полученную мною медаль.

За город я почти не ездил. Был только в Версале и Сен-Жерменском музее. Версаль мне ужасно не понравился: это воплощенная скука. Большой дворец – огромная, холодная, пустынная и рассусаленная могила накрахмаленного «Короля-Солнца»⁴². Все стены увешаны картинами из истории Франции. И что за великий народ, подумаешь, эти французы: везде они побеждают, везде-то они бьют и милость подают! Но странно, среди всех этих событий из истории Франции я что-то не заметил ни Росбаха⁴³, ни Березины⁴⁴, ни Ватерлоо⁴⁵, ни Седана⁴⁶, а ведь, кажется, они имеют некоторое отношение к французской истории? А уж до чего они любят всякие эффекты. – Господи помилуй! – Уж если написан герой, так уж подлинно герой: хвост у коня – в одну сторону, грива – в другую, рука всадника со шпагой – в третью, а

клубы его плаща сливаются [с] тучами небосклона! Если же нужно изобразить, в силу неумолимой исторической последовательности, какого-нибудь мешковатого короля времен «Реставрации», то они напустят ему такую «печатать мысли на челе», так раскарячат ноги и вывернут руки, что незначай невольно примешь его за великого человека! Нет, куда мы, русские, проще и правдивее их!

Ошеломленный всей этой трескучей фальшью, я вышел из дворца на площадь и сразу же наткнулся на совершенно противоположную действительность: там было пехотное ученье и выводка кавалерийских лошадей. Народ все мелкий, дрянненький — настоящие оловянные солдатики; построения делают вприпрыжку с каким-то водевильным оттенком. Лошади кавалерийские очень неважные, толстоногие, мохнатые — это какие-то плохие ломовики, а не верховые кони. Изредка заметна подмесь английской крови, да и то только у офицерских лошадей. Трудно предположить лихость у такой кавалерии. Не понравились мне французские войска! Хоть бы генерала Дитятина им послать: он бы их подтянул⁴⁷.

Затем видел оба Трианона. Большой — длинное однообразное здание; солдатский дух Наполеона выкурил из него все воспоминания о тонкогубой ханже Ментенонше⁴⁸, Малый Трианон — прелестная игрушка в чистейшем Louis XVI⁴⁹. Он весь дышит воспоминаниями об несчастной царственной чете! По стилю он во многом напомнил мне Кусково. В Версале я купил несколько прелестных иллюстрированных гидов и теперь вполне понимаю, что Вы хотели издать по Кускову: у нас *ничего* подобного нет!

В Сен-Жерменском музее великолепная коллекция доисторической, галльской и римской эпохи. Оказывается, прелюбопытна история: так называемые «меровингские вещи» (золото с гранатами и с инкрустациями из красного стекла) совершенно сходны с такими же вещами, находимыми в курганах Южной России и Кавказа. Отсюда можно заключить, что это вещи не «меровингские» а «готские», и что готы их разнесли по Европе. К этому же, по-видимому, склоняются Кондаков⁵⁰ и Толстой⁵¹ в своем III выпуске⁵².

В Парижской Национальной библиотеке я разыскал изображение славянского идола Святовиды, который был свержен в X веке, при князе Мечиславе, в реку и извлечен оттуда лет 30–40 тому назад. Кальку прилагаю: может быть, кто-нибудь из членов О[бщест]ва пожелает взглянуть.

Но я не все по ученым обществам и музеям ходил: был и в маскераде Новой Оперы — гадость и цинизм невероятные! Ни красоты, ни изящества! В залах отплясывают наемные танцоры в костюмах из табачной лавочки; в коридорах — писк, визг, гвалт, толкотня хуже, чем у нас «на вербах». Если маска идет с мужчиной — не трогают; но если маска идет одна или две маски вдвоем — встречные мужчины лезут к ним за лиф и в прочие места, как в свой собственный карман^a; те обороняются

^a Николай Платонович, где Вы? (Примеч. автора)⁵³.

и щедро раздают направо и налево шлепки и пощечины, что вызывает дружное усканье толпы. Такой распущенности и такой мерзости у нас даже в самых неприличных местах не бывает. Побродил я с полчаса, посмотрел на залу, фойе, лестницу и коридоры, да и поскорее домой.

Был в русской церкви. Снаружи мне не понравилось, но внутри очень хороша: крестом с одним престолом. Росписана по золотому полю в византийском стиле. За престолом на стене большой Христос в образе Архиерея Небесного в омофоре – очень хорошо. В полукруглых нишах, которыми заканчиваются по бокам перекрестья, две больших картины Боголюбова⁵⁴: «Хождение с неводом» и «Проповедь на Генисаретском озере». Очень хороши, хотя сюжет трактован в обоих случаях преимущественно с «нейтральной» точки зрения, что для церкви немножко странно, хотя ничего противорелигиозного не составляет.

Канн и Ницца произвели на меня отвратительное впечатление: пошлость, чванство и совершенно ненужное рабство духа ползут из всех углов. В Ниццу я попал только потому, что вез мою жену к Маковским, так как по Италии я путешествовал один. В Ницце смотреть буквально нечего, и потому я должен был ограничиться тем, что омочил впервые, если не «бедрян рукав», то по крайней мере, указательный перст в соленых водах мирного Генуэзского залива.

Вот пока все наиболее интересные впечатления. Простите, что так много написал; но я думаю, что письмо можно всегда бросить недочитанным, если оно надоеет.

С чувством глубочайшего уважения и истинной преданности: имею честь быть Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга

Н. Султанов

P.S. Если Вам угодно будет мне что-либо поручить за границей, вот мой постоянный адрес: France, Nice, Carabacel, villa Francinelli, logement Makovsky, M-me Soultanoff.

P.S. (bis). Достал сегодня снимок с удивительной Богородицы – К.Дольчи⁵⁵. Это изображение – лучшее доказательство, до чего раннее итальянское искусство близко с нашим, благодаря общему византийскому источнику: те же складки покрывала, даже те же условные морщинки под глазами. Но художественное чутье итальянца дает себя знать, и это уже не сухая иконописная «прапаравка», а живое лицо с чудным выражением. Прилагаю для Вас один снимок, так как Вы знаток и любитель хорошей иконописи.

РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1660. Л. 61–81об. Автограф.

Примечания

¹ Имеются в виду слова киевского князя Владимира Святославича (?–1015) (Владимира Святого), при котором происходило крещение Руси.

^a Стоять в «своей» церкви за границей было истинное наслаждение: за душу хватили родные молитвы! (Примеч. автора).

² *Патти Аделина* (1843–1919) – итальянская оперная певица, выступала в Петербурге в 1870-х гг.

³ Имеется в виду Успенский собор в Московском Кремле.

⁴ *Теодорих Великий* (ок. 454–526) – основатель остготского королевства в Италии со столицей в Равенне.

⁵ *Байрон Джордж* (1788–1824) – английский поэт, жил в Равенне в 1820–1821 гг., где вступил в организацию карбонариев, борющихся за независимость и объединение Италии.

⁶ Имеется в виду Общество любителей древней письменности, при котором существовал Комитет попечительства о русской иконописи.

⁷ Угодичи – село в Ростовском уезде.

⁸ *Ковалевский Максим Максимович* (1851–1916) – историк, член Московского археологического общества, в 1887–1905 гг. в эмиграции.

⁹ Имеется в виду объединение Италии в 1870 г.

¹⁰ *Веронезе Кальяри Паоло* (1528, Верона – 1588, Венеция) – автор монументально-декоративной живописи в Венеции Позднего Возрождения.

¹¹ *Тициано Вечеллио* (1476, Пьеве-ди-Кадоре – 1576, Венеция) – крупнейший представитель венецианской школы живописи эпохи Высокого и Позднего Возрождения; широко представлен в галерее Уффици во Флоренции, расписывал церковь Санта-Мария в Венеции и многое другое.

¹² *Девойд Жюль* (1842–1901) – французский певец-баритон, особенно знаменитый в 1880-х гг.

¹³ Вторая империя во Франции (1852–1870) – империя Наполеона III, союзника Италии в борьбе за объединение в войнах с Австро-Венгрией в 1859 г. и в 1866 г.

¹⁴ *Умберто (Гумберт) I* (1844–1900) – король Италии с 1878 г., убит итальянским анархистом.

¹⁵ Имеется в виду дворец графов Шереметевых в Петербурге, на углу Фонтанки и Литейного проспекта.

¹⁶ *Дориа Андреа* (1466–1560) – генуэзский адмирал, в 1528 г. в союзе с испанским флотом освободил Геную от французов и восстановил Генуэзскую республику.

¹⁷ *Бальбо Чезаре* (1789–1853) – граф, в 1848 г. возглавил первый конституционный кабинет министров в Пьемонте, сторонник объединения Италии во главе с Савойской династией.

¹⁸ *Паганини Никколо* (1782, Генуя – 1840, Ницца) – итальянский скрипач и композитор.

¹⁹ *Колумб Христофор* (1451, Генуя – 1506, Вальядолид) – генуэзский мореплаватель, служил в португальском и испанском флотах, возглавил экспедицию, открывшую Америку; при жизни его открытие не оценили, умер в опале.

²⁰ *Марко-Поло* (1254–1324) – итальянский купец и путешественник, едва ли не первый европеец, побывавший в Центральной Азии и Китае.

²¹ На Королевской площади в Берлине в 1873 г. открыли памятник «Победы» (Siegessäule), ознаменовавший объединение Германии «железом и кровью», по выражению Бисмарка. Памятник – колонна, окруженная тремя рядами пушек (20 датских, 20 австрийских и 20 французских).

²² Имеется в виду VIII Московский археологический съезд, состоявшийся в 1890 г.

²³ *Карно Мари Сади* (1837–1894) – президент Франции с 1887 г., сторонник союза с Россией, убит итальянским анархистом.

²⁴ *Сергей Александрович* (1857–1905) – младший брат императора Александра III, командир Преображенского полка (1887–1891), московский генерал-губернатор с 1891 г., убит эсером И.П.Каляевым.

²⁵ Имеется в виду Александр III (1845–1894) – император с 1881 г., сторонник союза с Францией при сохранении хороших отношений с Германией. По убеждению С.Д.Шереметева, адъютанта Александра III в 1868–1883 гг., российскому императору удавалось поддерживать равновесие в Европе, избегая войн и революций.

²⁶ *Бартелями Жюль* (1805–1895) – академик с 1839 г., министр иностранных дел в 1880 г.

²⁷ *Куглер Франц-Теодор* (1808–1858) – профессор Берлинского университета, автор «Истории архитектуры» (Штутгарт, 1854–1873).

²⁸ *Любке Вильгельм* (1826–1893) – профессор истории архитектуры в Берлине, Цюрихе, Штутгарте, продолжатель неоконченного труда Ф.Куглера.

²⁹ *Шнаазе Карл* (1798–1875) – историк искусства.

³⁰ *Барцевский Иван Федорович* (1851–1894) – член-корреспондент Московского археологического общества с 1883 г.

³¹ *Монфокон Бернар де* (1655–1741) – член Академии надписей, заложил основы греческой палеографии как науки, автор многочисленных работ по истории и археологии.

³² *Дюшен Луис* (1843–1922) – аббат, историк, член-корреспондент Московского общества с 1880 г., член Французской Академии с 1910 г.

³³ *Росси Карл Иванович* (1775–1849) – российский архитектор.

³⁴ *Корнель Пьер* (1606–1684) – драматург, член Французской Академии.

³⁵ *Мольер* (1622–1673) – драматург и актер.

³⁶ *Опперт Жюль* (1825–1905) – французский ассиролог.

³⁷ *Ренан Жозеф* (1823–1892) – писатель, историк, филолог, искусствовед, член-корреспондент Московского археологического общества с 1866 г., член Французской Академии с 1878 г., в книге «Жизнь Иисуса» изобразил Христа не Богом, а идеализированным человеком.

³⁸ Вероятно, имеется в виду поэт *Алексей Николаевич Апухтин* (1841–1893).

³⁹ *Масперо Гастон* (1846–1916) – египтолог, член Академии надписей с 1883 г., ученый секретарь Академии с 1914 г.

⁴⁰ *Серебряков А.* – архитектор, под руководством которого Н.В.Султанов в 1870-х гг. реставрировал Троицкую церковь в Останкине, датируемую последней четвертью XVII в.

⁴¹ Имеется в виду герой «Записок сумасшедшего» (1835 г.) Н.В.Гоголя.

⁴² Имеется в виду Людовик XIV (1638–1715) – король Франции с 1643 г.

⁴³ Росбах – селение близ Лейпцига, где во время Семилетней войны 5 ноября 1757 г. произошла битва, превратившая Пруссию в великую державу: 22-тысячная прусская армия во главе с королем Фридрихом II разгромила 43-тысячную объединенную франко-австрийскую армию.

⁴⁴ Сражение при Березине 14–17 ноября 1812 г., после которого «Великая армия» Наполеона I перестала существовать: остатки ее прижали к пограничной реке Березине, окружили и захватили в плен.

⁴⁵ Последнее сражение Наполеона I, проигранное им в Бельгии, при Ватерлоо, 18 июня 1815 г., после чего Первая Наполеоновская империя пала, и произошла реставрация Бурбонов.

⁴⁶ Под Седаном 1–2 сентября 1870 г. пруссаки окружили и взяли в плен французскую армию во главе с Наполеоном III. Вторая империя во Франции рухнула и уступила место Третьей республике.

⁴⁷ «Генерал Дитятин» – литературный персонаж-маска, созданный И.Ф.Горбуновым; в конце XIX в. был столь же популярен, как «полковник Скалзуб» в «Горе от ума» А.С.Грибоедова.

⁴⁸ Имеется в виду маркиза Франсуаза д'Обинье (1635–1719), в 1-м браке госпожа де Монтенон, любовница короля Людовика XIV, на которой он женился 2-м браком.

⁴⁹ Король *Людовик XIV* (1754–1793) и его жена, королева *Мария-Антуанетта* (1755–1793) были казнены на гильотине во время Французской революции.

⁵⁰ *Кондаков Николай Павлович* (1844–1925) – член Общества любителей древней письменности и Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, член Комитета попечительства о русской иконописи – управляющий делами (1901–1907), позднее – «непременный член», член-корреспондент Московского археологического общества.

⁵¹ *Толстой Иван Иванович* (1856–1916) – граф, член Русского археологического общества с 1882 г., вице-президент Академии художеств (1893–1905), министр народного просвещения (1905–1906), петербургский городской голова.

⁵² См.: Толстой И.И. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. СПб., 1889.

⁵³ Вероятно, имеется в виду *Барсуков Николай Платонович* (1838–1906) – историк и археограф, друг С.Д.Шереметева.

⁵⁴ *Боголюбов Алексей Петрович* (1824–1896) – художник-маринист, с 1873 г. жил преимущественно в Париже, где и умер.

⁵⁵ *Дольчи Карло* (1616–1686) – итальянский живописец.

«ПРИНИМАТЬ ИХ ТАК, КАК ПОДДАННЫХ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА»

К вопросу о вхождении дагестанских владельцев
в состав России. 1792 г.

Вхождение Дагестана в состав России происходило непросто, хотя отвечало чаяниям и населения, и высшей местной знати. В этом процессе выделяется несколько этапов.

В самом конце XVIII в. шамхал¹ Мухамед Тарковский возбудил перед императрицей Екатериной II и руководством Астраханской губернии («области» Кавказского наместничества) ходатайство о принятии его в российское подданство. Его резиденция Тарки – известное село и археологический памятник, прилегающий ныне к Махачкале со стороны предгорий. Вокруг шамхала группировались кумыкские князья, но его влияние распространялось на весь Дагестан (см. док. № 1). Фамилия «Тарковские» (несколько ее ветвей) стала весьма известной и в России.

Указ императрицы от 28 февраля 1792 г. предоставлял кавказскому наместнику генерал-губернатору Ивану Васильевичу Гудовичу широкие возможности инициатив в дружественных контактах с горскими владельцами, в том числе и с шамхалом Тарковским. Герой русско-турецкой войны 1787–1791 гг., незадолго до этого (в 1791 г.) штурмом овладевший не менее сильной, чем Измаил, турецкой крепостью Анапой, генерал-аншеф И.В.Гудович проявил чрезвычайную деликатность в отношениях с дагестанскими владельцами, которых ему рекомендовано было «не единою силою оружия... побеждать..., но паче правосудием и справедливостью» приобретать «их к себе доверенность, кротостию смягчать, выигрывать сердца и приучать их более общаться с русскими»². В русле этой миролюбивой политики он даже распорядился организовать в Астраханском народном училище обучение языкам коренных жителей Кавказа³.

Несмотря на то, что И.В.Гудович являлся главным военным лицом на Кавказе, продолжая оставаться еще и генерал-губернатором Рязанским и Тамбовским⁴, и находился преимущественно на своей главной военной базе в Георгиевске (ныне станция Георгиевская, расположенная в начале Военно-грузинской дороги), он регулярно пересылал свои указания в Астрахань (с 1790 г. город стал центром Кавказского наместничества).

¹ Шамхал (шемхал, шавхал) – титул правителя кумыков в Дагестане. Шамхальство Тарковское возникло в XV столетии на территории от реки Терека до южных границ Дагестана.

² Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. Сб. документов. М., 1988. С. 13.

³ Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки. Астрахань, 1987. С. 52.

⁴ Там же.

Документы Государственного архива Астраханской области (ГААО) конкретизируют процесс принятия в подданство шамхала и его подвластных, проясняют механизм этих событий. В фонде № 476 «Кавказское наместническое правление» хранится «Дело о принятии в русское подданство дагестанского князя Мухамеда-шамхала», имеющее и второе название: «Ордер генерал-аншефа Ивана Васильевича Гудовича о вступлении Мухамеда-шемхала Тарковского, со всеми областями его и дагестанскими князьями, в вечное подданство Ея Императорского Величества».

Материалы дела свидетельствуют о том, какие конкретные указания дал на этот счет в октябре 1792 г. И.В.Гудович, какие меры последовали со стороны губернских властей в Астрахани. Есть в деле указание и на высочайший указ императрицы от 30 октября 1792 г. по тому же вопросу, однако текст самого указа, либо близкие ссылки на него, в документе отсутствуют⁵.

Известно, что другим указом в апреле 1793 г. подданство «Засулакской Кумыкии и шамхальства Тарковского» было подтверждено, а шамхал был произведен в тайные советники с жалованьем в 6 тыс. руб. в год для содержания его военных отрядов⁶.

Однако «вечное подданство» шамхала и других князей было прервано кровопролитными походами Ага-Мухаммеда Каджара, пришедшего к власти в Персии. Дагестан вплоть до Дербента вошел в состав России лишь в 1806 г., что было подтверждено Гюлистанским мирным договором в 1813 г. Шамхальская власть сохранялась на данных территориях и в составе Российской империи и была упразднена только после завершения многолетней Кавказской войны в 1867 г.

Документы публикуются по современным правилам правописания, с сохранением стилистики оригиналов. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Сведения о ряде лиц установить не удалось.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук В.М.ВИКТОРИН.

№ 1

Ордер кавказского наместника И.В.Гудовича астраханскому губернатору П.М.Скаржинскому о вступлении в российское подданство шамхала М.Тарковского

Ордер правящему должности правителя Кавказского наместничества господину бригадиру и кавалеру Скаржинскому

№ 906

3 октября 1792 г.

Мухамед шамхал Тарковский, владетель Дагестанский вступил в вечное подданство Ея Императорского Величества всемилостивейшей нашей Государыни¹ и на вечные времена Всероссийского Императорского престола со всеми областями его владения и дагестанскими князьями.

Я дал о сем знать Вашему Превосходительству с тем, чтобы Вы, объявляя о сем всем, кому следует, приказали с приезжающими в Астрахань и другие города для торгового промысла и для других надобностей подвластными Мухамед шемхала Тарковского обходиться ласково и принимать их так, как подданных Ея Императорского Величества.

И.Гудович

⁵ ГААО. Ф. 476. Оп. 5. Д. 124. Л. 7–7об.

⁶ Русско-дагестанские отношения С. 13.

*Пометка: «слушанное 20 октября» [в] Георгиевске
Над текстом отметка: «Исх. № 649 октября 16 числа 1792».*

ГААО. Ф. 476. Оп. 5. Д. 124. Л. 1. Автограф.

№ 2

Распоряжение канцелярии Кавказского наместнического правления во исполнение ордера кавказского генерал-губернатора И.В.Гудовича

Чтение 20-го октября [1792 г.] пополудни

Слушали

Ордер Его Превосходительства господина генерал-аншефа Рязанского, Тамбовского наместнического генерал-губернатора и разных орденов кавалера Ивана Васильевича Гудовича, писанной на имя^а правящего должного Кавказского наместничества и кавалера, в коем написано, что Мухамед шемхал Тарковский, владетель Дагестанский вступил в вечное подданство Ея Императорского Величества всемилодивейшей нашей государыни на вечные времена Всероссийского Императорского престола со всеми областями его владения и дагестанскими князьями. Его Высокопревосходительство дает о сем знать^б ему, господину правителю и кавалеру с тем, чтобы^в объявил о сем всем, кому следует. Приказал с приезжающими в Астрахань и другие города Астраханской области для торгового промысла и для других надобностей подвластным Мухамеда шемхала Тарковского обходиться ласково и принимать их как поданных Ея Им[ператорского] В[еличест]ва.

Приказали

С прописанием сего Его Высокопревосходительства присланного ордера для надлежащего сведения и в случае исполнения в здешние части Уголовную, Казенную и Гражданскую и Приказе общественного призрения сообщить, Совестному суду предложить, а комендантам, городничим ^гвчинить^г, земским судам и Уральской войсковой канцелярии для надлежащего распубликования исполнения, равно как и прочим подчиненным ^гс прописанием оног^г его правлению местам послать указы, о чем Его Высокопревосходительству предоставить заизвестия.

Петр Скаржинский

Марко Малинский²

Герасим Неиرونимов³

С подлинным верно:
протоколист *Петр Григорьев*

ГААО. Ф. 476. Оп. 5. Д. 124. Л. 2–2об. Автограф.

^а Далее зачеркнуто: «правителя его».

^б Далее зачеркнуто: «Его Превосходительству».

^в Далее зачеркнуто: «Его Превосходительство».

^{г-г} Вписано, по всей видимости, рукой П.Скаржинского.

№ 3

Рапорт в Кавказское наместническое правление из Калмыцкой канцелярии о получении указа императрицы Екатерины II о принятии в российское подданство шамхала Тарковского

В Кавказское наместническое правление
из Калмыцкой канцелярии

Репорт

Ея Императорского Величества Указ из Кавказского наместнического правления истекшего октября м[еся]ца от 30-го числа под № 37040 в Калмыц- кой канцелярии сего ноября 4-го числа получен.

Во все канцелярии резолюцией заключено о получении сего отрепортовать, ставя в донесениях, что о настоящем прописанном в Указе надлежащего исполнения в самой скорости учинить не оставить.

Порудчик Александр Шарвенич^а

Секретарь Иван Янчиков

ГААО. Ф. 476. Оп. 5. Д. 124. Л. 15.

№ 4

Представление кавказскому генерал-губернатору И.В.Гудовичу из Кавказского наместнического правления о мерах, принятых по его ордеру

2 ноября 1792 г.

Его Превосходительству г[осподи]ну генерал-аншефу
Ивану Васильевичу Гудовичу В Кавказское
наме[стническое] правление
Представление

Во исполнение Вашего Высокопревосходительства ордера 23-го истекшего октября № 906 последовавшего на имя правителя сего наместничества и кавалера ко всем предписали адабы знать чего Его Высокопревосходительство хотел бы^а, что Его Высопревосходительство объявил всем, кому следует, приказал с приезжающих в Астрахань и другие города Астраханской области для торгового помысла и других надобностей подвластными Мухамеда шемхала Тарковского обходиться ласково и принимать их как подданных Ея Император[ского] В[еличест]ва из сего правления с прописанием Вашего Высокопревосходительства ордера для надлежащего сведения и в случае исполнения в здешние Палату Уголовную, Казенную, Гражданскую, в Приказ общественного призрения и сообщено Совестному суду, предложено и комендантам, городни-

^{а-а} Вписано рукой автора документа.

чим, нижним земским судам и Уральской войсковой к[анцеля]рии для надлежащего распубликования и чтобы оным, равно прочим подчиненным сему правлению местам указы по списочному Вашему Высокопревосходительству реквизииту наместническому правлению представляют.

ГААО. Ф. 476. Оп. 5. Д. 124. Л. 8. Копия.

Примечания

¹ Имеется в виду императрица Екатерина II.

² Уточнить должность не удалось.

³ Чтение фамилии предположительное.

⁴ По всей видимости, Александр Шарвенич в указанный период исполнял обязанности руководителя Калмыцкой канцелярии.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВ ВОЖДЕЙ

- «...Триумф XXII съезда – прежде всего Ваш личный триумф».**
Письмо чувашского писателя В.З.Иванова-Паймена Н.С.Хрущеву.
1961 г. (М.Г.Николаев)..... 3

РОССИЯ В КОСМОСЕ

- «Нам удалось сделать рывок».** Из воспоминаний действительного члена АН СССР (РАН) Б.Е.Чертока (Е.Ю.Башилова, Т.А.Головкина) ... 46

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

- Советский резидент Кент глазами Г.Мюллера и Х.Паннвица.**
1944–1956 гг. (С.Н.Полторак) 54

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

- «Ради правды не пожалею ни зарубежной, ни русской церкви».**
Конфликт в Свято-Сергиевском богословском институте
в переписке Г.П.Федотова. 1939 г. (С.С.Бычков) (Окончание)..... 73

ФОТОДЕТОПИСЬ

- Мастера русской историографии: Михаил Николаевич Тихомиров**
(1893–1965) (С.О.Шмидт) 117

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

- «Казалось, двери России были распахнуты настежь, и нам остается лишь войти...».** Документы по истории Армии Спасения в России.
1909–1916 гг. (М.И.Одинцов)..... 133

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

- «Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться».** Из переписки Николая II и Д.Ф.Трепова.
1905–1906 гг. (И.И.Глебова)..... 171

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

- «Простите за правду».** Письмо редактора журнала
«Русское богатство» Л.Е.Оболенского Н.К.Михайловскому.
1885 г. (Г.Н.Мокшин) 184
- «Раннее итальянское искусство близко с нашим, благодаря общему византийскому источнику».** Письма архитектора
Н.В.Султанова С.Д.Щереметеву. 1887–1891 гг. (Л.И.Шохин)..... 202

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

- «Принимать их так, как подданных Ея Императорского Величества».**
К вопросу о вхождении дагестанских владельцев в состав России.
1792 г. (В.М.Викторин) 217

CONTENTS

LEADERS' ARCHIVES

- «...Triumph of the Twenty-second Congress is first of all your personal triumph». Chuvash writer V.Z.Ivanov-Pymen's letter to N.S.Khrushchev. 1961. (M.G.Nicolaev)..... 3

RUSSIANS IN OUTER SPACE

- «We have succeeded in making a spurt». From Member of the Academy of Sciences of the USSR (the Russian Academy of Sciences) B.E.Chertok's reminiscences. (E.Yu.Bashilova, T.A.Golovkina)..... 46

THE GREAT PATRIOTIC WAR

- Soviet fixed-post spy Kent through G.Mueller and H.Pannwitz's observations. 1944–1956 (S.N.Poltorak)..... 54

RUSSIANS ABROAD

- «For the sake of truth I will spare neither the Foreign Church nor the Russian Church». Conflict in the Saint Sergei Theological Institute through G.P.Fedotov's correspondence. 1939. (S.S.Bychkov) (*The End*) ... 73

PICTORIAL REVIEW

- Pillars of Russian historiography: Mikhail Nikolaevich Tikhomirov. 1883–1965. (S.O.Schmidt) 117

STATE AND CHURCH

- «It seemed, that Russia's doors were thrown open, and we only had to come in...». Documents on the history of the Salvation Army in Russia. 1909–1916 (M.I.Odintsov) 133

RUSSIA AT THE TURNING-POINT

- «You are my only servant whom I can completely rely on». From correspondence between Nicolas II and D.F.Trepov. 1905–1906. (I.I.Glebova) 171

THE NINETEENTH CENTURY

- « Pardon me for truth». Editor of «Russkoe bogatstvo» magazine L.E.Obolensky's letter to N.K.Mikhailovsky. 1885. (G.N.Mokshin)..... 184
- «Early Italian art has much in common with our art because of the same Byzantine origin». Architect N.V. Sultanov's letters to S.D.Sheremetev. 1887–1891. (L.I.Shokhin) 202

FROM ANCIENT TIMES

- «They must be treated as subjects of Her Imperial Majesty». On the issue of Daghestan princes' joining Russia. 1792. (V.M.Victorin)..... 217

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАШИЛОВА Елена Юрьевна – ведущий специалист Российского государственного архива научно-технической документации

БЫЧКОВ Сергей Сергеевич – доктор исторических наук

ВИКТОРИН Виктор Михайлович – кандидат исторических наук, советник губернатора Астраханской области

ГЛЕБОВА Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, докторант Института научной информации по общественным наукам РАН

ГОЛОВКИНА Татьяна Александровна – начальник отдела Российского государственного архива научно-технической документации

МОКШИН Геннадий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного университета

НИКОЛАЕВ Михаил Георгиевич – старший научный сотрудник Государственного Исторического музея

ОДИНЦОВ Михаил Иванович – доктор исторических наук, начальник отдела аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич – доктор исторических наук, главный редактор журнала «Клио»

ШМИДТ Сигурд Оттович – доктор исторических наук, академик Российской академии образования

ШОХИН Леонид Игоревич – кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского государственного архива древних актов

Издатель: АНО «Издательство

“Российская политическая энциклопедия”»

Компьютерная верстка *А.Егоркина, А.Фетисова.*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 30.07.2003.

Формат 70х100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 800 экз. Заказ № 8498

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);

Тел./факс: 334-81-62.

ППП типография «Наука».

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

**Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)**

Выпускает научную литературу по истории, философии, политологии, культурологии, экономике, энциклопедические издания, мемуаристику и т.п.

**Наши книги вы можете приобрести без торговых наценок
в фирменных магазинах Издательства в г. Москве:**

«Книжный салон РОССПЭН» (в офисе Издательства): ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел. 334-82-42, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ (метро «Калужская»).

«Книжная лавка историка»: Б. Дмитровка ул., д. 15. Тел. 200-50-07, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰
(метро «Охотный ряд», «Театральная», «Пушкинская», «Чеховская»).

«Книжный киоск РОССПЭН»: Дм. Ульянова ул., д. 19. Тел. 126-94-18, с 11⁰⁰ до 17⁰⁰
(метро «Академическая»).

«Книжная лавка обществоведа»: Нахимовский пр-т, д. 51/21. Тел. 332-47-25,
с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ (метро «Профсоюзная»).

Наши книги постоянно продаются в книжных магазинах:

Академкнига (Екатеринбург)
Мамина-Сибиряка ул., д. 137

Библио-Глобус (Москва)
Мясницкая ул., 6

Академкнига (Красноярск)
Сурикова ул., д. 45

Дом книги (Санкт-Петербург)
Невский пр., 28

Академкнига (Новосибирск)
Красный пр., д. 51

Московский Дом Книги (Москва)
Новый Арбат ул., 8

Академкнига (Санкт-Петербург)
Литейный пр., д. 57

Топ-книга (Новосибирск)
Арбузова ул., 1/1

Академкнига (Уфа)
Зорге ул., 10

Справки по тел./факсу: **(095) 334-82-42**

E-mail: rosspen@rosspen.com

URL: <http://www.rosspen.com>

«Исторический архив»: 1919—2001 гг.

Указатель опубликованных материалов. Составители:
И.А.Кондакова, А.А.Чернобаев. — М.: «Российская
политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 192 с.
Тираж 500 экз.

Указатель содержит сведения обо всех материалах, опубликованных
на страницах «Исторического архива» за 1919—2001 гг.
Весь комплекс Указателя разделен по периодам печатания
«Исторического архива» (1919; 1921; 1936—1954; 1955—1962;
1992—2001). Необходимые сведения из истории данного издания
приведены во вступительной статье, подготовленной В.В.Крыловым
и А.А.Чернобаевым.

Для облегчения поиска нужных материалов по различным
проблемам составлены вспомогательные указатели: именной — лиц,
упоминаемых в статьях и публикациях; географический;
хронологический; предметно-тематический; архивов и иных
архивохранилищ; авторов статей и публикаций.

Приобрести справочник можно в наших фирменных магазинах:

1. «Книжная лавка историка». Москва, ул. Б.Дмитровка,
д. 15. Тел. 200-50-07.
 2. «Книжный киоск РОССПЭН». Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Тел. 126-94-18.
 3. «Книжная лавка обществоведа». Москва,
Нахимовский пр., 51/21. Тел. 332-47-25.
- Или в издательстве. Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Издательство

«Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

проводит подписку на журнал «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»
на II полугодие 2003 г.

Периодичность издания 3 номера в полугодие
Стоимость полугодовой подписки 300 руб. с учетом почтовых
услуг в пределах Российской Федерации

Для оформления подписки переведите 300 руб.
на расчетный счет издательства через любое отделение Сбербанка

Образец заполнения квитанции в Сбербанке:
АНО «Издательство Российская политическая энциклопедия»
ИНН 7717098296

Р/сч 40703810638090103673 в Мещанском отделении 7811
Сбербанка России г. Москва

К/сч 3010181040000000225 БИК 044525225

Подписаться на журнал можно в издательстве:
117393, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел./факс: (095) 334-82-42, E-mail: rosspen@rosspen.com